КИМ ИР СЕН

Андрей Балканский

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Ким Ир Сен для Северной Кореи — бессменный вождь и единственный президент, со дня его рождения отсчитывают летоисчисление чучхе, а в других странах его причисляют к наиболее жестоким диктаторам XX века. Жизнь этого человека, носившего разные имена, богато насыщена событиями, подчас таинственными. Как мальчик из корейской деревушки превратился в прославленного командира партизанского отряда, громившего японцев в Маньчжурии? Почему он надел форму красноармейца и за какие заслуги получил в СССР орден Красного Знамени? Что помогло Ким Ир Сену без малого 50 лет возглавлять Страну утренней свежести и, даже отойдя в мир иной, остаться для своего народа вечно живым?

Книга Андрея Балканского — первая на русском языке оригинальная биография лидера КНДР, описывающая долгий путь и проливающая свет на многие загадки. Особое внимание уделено непростым отношениям Кима со Сталиным, Хрущевым, Брежневым, рассказано о его реакции на события, повлекшие крушение СССР и социалистического лагеря.

- Балканский Андрей
  - БИОГРАФИЯ ИДОЛА
  - Глава первая
  - Глава вторая
  - Глава третья
  - Глава четвертая
  - Глава пятая
  - Глава шестая
  - Глава седьмая
  - Глава восьмая
  - Глава девятая
  - Послесловие
  - ПРИМЕЧАНИЯ
    - Глава первая
    - Глава вторая
    - Глава третья
    - Глава четвертая
    - Глава пятая
    - Глава шестая
    - Глава седьмая
    - Глава восьмая
    - Глава девятая

- Послесловие
- ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИМ ИР СЕНА
- ЛИТЕРАТУРА
- Иллюстрации

- notes
  - 1

Балканский Андрей
КИМ ИР СЕН

Пусть даже небо упадет на землю, но мы не свернем с избранного пути.

Ким Ир Сен

БИОГРАФИЯ ИДОЛА

Товарищ Ким Ир Сен — Восходящее Солнце — национальный герой из породы великих азиатских революционеров, гранитных колоссов, персонажей скорее Древнего мира, чем нашего. Другие — это великий кормчий Мао, сногсшибательный дядюшка Хо Ши Мин, да и жестокий мечтатель Пол Пот, что в переводе с французского есть Пол Дружище, Друган. Всех их возможно причислить к великой бригаде гигантов, возвышающихся над Азией как идолы с острова Пасхи.

От великих, бледных и нервных европейских революционеров — Ленина, Гитлера, Муссолини — азиатских колоссов отличают большая честная мудрость, наивность, повышенный фанатизм и обязательное азиатское чудачество, склонность к универсальным формулам всеобщего спасения. «Большой скачок», «винтовка рождает власть», «пусть цветут сто цветов», «город — зло», «агрикультура — есть ключ к построению нации». К этим сжатым формулировкам азиатской политической мысли великий Ким добавил свою — идеи чучхе.

Уверовав в идею диктатуры народа, азиатские колоссы с чудовищной энергией воздвигли экзотические сказочные государства, в которых, впрочем, нелегко жить, как во всякой сказке. И если огромный Китай все же мутировал в капиталистическое государство, руководимое компартией, то небольшая Корея сохраняет нетронутыми заветы гиганта, идола, товарища Ким Ир Сена. В Корее застыл в недвижимости экстравагантный, воинственный и фанатичный режим его потомков, и по суровой оригинальности этому режиму нет равных.

Автор книги вначале проявил интерес к стране — небывалой *Neverland,* Северной Корее, а затем заинтересовался и безусловно мощным человеком-гигантом, который такую Корею создал.

Это талантливо написанная биография Идола.

Эдуард Лимонов

Глава первая
СОСНА НА ГОРЕ НАМ

Старый мир умирал, новый мир рождался. 15 апреля 1912 года, когда ужас застыл в глазах пассажиров погружавшегося в холодные воды Атлантики «Титаника», на другом конце планеты издал первый крик только что появившийся на свет младенец. Родители назвали первенца Сон Чжу (Становящийся опорой). В жизни его будут именовать по-разному: Чансон (Старший внук), Хан Бер (Утренняя звезда), Тон Мен (Свет с востока)… Но известен он станет как Ир Сен (Восходящее Солнце).

Можно видеть в этом простое совпадение, а можно — символ, тайный знак истории. Пролистывая календарь за 1912 год, мы обнаруживаем еще немало символичных дат.

Год начался с крушения древнейшей монархии мира. 1 января в Нанкине доктор Сунь Ятсен провозглашает Китайскую Республику на основе «трех народных принципов»: национализма, народовластия, народного благоденствия. Это событие изменит пути развития Востока в целом и Кореи в частности. Ведь нет другой страны, с которой Корея была бы связана столь тесно, как с Китаем.

Другой революционер, которому Ким Ир Сен будет обязан своим восхождением к вершинам власти — Иосиф Джугашвили, — берет себе звучный псевдоним Сталин. 22 апреля в Петербурге начинает выходить орган партии российских социал-демократов газета «Правда», в первом номере которой публикуется его статья «Наши цели». В тот же день его арестовывают. В ссылке он пишет свою первую теоретическую работу «Марксизм и национальный вопрос».

25 августа рождается будущий соратник Кима по социалистическому лагерю Эрих Хонеккер. Немецкий коммунист, заключенный в нацистском концлагере, лидер Германской Демократической Республики. Умрут они тоже в один год. Один на посту лидера страны, оплакиваемый своим народом. Другой — в изгнании, на противоположном конце света, всеми забытый.

Сам Ким вспоминал в связи с датой своего рождения другие события, новости колониальной политики — высадку американской морской пехоты в Гондурасе, французский протекторат над Марокко и занятие итальянскими войсками острова Родос. Ну и японскую оккупацию Кореи, разумеется.

Родная деревня Кима носит название Мангёндэ — «десять тысяч пейзажей». Это действительно весьма живописное местечко

в окрестностях города Пхеньяна, в самом сердце Корейского полуострова. Рядом с селом находятся поросшие сосновым лесом сопка Мангён и гора Нам, откуда открывается прекрасный вид на реку Тэдон и ее острова. Эти земли были издавна популярны у местной знати, которая покупала здесь участки под фамильные кладбища.

«Говорят, что наш род пришел на север из Чончжу провинции Северный Чолла при предке Ким Ге Сане в поисках средств к существованию, — пишет он в мемуарах. — Род наш пустил свои корни в Мангёндэ при прадеде Ким Ын У. А прадед родился в квартале Чунсон города Пхеньяна, занимаясь земледелием с малолетства. В конце шестидесятых годов прошлого века он со всей семьею переселился в Мангёндэ, приобретя там дом для сторожа фамильного склепа пхеньянского помещика Ли Пхен Тхэка»[1].

Ким Ын У, если верить северокорейским историкам, возглавил сражение против американского пиратского судна «Генерал Шерман».

Этот эпизод хорошо известен и мировой исторической науке. Закрытое корейское общество в XIX веке ожесточенно противилось влиянию иностранцев, тем более что сами они давали к такому отношению немало поводов. В 1866 году американский корабль «Генерал Шерман» отправился в Корею под предлогом заключения торгового договора. По приливной волне судно смогло подняться по реке Тэдон до острова *Янгак* в черте города Пхеньяна. Торговля с западными странами была запрещена, и местный губернатор Пак Кю Су вежливо попросил незваных гостей убираться туда, откуда приплыли, предварительно отправив на корабль воду и продукты.

Однако янки сочли такое поведение проявлением слабости. Они взяли в заложники корейцев, доставлявших продукты, и начали стрелять из пушки по берегу. В довершение всего они устроили настоящий пиратский рейд по окрестным деревням, убив семь и ранив пять человек. К тому времени начался отлив, и «Шерман» сел на мель. Губернатор, потеряв терпение, приказал сжечь корабль, в результате чего все двадцать три члена экипажа погибли в огне.

В отличие от полулегендарного прадеда Кима, его дедушка и бабушка — личности вполне реальные. С ними не раз беседовали журналисты, навещавшие Мангёндэ после окончания Второй мировой войны. Ким Бо Хён и Ли Бо Ик надолго пережили своего сына Ким Хён Чжика и даже застали те дни, когда их любимый внук встал во главе страны. А в конце XIX века они арендовали землю в Мангёндэ, занимаясь крестьянским трудом. Жили тяжело

и бедно, едва не голодая.

Ким Хён Чжик появился на свет в 1894 году. Он рос ребенком решительным и своенравным, выделяясь среди своих многочисленных братьев и сестер (в семье было шестеро детей). Об этом говорит хотя бы такой поступок: в возрасте одиннадцати лет он поднялся на гору за селом и отрезал себе косу. Это было неслыханное нарушение традиции. В Корее молодые люди до женитьбы обязаны были носить косу, а обрезать волосы могли только в день свадьбы.

Для того чтобы дать мальчику образование, семье пришлось напрячь все силы. Хён Чжик успешно поступил в Сунсильскую среднюю школу — одно из многочисленных учебных заведений, основанных американскими миссионерами в Корее. Обучение здесь считалось престижным и включало современные науки: математику, физику, геометрию, историю.

Впрочем, школу Хён Чжик так и не закончил. Характер не позволял ему долго засиживаться на одном месте. В жизни он поменял немало профессий: то учительствовал, то занимался лечением травами, то сотрудничал с различными протестантскими миссиями. В христианскую культуру он погрузился довольно глубоко — мог прочитать проповедь, сыграть на органе и исполнить обязанности священника.

В возрасте пятнадцати лет он женился на семнадцатилетней Кан Бан Сок, родители которой также были ревностными христианами. Правда, она происходила из более состоятельной интеллигентной семьи. Отец девушки, Кан Дон Ук, был основателем и директором средней Чхандокской школы в соседнем с Мангёндэ селе Чхильгор, а по совместительству — священником в местной протестантской церкви. Так что и Кан Бан Сок с детства воспитывалась в религиозном духе.

Молодая семья жила вместе со старшими, в нужде и бедности. Сегодня туристам, приезжающим в Мангёндэ, показывают сохранившийся до наших дней родной дом Кима. Это несколько скромных хижин, крытых соломой. Среди утвари выделяется горшок странной измятой формы, который приобрела бабушка для засолки традиционной корейской капусты кимчи. Горшок почти ничего не стоил, и бракованную посудину купили из соображений экономии.

Весной в доме кончался годовой запас продовольствия. Сон Чжу хорошо запомнил чувство постоянного голода, вкус жидкой похлебки из неочищенного гаоляна, которую почти невозможно было проглотить, и каши с сывороткой от соевого творога, сваренного на пару. Однажды, когда мальчик слег с температурой, бабушка достала для него кусок свинины. После

этого он мечтал заболеть снова, чтобы поесть мяса еще раз. Ситуация еще больше усугубилась с рождением младших братьев, Чхоль Чжу и Ён Чжу.

Эти времена были тяжелыми не только для семьи Ким Хён Чжика, но и для миллионов корейцев. Их родина, страна древней истории и культуры, имевшая многовековые традиции государственности, потеряла самое дорогое — свою независимость.

Когда в Древнем Китае — Поднебесной империи — впервые узнали о некоем княжестве на востоке, населенном неизвестными ранее племенами, хронисты обозначили их двумя иероглифами — «чо» и «сон». В итоге получилась красивая комбинация, ведь первый иероглиф одним из своих значений имеет «утро», а второй — «свежесть». Так Корея стала Страной утренней свежести. Древний Чосон был мощной державой, включавшей в себя как корейские, так и китайские земли. Кстати сказать, именно слово «Чосон» присутствует в официальном наименовании Северной Кореи.

А в Южной Корее страна именуется «Хан». Именно так называлась королевская Корея в конце XIX века, а еще раньше, в начале нашей эры, этим словом обозначали группу племен, живших на самом юге полуострова.

Привычное же нам слово «Корея» восходит к объединителю княжеств полуострова полководцу Ван Гону, жившему в X веке. Он назвал так свою династию. А иностранцы по аналогии прозвали так страну.

Начиная с XV века в течение пяти с лишним столетий в Корее правила династия Ли. «Феодальные правители нашей страны праздно проводили сотни лет своего господства, напялив на себя шляпы из конского волоса, разъезжая на ослах и сочиняя стихи на лоне природы, тогда как другие обходили свет на военных кораблях и в поездах. А когда агрессивные силы Востока и Запада нагрянули на нас со своими флотилиями, феодалы раболепно отворили им наглухо замкнутые свои ворота. Феодальная королевская династия превратилась в объект неограниченного торга и захвата концессий внешним капиталом» — такую нелестную оценку дал этой династии Ким в своих мемуарах[2].

Во второй половине XIX века доминирование стран Запада, намного обогнавшего в техническом развитии Восток, вылилось в масштабную экспансию в Дальневосточном регионе. Великие державы рвали на куски Китай и колонизировали прибрежные территории Юго-Восточной Азии. Корея же, даже на фоне Китая, воспринималась как некий заповедник Средневековья. Корейские ученые обосновывали точку зрения, согласно которой именно в

их стране сохранились подлинные конфуцианские порядки, тогда как в Китае истинное конфуцианство испорчено «переменами». Страна была наглухо закрыта от внешнего мира.

С 1863 года престол занимал император Кочжон — личность, во многом напоминавшая нашего Николая Второго. Есть даже определенное внешнее сходство: на фотографиях перед нами предстает благообразный мужчина небольшого роста, с аккуратной бородкой, в мундире с орденами. Как и Николай, Кочжон был человеком нерешительным, несамостоятельным, постоянно колебался между различными группами влияния.

Стране требовались радикальные реформы, а осуществить их было некому. Уже к концу XIX века Корея превратилась в арену соперничества мировых держав, желавших прибрать к рукам этот лакомый кусочек. При дворе существовало несколько партий, боровшихся за влияние на императора и ориентированных на ведущие региональные страны — Китай, Японию, Россию и США.

Первым выбыл из игры Китай, который сам оказался настолько слаб, что не мог сопротивляться вмешательству в его дела других государств. Русская партия обладала серьезным влиянием, некоторое время Кочжон даже жил в российской дипломатической миссии. Однако точки над «i» расставила Русско-японская война, после которой (в соответствии с так называемым соглашением Кацуры — Тафта) Япония получила полное доминирование в Корее. США же предпочли уступить, произведя своеобразный размен: Корея стала японской зоной влияния, при этом Япония признала права Штатов на Филиппины.

Япония первой из дальневосточных стран сумела совершить рывок в своем развитии. После революции Мэй-дзи 1868 года она начала быстрыми темпами развивать промышленность и усиливать армию. Вскоре она уже на равных воспринималась ведущими мировыми державами. Растущая мощь и амбиции подтолкнули японскую элиту к идее о доминировании на континенте — паназиатизму. Подчинение более развитой Японией отсталых соседей должно было привести в итоге к созданию «великой империи желтой расы». Причем Корея занимала первое место в этом списке как наиболее легкая добыча. В патриотическом угаре японские генералы патетично именовали Корею не иначе как «кинжал, направленный в сердце Японии», намекая на то, что надо бы поскорее ее завоевать, пока этого не сделал кто-то другой.

В 1905 году в столицу Кореи Сеул с особой миссией прибыл специальный посланник японского императора Ито Хиробуми. Он попытался склонить Кочжона к подписанию договора о

протекторате Японии над Кореей. Однако монарх не стал подписывать кабального документа, ссылаясь на плохое самочувствие. Тогда во дворце, окруженном японскими войсками, Ито заставил подписать его нескольких министров, которых стали именовать «пятью предателями».

Несмотря на то что договор без подписи императора не имел юридической силы, в Корее был учрежден особый контрольный орган — Управление генерального резидента, руководивший армией и внешней политикой, а также имевший право издавать указы и давать распоряжения правительству. Во всех судах появились японские советники. В провинциях учреждались посты провинциальных резидентов, которые заменили собой корейских губернаторов.

Император пытался противодействовать японскому поглощению Кореи. В 1907 году он тайно направил на международную конференцию в Гааге посольство с просьбой помочь вернуть независимость Кореи. Делегация добралась до Голландии через Маньчжурию и Россию. Однако под давлением Японии и Англии ее на конференцию так и не допустили. Мировые державы были слишком заняты торгом между собой, чтобы обращать внимание на корейский вопрос. Существует красивая патриотическая легенда о том, что глава посольства Ли Чжун в знак протеста вскрыл себе живот прямо в ходе конференции. Впрочем, на самом деле его даже не пропустили в зал заседаний. Ли был вынужден ограничиться выступлением перед журналистами, а скончался от болезни.

Тем временем резидент Хиробуми, узнав о тайном посольстве, заставил Кочжона отречься от престола в пользу его сына Сунчжона, больного олигофренией. Династия стремительно двигалась к бесславному концу. Новый монарх безропотно подписал новый, еще более кабальный договор, едва ли отдавая себе отчет в своих действиях.

Возмездие вскоре настигло Хиробуми в лице молодого корейца Ан Чжун Гына. После заключения договора о протекторате Ан и его четверо друзей отрезали себе безымянные пальцы, кровью написали иероглифы «Независимость Кореи» и поклялись мстить захватчикам. В 1909 году он застрелил генерального резидента на вокзале в Харбине. Ан был казнен, но стал знаменем и символом корейского сопротивления.

Перед смертью Ито будто бы воскликнул: «Идиот! Он убил меня», имея в виду, что политика Японии в Корее еще больше ужесточится. Так оно и случилось. Под давлением нового генерального резидента король и премьер-министр были вынуждены согласиться с подписанием Корейско-японского

договора о соединении, который окончательно поставил точку в существовании независимого Корейского государства.

Название страны сменилось с гордого имперского «Великая Хан» на нейтральное «Чосон». Вся власть передавалась японскому генерал-губернатору. Япония стала осуществлять в Корее военное, или, как его называли в советской историографии, сабельное управление.

Было объявлено, что два народа имеют общее происхождение, а корейский язык и культура являются лишь ветвью японского языка и культуры. Запрещалось издание газет и книг, обучение в школах на корейском языке. Большую часть привилегированных должностей и профессий могли занимать только японцы. Госаппарат также формировался полностью из них.

Кадастровый учет, проведенный новой властью, привел к тому, что большая часть пахотных земель и лесов оказалась в собственности генерал-губернаторства. Промышленность, торговля, сельское хозяйство находились в руках японцев, которые использовали их в интересах метрополии. Власти нещадно эксплуатировали местное население и жесточайшим образом подавляли любые проявления недовольства.

Корейцы ответили оккупантам массовым сопротивлением, которое выражалось в разных формах. С оружием в руках им противостояли бойцы Армии справедливости («Ыйбён»). Это старинная форма народного (преимущественно крестьянского) ополчения вновь возродилась к жизни после введения протектората.

«Ыйбён» является символом сопротивления захватчикам для корейских историков на Севере и на Юге и сейчас. О нем снимают фильмы и пишут стихи. Например, северокорейский журнал «Корея сегодня» публиковал такой текст на русском языке:

> В горах сражается «Ыйбён»,
> Врагам наносит он урон.
> Врагам «Ыйбёна» не поймать,
> А дома ждет «Ыйбёна» мать!

Призывы партизан «бить японцев, выковывая ножи из тряпок и вил», с воодушевлением были подхвачены самыми разными слоями населения. В одной из провинций в партизаны поголовно ушли охотники на тигров, после того как японцы попытались их разоружить. Расформирование корейской армии привело к тому, что к отрядам сопротивления примкнули также многие солдаты и офицеры.

С 1905 года отряды «Ыйбён» стали вступать в стычки с японскими карателями и совершать налеты на полицейские участки. Так, например, в июне 1906 года в районе города Сунчхан некий Чхве Ик Хён атаковал с отрядом в 400 ополченцев превосходящие силы противника. Отряд был разбит, а Чхве схвачен и отправлен в ссылку на пустынный остров Цусима. Там он отказался принимать «пищу врагов» и умер от голода.

На пике своей деятельности в 1908 году «Ыйбён» насчитывал порядка 70 тысяч человек, однако к 1910 году их осталось менее двух тысяч. Причиной тому были исключительно жесткие репрессии японского командования, которое не просто расправлялось с бойцами «Ыйбён», но и сжигало целые деревни, заподозренные в сочувствии к бунтарям. В итоге после 1910 года отрады «Ыйбён» были вынуждены перенести свою деятельность за пределы страны — в Маньчжурию, Китай и Приморье. В России выходцы из «Ыйбён» создали так называемую Армию независимости.

После разгрома вооруженного сопротивления антияпонское движение выражалось в основном в культурном и образовательном формате. На место бойцов пришли интеллектуалы. В 1910-е годы в Корее существовало большое количество тайных патриотических обществ. Но главной действующей силой в пропаганде независимости стали массовые религиозные организации, которые не запрещались властями — протестантские церкви и национальное религиозное движение «Чхондогё» («Небесный путь»).

Семья Кима тоже была не чужда антияпонскому движению. Северокорейские историки утверждают, что «все члены семьи и родственники Ким Ир Сена были революционерами, мужественными борцами за суверенитет и независимость Кореи, за свободу и счастье народа». А «антияпонское национально-освободительное движение Кореи стало на правильный путь своего развития под знаменем национальной самостоятельности с момента, когда несгибаемый революционный боец Ким Хён Чжик встал у руководства этим движением»[3].

По данным американского биографа Ким Ир Сена, Со Дэ Сука, Ким Хён Чжик участвовал в одной из подпольных групп сопротивления, что подтверждается японскими архивами. За это он отсидел в заключении около года. Ким описывает в мемуарах, как вместе с матерью ходил в тюрьму на свидание с отцом и какое угнетающее впечатление произвел на него этот визит. А его дядя Хён Гвон был бойцом «Ыйбён». Он был арестован в небольшой стычке с японской полицией и брошен в тюрьму в Сеуле, где умер в 1936 году[4].

В Северной Корее весьма распространена такая форма произведений, как сборники эпизодов из жизни самого Ким Ир Сена и членов его семьи (самый известный — четырехтомник «Щедрое солнце»). Это не историческая литература, а беллетристика, нечто вроде советских рассказов о Ленине, только предназначенных не для детской, а для взрослой аудитории. Отношение семьи к японцам наглядно показано в одном из таких рассказов:

«Однажды сельские дети играли в чижики. В это время японский мальчишка, издеваясь над корейским мальчиком, начал бить его. Увидев это, товарищ Ким Ир Сен сразу бросился на японского мальчика и здорово избил его.

Наблюдавший эту картину некий старик, беспокоясь о последствиях, сказал: "Сон Чжу все время бьет японского мальчишку, боюсь, что случится что-нибудь".

Однако Ким Хён Чжик успокоил старика и, обратившись к своему сыну, сказал: "Ничего, надо бить отродье японцев, отнявших нашу страну".

После этого товарищ Ким Ир Сен говорил своим соседям: "Японцы — мерзавцы, забирающие корейцев. Их дети такие же мерзавцы. Мы будем играть только между собой, а если они что-нибудь скажут, налетим на них все вместе и изобьем".

Так сельские дети стали ходить с ивовыми прутьями и избивать вредничавших детей подлых японцев, из-за чего некоторое время японские дети не могли ходить спокойно по улицам. Нестерпимо ненавидевший проклятых помещиков товарищ Ким Ир Сен во время ссор между его товарищами и детьми помещиков всегда детей помещиков держал в страхе.

"Надо сделать так, чтобы на свете не было помещиков, живущих за счет чужого народа. Подлые японцы и помещики — одной породы. Только тогда, когда не будет японцев-негодяев и помещиков, все люди будут жить спокойно"»[5].

В мемуарах Ким Ир Сен также приводит несколько характерных историй на эту тему.

Рядом с домом в Мангёндэ рос ясень, в тени которого установили свой пост японские полицейские. Старший дядя по материнской линии, Кан Чжин Сок, не желая, чтобы захватчики прохлаждались возле его дома, однажды срубил дерево «одним махом». Дедушка же, в свое время посадивший ясень, только смеялся, приговаривая: «Как в народе молвится, не жалко, что сгорает весь дом, когда я вижу, как дохнет клоп».

Другого дядю — по отцовской линии — Ким Хён Рока однажды долго избивали в полиции, требуя заменить свое имя на японское. Тот отказался, за что тоже получил одобрение деда:

«Пусть тебя побоями доведут до смерти япошки, но ни в коем случае нельзя менять свое имя».

Маленький Сон Чжу старался не отставать от взрослых. Любимым его развлечением было стрелять из рогатки в японских полицейских, когда они появлялись в поселке, и кидать камни в их лодки во время прогулок по Тэдону. «Молодец, сын. Так им и надо, проклятым япошкам, — гладил его по голове после очередной стычки отец. — А теперь запомни мой завет. Хочешь учиться грамоте, учись во имя Кореи. Хочешь учиться технике, учись тоже во имя Кореи. А хочешь верить в Бога, то верь в Бога корейских небес».

Тем временем в январе 1919 года неожиданно скончался император Кочжон. По стране сразу же пошли слухи, что его отравили за попытки протеста против японской экспансии. На похороны в Сеул съехалось множество народа.

К этому времени представители трех самых влиятельных религиозных групп — «Чхондогё», протестанты и буддисты — подготовили текст Декларации независимости Кореи. Они вдохновлялись речью американского президента Вудро Вильсона, потребовавшего соблюдения принципа права наций на самоопределение. 1 марта в сеульском парке Пагоды собрался митинг, на который пришли около четырех тысяч человек, где и была зачитана декларация. Главным ее требованием было провозглашение независимости Кореи.

Движение, инициированное интеллигенцией и студенческой молодежью, моментально переросло в общенациональное. Во всех тринадцати провинциях люди выходили на демонстрации под национальными флагами с возгласами «Да здравствует независимость!». Вскоре митинги и шествия начали перерастать в забастовки, а то и прямое противостояние с армией и полицией. Всего за время первомартовского движения произошло порядка полутора тысяч выступлений, в них приняли участие около двух миллионов человек.

Демонстрация прошла 1 марта и в Пхеньяне. Она была одной из самых массовых и организованных. Ким в своих мемуарах утверждает, что он — шестилетний мальчик — был свидетелем всего происходившего: «Жители деревень Мангёндэ и Чхильгор тоже направились в город, выстроившись в колонны. И мы, позавтракав на рассвете пораньше, всей семьей вышли на демонстрацию… Прогремел барабанный бой, громко прозвенели гонги, и массы лавою хлынули в сторону старинных каменных ворот Потхон, скандируя "Да здравствует независимость Кореи!". В то время мне шел седьмой год. Я шагал в изношенных соломенных лаптях и, двигаясь в таком густом потоке людей,

кричал "Ура!". Иногда мне приходилось бежать даже босиком. Взяв в руки лапти, которые стали мне обузой, рванью своей болтаясь на ногах, тороплюсь вперед вместе со всеми…»[6]

По своему характеру, лозунгам и целям это движение можно считать буржуазно-демократической революцией. Его участниками были люди всех социальных сословий, объединенные лозунгом независимости. А в декларации указывалось, что в будущем в Корее должно быть республиканское, а не монархическое правление.

Японская администрация реагировала на подъем национального движения с обычной жестокостью. Порядка 7500 человек было убито, более 45 тысяч брошено в тюрьмы. Однако первомартовское движение имело огромное значение в борьбе за независимость Кореи и пробуждении национального сознания. Несмотря на то что оно не нашло отклика в мире, корейцы показали, что не готовы мириться с рабским положением в рамках Японской империи.

Метрополия была вынуждена пойти на уступки. В Токио объявили о переходе от «военного» управления Кореей к «культурному» и введению целого ряда послаблений для коренного населения. Ну а семья Ким Хён Чжика, опасаясь репрессий, переехала сначала на самый север страны в глухой городок Чунган, а затем перебралась за границу, в Маньчжурию.

Глава вторая
«К ВОДАМ СИНЕЙ РЕЧКИ АМНОККАН»

Амнок[1] для корейцев — все равно, что Волга для русских или Сена для французов. Река, ставшая народным символом и национальным мифом. Она ограничивает Корейский полуостров с севера, в местах с суровой природой и холодным климатом. Горы, вулканические плато, таежные леса и степи — таков окружающий пейзаж. Одна из сказок о реке объясняет, почему русло Амнока такое извилистое:

«Там, где Амнок с китайского берега сжали скалы Чайфуна и отвесными стенами спустились в нее с высоты, река делает десять ли вместо одной ли прямой дороги. И вот почему.

Одна женщина подсмотрела, как дракон хвостом прорубал эти скалы, чтобы пропустить Амнок прямой дорогой, и крикнула:

— Смотрите, смотрите, что там делает дракон!

Услышав ее крик, дракон улетел в небо, теперь река кружится вокруг скал. А пловцам остается только проклинать глупую женщину, чье праздное любопытство помешало дракону сделать доброе дело».

В средневековой Корее этот край был малообжитым местом. Сюда ссылали преступников и удалялись монахи. В корейском фольклоре окрестности Амнока упоминаются под названием «уединенное царство страны отшельников».

Амнок отделяет Корею от Маньчжурии. В начале XX века, когда Корея была оккупирована японскими войсками, название реки приобрело новый смысл: оно стало синонимом слова «родина» для многих тысяч корейцев, вынужденных оставить свою страну.

Первого марта в году девятнадцатом
Я уходил за черту Амнока.
Верил, что буду с врагами сражаться там
И возвращусь с победой желанной.

О Амнок, край мечты моей,
Скоро ли встречей с тобой я сердце согрею?
Если погибну той полночью черною,
Все ж не забуду родные просторы я,
Сердцем вернусь я к свободной Корее.

Эту песню напевал Ким Хён Чжик осенним днем, нанимая лодку на переправе Чундок. Сон Чжу хорошо запомнил, как впервые покинул Корею: «Был необыкновенно ненастным сам день, когда мы отправились из Чунгана. Опавшие листья поздней осени докатились до переправы, вызывая тяжелую грусть. В небе перелетные птицы летели на юг вереницами. Почему-то и они навевали на меня тоску… Хотя я и был еще малолеток, но у меня подступил к горлу комок и потемнело в глазах при мысли, что будем жить в чужой стране, куда нас никто не приглашал и где не ждал нас никто, никто не встретит нас радушно и где нам даже язык незнаком»[1]. Лодка пристала к берегу, и Сон Чжу первым спрыгнул на маньчжурскую землю.

Маньчжурия включает в себя китайские северо-восточные провинции Хэйлунцзян, Цзилинь и Ляонин. Иногда к ней относят еще Внутреннюю Монголию (ныне тоже входящую в состав Китая) и восточную окраину России (Приморский и Хабаровский края с Амурской областью). Этот перекресток Дальнего Востока с давних пор был полем битв и местом соприкосновения разных народов. Китайская империя сталкивалась здесь с полудикими сибирскими племенами, монгольские орды — с феодалами средневековой Кореи. В 1616 году один из маньчжурских вождей — Нурхаци — объединил большинство местных племен и провозгласил себя императором. Удача сопутствовала маньчжурам. Уже его сын Абахай отвоевал у китайцев значительные территории. В 1641 году маньчжуры захватили столицу Китая Пекин и основали последнюю императорскую династию — Цин. Коренное население страны считало маньчжуров чужаками и недолюбливало их. Тем более что они ввели унизительный для китайцев обычай носить косы и строго карали всех несогласных с нововведениями.

Правление маньчжуров в Китае продолжалось почти три века и закончилось бесславно. В начале XX века Китай впал в полную политическую и экономическую зависимость от великих держав — Англии, Германии, Японии. Борьбу против выродившейся Цинской династии возглавил доктор Сунь Ятсен.

Сунь Ятсен (1866–1925) был и остается одним из наиболее уважаемых в Китае политиков. Он напоминал древнекитайского мудреца, совмещавшего создание собственной философской системы с занятием политикой. Идеалист, выходец из простой крестьянской семьи, он говорил о себе: «Я сын кули и сам кули, я родился в нужде и остался беден». В возрасте двенадцати лет Сунь отправился на Гавайи, где получил современное

образование в западном духе. После возвращения в Китай он начал бороться с маньчжурской династией, организовывая политические кружки. Уехав в Японию после попытки неудачного вооруженного выступления, он совершил небывало дерзкий поступок: срезал косу и отрастил усы. Вскоре это стало модой для патриотически настроенных молодых китайцев.

Сунь Ятсен выдвинул «три народных принципа»: национализм — народовластие — народное благоденствие, которые и стали идеологической основой революции. После одиннадцати неудачных попыток поднять восстание двенадцатая увенчалась успехом. В 1911 году в стране произошла революция. Монархия была свергнута. Император-мальчик Пу И отрекся от престола. Сунь Ятсен стал президентом Китайской Республики, однако в результате серии интриг был отстранен от должности. После чего он организовал националистическую партию Гоминьдан, быстро ставшую самой влиятельной политической силой страны.

В 1912 году Сунь Ятсена на посту президента сменил генерал Юань Шикай. Укрепившись у власти, он первым делом попытался объявить себя императором и восстановить монархию. В стране началось восстание против имперской реставрации. В 1916 году Юань умер, после чего Китай окончательно погрузился в пучину хаоса и гражданской войны. Власть менялась как в калейдоскопе по принципу «кто сильнее, тот и прав». Единого правительства не существовало. На местах всем заправляли военно-политические группировки. В советской историографии их метко окрестили «кликами», а их лидеров — «милитаристами». Своеобразие самого явления китайского милитаризма заключалось в том, что на местах функции военной и гражданской власти были совмещены. У каждого милитариста имелась под рукой собственная армия. Клики вели бесконечную войну между собой, с Гоминьданом, а позже — с внезапно вышедшими на политическую арену коммунистами. Милитаристы в большинстве своем были людьми тщеславными и любили наделять себя различными громкими титулами. Поэтому в Китае этого времени было невиданное количество «маршалов» и «верховных главнокомандующих», встречались даже самопровозглашенные «генералиссимусы».

В Маньчжурии обосновался один из самых крупных милитаристов, глава фэнтяньской (маньчжурской) группировки, соратник Юань Шикая, Чжан Цзолинь — личность весьма примечательная. В молодости он был главарем шайки хунхузов-разбойников. Сражался в ходе Русско-японской войны на стороне японцев, совершая со своим отрядом рейды по тылам российской

армии. Потом перешел на службу в Китайскую императорскую армию, где сделал быструю карьеру. После революции участвовал в боевых действиях в составе правительственных войск, а затем был назначен инспектором трех провинций северо-востока, которыми и правил железной рукой. Современники считали Чжана человеком умным, хитрым, изворотливым и даже не лишенным личного обаяния, что для милитаристов было в общем-то нехарактерно. Маньчжурию он намеревался использовать как плацдарм в борьбе за власть во всем Китае.

Корейцы в вотчине Чжан Цзолиня чувствовали себя в относительной безопасности. В поисках лучшей доли туда переселялись многие тысячи людей. В основном это были разоренные поборами властей крестьяне из бедных северных провинций страны. В 1920-е годы корейцы составляли большинство населения приграничных городов и сел. По свидетельству современников, этот край был больше похож на Корею, чем на Китай. Всего же в это время на северо-востоке Китая проживало порядка 750–800 тысяч корейцев.

Маньчжурия стала центром корейского антияпонского сопротивления, именно там появились корейские партизанские отряды. Самыми многочисленными были две армии — справедливости («Ыйбён») и независимости. Последняя насчитывала не менее ста отрядов. Только в 1920–1927 годах корейские вооруженные группы осуществили здесь почти три тысячи вооруженных акций против японских военных, полицейских сил и административных учреждений[2]. Они постоянно переходили границу и совершали рейды вглубь корейской территории.

В эту полуподпольную деятельность немедленно включился и Ким Хён Чжик. Вместе с женой и детьми он поселился в Линьцзяне — небольшом торговом городке прямо на берегу Амнока. Там он открыл лечебницу, которая служила явкой и перевалочным пунктом для убывавших на родину и возвращавшихся в Маньчжурию партизан.

Сон Чжу, как все дети, быстро адаптировался к жизни в новых условиях: выучил китайский язык, которым в совершенстве владел до конца жизни, привык носить одежду местного покроя. Когда он выходил на улицу, одетый по-китайски, ни местные жители, ни маньчжурские полицейские не могли признать в нем корейца. В городе мальчику особенно понравилось то, что на улицах редко бросалась в глаза «неприятная физиономия японца».

Ким периодически выполнял специфические поручения отца — переходил границу, перенося с собой запрещенные газеты и

книги, а иногда — патроны или порох. Маленький мальчик, так похожий на китайца, никаких подозрений у таможенников не вызывал.

Из Линьцзяна семья вскоре перебралась в такой же приграничный городок Бадаогоу. Там Сон Чжу пошел учиться в четырехклассную китайскую школу. Дома с ним занимался отец — давал уроки истории, географии и корейского языка.

Напротив Бадаогоу, через речку, находится корейский город Пхопхен. В Пхопхене была христианская церковь, куда устроился на работу Хён Чжик. В этой церкви и стали собираться антияпонские активисты. После богослужений «батюшка» произносил перед ними патриотические речи, а когда публика настойчиво просила — играл для нее на органе.

Однажды он позвал к себе сына и тоном, не терпящим возражений, заявил ему:

— Негоже, если ты вырастешь китайцем. Вся их история насчитывает три тысячи лет, а наша — пять. Пойдешь в Корею и там поступишь в школу.

Скорее всего, свою роль тут сыграли не только патриотические соображения. Ким Хён Чжик и Кан Бан Сок были людьми небогатыми. Стабильного источника дохода не было, временами возникали проблемы даже с тем, как накормить троих детей. Поэтому и было решено послать старшего сына к бабушке и дедушке в родное село Мангёндэ.

В конце 1923 года Сон Чжу отправился домой. Отец нарисовал ему в блокноте карту и велел послать телеграмму, когда он окажется в Мангёндэ. Позже этот эпизод назовут «путь в тысячу ли для учебы» (тысяча ли — около 400 километров). Путь этот был весьма непрост для одиннадцатилетнего мальчика. Когда в середине марта он вышел из Бадаогоу, шел снег и мела метель. Ему пришлось горными тропами преодолеть несколько перевалов, где даже днем встречались дикие звери. Правда, в дороге помогали добрые люди. Один крестьянин подвез его на санях и даже отказался от платы, купив ему тянучку. А хозяин постоялого двора в городке Канге бесплатно накормил мальчика. В Канге японская администрация провела электрическое освещение, что вызвало у Сон Чжу противоречивые чувства: «Жители Канге радовались, что проведено электричество, но мне было грустно и тяжело при виде улиц его, где наплывал, как вал нечистот, японский образ жизни, такой чуждый нам. Мне было грустно и тяжело». Остаток пути до Пхеньяна он проделал на поезде.

Через две недели после выхода из Бадаогоу он вошел во двор родного дома в Мангёндэ. «Неужели один пришел? Твой отец

страшнее тигра», — запричитала бабушка Ли Бо Ик, чуть ли не босиком выскочившая во двор, и обняла внука.

Сон Чжу зачислили в 5-й класс Чхандокской школы, которая считалась передовой. Это было частное учебное заведение, модернизированное по европейским стандартам, где училось около двухсот человек. Классным руководителем Сон Чжу стал Кан Рян Ук.

Учитель жил в такой бедности, что однажды его жена Сон Сок Чжон не выдержала и ушла в дом родителей. Правда, те строго сказали ей: «Слыханное ли дело бросать мужа из-за какой-то там нужды? Ты, видать, думала: выйдешь замуж, тебя посадят на золотой коврик, подадут кашу из белоснежного риса да воду с медом? Короче говоря, немедля возвращайся к мужу и извинись!»

Судя по всему, Кан Рян Ук пользовался любовью и уважением учеников. (Во всяком случае, после прихода к власти Ким нашел своего учителя и назначил его вице-президентом КНДР.) Он разучивал с детьми патриотические песни и ставил сомнительные, с точки зрения японских властей, спектакли. Однажды под руководством своего учителя они сыграли представление «Тринадцать домов». Дома символизировали тринадцать корейских провинций, которые должны объединиться. Представление едва не сорвала местная полиция. В отместку Сон Чжу с друзьями зарыл на дороге доски с гвоздями, а потом из кустов смотрел, как лопались шины на велосипедах у японских полицейских.

Однажды, получив учебники для 5-го класса, он стал рассматривать их и увидел страшную вещь: учебник японского назывался «Родной язык». Недолго думая, он достал перочинный ножик, соскоблил слово «родной» и написал на его месте «японский».

На родине Сон Чжу провел два года. Получив сообщение об аресте отца, он принял решение вернуться к оставшейся одной с маленькими братьями матери. Японская полиция задержала Ким Хён Чжика и вывезла его в Корею. Там ему удалось бежать из-под стражи с помощью своего товарища, который подпоил конвоиров и помог ему снять наручники. В течение нескольких морозных дней Хён Чжик прятался в стогу на горном перевале. А потом, когда на Амноке встал первый лед, ползком ушел в Маньчжурию. Все это настолько подорвало его здоровье, что он так уже и не оправился от болезни. 5 июня 1926 года в возрасте тридцати двух лет Ким Хён Чжик умер.

В наследство сыну остались два пистолета, которые Сон Чжу постоянно носил при себе. Запомнил он и предсмертные наставления отца: «Революционер всегда должен быть готов к

трем видам смерти: от голода, от побоев, от холода. С такими убеждениями не надо никогда отступать от первоначального великого замысла».

По совету и при помощи друзей отца Сон Чжу отправился в город Хуадянь, чтобы поступить в военное училище «Хвасоньисук». Там его с распростертыми объятиями встретил Ким Си У — приятель Ким Хён Чжика и владелец местной рисоочистительной фабрики. Он и слышать не хотел, чтобы Сон Чжу жил в училище, и настоял, чтобы он остановился в его доме. За торжественным ужином он налил гостю первую в его жизни стопку водки. (Корейская рисовая водка «сочжу» не такая крепкая, как привычная нам 40-градусная русская. В ней всего лишь 30 градусов.) «Сегодня ты выпей за отца эту рюмочку. Ты теперь глава семьи!» Сон Чжу зажмурился и послушно проглотил мутноватый напиток с резким вкусом.

Училище «Хвасоньисук» было создано при Армии независимости. Туда отправляли действующих военнослужащих, которые проходили переподготовку и затем возвращались в свои отряды. Сон Чжу тогда было 14 лет, а большинству его товарищей по училищу не меньше двадцати. Но в отличие от многих из них он хотя бы прошел курс начальной школы и умел читать и писать.

Училище быстро разочаровало юного курсанта. Оно влачило жалкое существование: денег ни на что не хватало, даже кормили там из рук вон плохо. Но главное — не было современного оружия. Курсанты бегали по спортплощадке с песчаными мешочками на ногах и учились стрелять из деревянных ружей. Кроме того, преподаватели были настроены довольно консервативно. А Сон Чжу уже вовсю зачитывался марксистской литературой. В библиотеке у Ким Си У помимо прочих книг он обнаружил несколько работ Маркса, в том числе «Манифест коммунистической партии».

Борьба корейцев за освобождение своей страны развивалась во взаимодействии и соперничестве двух идеологий — национализма и коммунизма.

Национализм имел глубокие корни в корейском обществе благодаря историческим особенностям его развития и влиянию конфуцианской традиции. Ее характерным свойством является изоляционизм, закрытость от внешнего мира. После потери независимости национализм стал своего рода противоядием перед угрозой исчезновения корейского этноса с лица земли.

Помимо самой Кореи активными очагами формирования национально-освободительного движения стали Маньчжурия, Китай и советский Дальний Восток. Само оно не только не было единым, но представляло собой пестрый конгломерат из

различных политических группировок, общественных организаций и партизанских отрядов.

Формальным центром считалось корейское временное правительство в изгнании, собравшееся в Шанхае. В его состав входили представители религиозно-политического учения «Чхондогё», христианской и буддийской общин, Всекорейского союза учащихся, Объединенного национального союза, Союза молодежи, Союза земельных арендаторов, Объединенного рабочего союза, Корейской социалистической партии и даже Женского патриотического союза[3].

Возглавил правительство известный политэмигрант Ли Сын Ман — будущий первый президент Южной Кореи и непримиримый враг кимирсеновского режима. Его сторонники в правительстве считали, что необходимо ориентироваться на США, Англию и Францию, чтобы Корея получила независимость. Однако многие министры не разделяли такую позицию: имелась и просоветская фракция, лидером которой был коммунист Ли Дон Хви. В правительстве постоянно шла острая политическая борьба.

В своих мемуарах Ким рассказывает анекдотическую историю о том, как прогрессивная молодежь общалась с министром финансов Шанхайского правительства, приехавшим в Маньчжурию в 1927 году на совещание по вопросу объединения националистических группировок. «Вы и ваши коллеги нисколько не думаете о судьбе родины и нации», — сообщили они министру. Тот настолько рассердился, что пообещал: «Вот выйду и посрамлю себя и вас всех». После чего он начал срывать с себя одежду, собираясь голым выбежать на улицу. Его еле успокоили. «Вывеска-то у него — боже мой, министр временного правительства, а по поведению — ужасный нахал и хулиган», — сделал вывод Ким.

Вообще он крайне нелестно характеризовал деятельность этого органа: «…много людей уже косилось на это правительство за фракционную грызню, за попрошайническую дипломатию, за разбазаривание военных ресурсов и дармоедство. Да и то сказать, это временное правительство не ограничивалось только сбором подушного налога и обязательной сдачей "пожертвований для спасения родины". Дело дошло до того, что стали выпускать облигации, искали толстосумов и давали им так называемые "удостоверения" о назначении на должность начальников провинций, уездов и волостных управ, получая с них за это соответствующую мзду, то есть попросту продавали чины и должности»[4].

Наиболее массовой организацией среди корейских

националистов 1920—1930-х годов считалась религиозно-политическая организация «Чхондогё», основанная в 1905 году. Ее учение вобрало в себя элементы буддизма, христианства, конфуцианства и даосизма. В основе лежала национальная идея религиозной исключительности и политической самостоятельности Кореи. Чхондогёисты поклонялись полумифическому основателю Корейского государства Тангуну. Японские власти с начала оккупации преследовали адептов этой организации, тем не менее «Чхондогё» имела сеть своих ячеек по всей Корее, а также в Маньчжурии.

Националисты имели наибольшую массовую поддержку среди корейцев. Однако после 1917 года среди молодежи и образованных людей все большее распространение стали получать коммунистические идеи.

Карл Маркс, как известно, не отводил странам Востока никакой особенной роли в построении коммунизма. Он считал, что социалистические революции могут произойти только в индустриально развитых государствах, а затем уже в остальном мире.

Лицом к Востоку повернулся Владимир Ленин. Еще в 1912 году он приветствовал китайскую революцию, отзываясь о Сунь Ятсене как о революционном демократе с элементами народничества. После Октябрьской революции большевики не раз обращались к народам Азии с призывом бороться против колониального владычества. По инициативе Ленина в 1919 году для руководства международным коммунистическим движением был создан Союз мировых коммунистических партий — Коминтерн (Коммунистический интернационал), а позже проведены конгрессы народов Востока. В конце жизни Ленин вообще пересмотрел традиционную марксистскую теорию об отсталости азиатских государств и указывал, что именно там революция может победить в первую очередь.

Все это вызывало самый живой отклик у корейской интеллигенции. Корейцы испытывали разочарование в прогрессистской идеологии западного мира. Европа и США и не думали поддерживать декларировавшееся ими право наций на самоопределение. Марксизм в глазах корейской молодежи имел особую привлекательность как передовая идеология, при этом направленная против цинизма буржуазных правительств Запада, против колониализма.

«Мы наш, мы новый мир построим: кто был ничем, тот станет всем» — строки «Интернационала», под которые шли в атаку красноармейцы, вызвали живое сочувствие у корейцев. Они внимательно присматривались к Советской России, стране

победившей революции. Большая корейская диаспора проживала на Дальнем Востоке и в Сибири, там действовали корейские партизанские отряды. Многие из них приняли участие в революции и Гражданской войне на стороне большевиков.

В 1919 году на митинге в Петрограде по случаю создания Коминтерна выступал представитель корейских революционеров товарищ Ан. «Единственная страна, в которой мы можем укрыться, есть Советская республика, — говорил он. — Россия перестала быть для нас мачехой. Она теперь наша любимая мать. Под ее покровом создается наша революция, на вашем социалистическом учении воспитывается новое корейское поколение»[5].

Под «покровом» русских большевиков весной 1921 года в Иркутске была создана Коммунистическая партия Кореи. Одновременно организация с таким же названием появилась в Шанхае, в составе эмигрантского правительства в изгнании. Впрочем, в историю они вошли под другими, менее звучными именами. Первая получила прозвище «Иркутскпха», что по-корейски означает иркутская группировка. Вторая называлась, соответственно, «Санхэпха» («шанхайская»). Между двумя этими структурами возникли серьезные противоречия, которые подогревались разногласиями среди советских кураторов корейского коммунистического движения.

На Дальнем Востоке интересы Коминтерна представлял видный большевик Борис Шумяцкий. Он играл ключевую роль в создании иркутской группировки. Шумяцкий вынашивал головокружительный план создания единой армии из всех корейских частей Советской России и совершения марш-броска через Маньчжурию для освобождения Кореи[6]. Исполнение этого задания было поручено Нестору Каландаришвили — грузинскому анархисту, легендарному партизанскому командиру, перешедшему на сторону большевиков.

Уже с апреля началось формирование Революционной корейской армии. Первоначально она насчитывала около двух тысяч бойцов, а собственно корейцы составляли чуть больше половины состава[7]. Шумяцкий планировал довести ее численность до четырех тысяч человек, собрав все корейские части в Благовещенске.

Однако эти планы нравились далеко не всем. Для предотвращения прямого военного столкновения с Японией в эти годы большевиками была создана буферная Дальневосточная Республика (ДВР). Ее руководство выступило категорически против планов Шумяцкого, поскольку было ясно, что корейский поход мог спровоцировать японскую интервенцию против ДВР и

Советской России. «Шанхайцы» тоже не хотели подчиняться «вождям» из Иркутска и предпочитали сидеть в безопасности в Китае.

В итоге 27 июня 1921 года в поселке Хэйхэ на границе ДВР и Маньчжурии между стянутыми туда «иркутскими» и «шанхайскими» частями вспыхнул кровопролитный вооруженный конфликт. «Шанхайцы» отказались разоружиться, после чего по ним был открыт огонь. Вот как вспоминали об этом сами участники инцидента: «От 6 часов утра до 6 вечера продолжалась бойня. Видя отчаянное положение, многие партизаны, будучи не в состоянии вынести такой картины, решили лучше утопиться в реке Зее. Тесно прижавши оружие к груди и взглянув в последний раз в сторону маньчжурских гор, где они никогда не видели такого позора, бросались в реку. Никто не имел никакого права остановить такую тяжелую драму. В самом деле, такая смерть была во сто крат лучше, нежели пасть сраженным в грудь пулей, пущенной своим же товарищем»[8]. Корейцы убивали корейцев, коммунисты убивали коммунистов…

Позже Коминтерн назначил специальную комиссию для расследования инцидента, которая установила, что виноваты обе стороны. О походе в такой ситуации нечего было и думать. Получившая печальную известность хэйхэсская резня надолго оттолкнула от обеих компартий их потенциальных сторонников. Можно считать это событие «черной меткой» для корейского коммунистического движения, которое в течение последующих двадцати лет преследовали постоянные раздоры и неудачи.

С возникновением первых марксистских организаций на территории самой Кореи раскол только усугубился. Фракции постоянно плодились и размножались. Так, в Сеуле члены Общества по изучению новых идей создали в ноябре 1924 года группировку, которая получила название «Хваёпха», то есть «фракция вторника». Такое название они себе взяли, поскольку высчитали, что на вторник приходится день рождения Маркса. Там же в Сеуле на базе созданного в январе 1921 года Сеульского общества молодежи возникла группировка «Сеульпха», в политическом отношении ориентированная на «шанхайскую» компартию. Студентами, обучавшимися в Японии, была создана группа «Пукпхунпха», то есть «фракция северного ветра», названная так, потому что социалистические идеи приходили в Корею с севера, из России. В 1926 году «Санхэпха» слилась с «Сеульпха», образовав новую фракцию «Сосанпха», и в том же году возникла группировка, присвоившая себе имя марксистско-ленинской фракции — «Эмельпха», позднее переименовавшаяся в «Эль Эль Дан» (то есть — «Ленинская лига»). Тогда же возникло

«Ильвольхвэ» («Общество января»).

В одном из северокорейских сборников рассказов так описываются взаимоотношения между двумя коммунистическими группировками:

«Некий важный гусь из "Сеульпха" с длинными волосами шагает по улице, скрываясь от злых взглядов японских полицейских, вооруженных мечами. В этот момент какой-то человек в шляпе и с тростью в руке, оказавшийся одним из главарей "Хваёпха", прохаживался по улице, только что пообедав в китайском ресторане. Тут он заметил важного деятеля из группы "Сеульпха". Хваёвец со злобой в глазах бросился на главаря "Сеульпха" и схватил его за шиворот.

— Вот ты и попался. Мы еще не забыли, как во время совещания Хваё и Пукпхуна в ресторане "Ракян" на нас, разбив двери, напали ваши хулиганы, которые ударили меня деревянным валиком по голове.

Обрушив на соперника такую ругань, хваёвец с размаху ударил его тростью по голове. Главарь "Сеульпха" упал без сознания. А вожак "Хваёпха" указал на лежащего японским полицейским, заявив: "Это важная птица из Компартии! Скорее арестуйте этого негодяя! Пусть его посадят в тюрьму и вдоволь накормят там кашей из бобов!"»[9]

В 1925 году в Сеуле была наконец-то создана единая Корейская коммунистическая партия. Она была официально признана Коминтерном. Его руководство требовало от корейских товарищей проведения тактики единого фронта, в то время успешно реализованной в Китае.

В угнетенных странах Востока социалистическая революция невозможна. Значит, полагали в Коминтерне, сперва должна произойти революция национально-освободительная, устраняющая иностранных оккупантов, а чтобы достичь этого, коммунисты должны блокироваться с националистами и другими прогрессивными силами. В Китае этот вопрос был решен двумя годами ранее путем вхождения компартии в более многочисленный и организованный Гоминьдан с сохранением собственной структуры.

В Корее наиболее подходящей для такого союза силой среди националистов казалась «Чхондогё». Однако коммунисты не только не смогли наладить с ней диалог, но так и не добились единства в своей партии. Фракции, озабоченные своим доминированием, стремились захватить побольше руководящих постов, писали друг на друга доносы в Москву и даже подделывали партийную печать, вырезая ее из картошки. При этом, как правило, речь шла не об идейных разногласиях, а лишь

о личных амбициях.

Все это роковым образом сказалось на проведении демонстрации, запланированной коммунистами. Она была приурочена к похоронам последнего императора Кореи Сунчжона, который оставался для корейцев символом независимости. К ее подготовке партии не удалось привлечь широкие общественные силы. Были распространены тысячи листовок, однако их лозунги носили крайне левый, радикальный характер и не могли найти отклика в массах. К примеру, обращение к корейскому пролетариату как к авангарду революции было бессмысленно из-за его малочисленности[10]. В самой партии шли бесконечные споры. Фракция «Сеульпха» из-за разногласий с организаторами приняла решение бойкотировать демонстрацию. В довершение ко всему о намерениях коммунистов прознала полиция и немедленно арестовала всю верхушку компартии и комсомола (около 160 человек). В назначенный день демонстрация все же состоялась, но была жестоко разогнана японцами. Она так и не переросла в движение общенационального сопротивления.

В итоге в 1928 году Коминтерн был вынужден распустить корейскую компартию и прекратить финансирование коммунистического движения в Корее. После чего — как сказано в северокорейском учебном пособии — «большинство фракционеров из деятелей коммунистического движения превратились в торгашей, спекулянтов, ростовщиков и обывателей, а часть из них капитулировала перед врагом и стала его лакеями»[11].

Справедливости ради нужно отметить, что в большинстве своем корейские коммунисты раннего периода были мужественными и принципиальными людьми. Японская полиция быстро и жестко карала за принадлежность к компартии. За три года, с 1925 по 1928 год, партию приходилось воссоздавать три раза из-за арестов руководящего состава. Но жертвы ни к чему не привели. В отсталой аграрной стране, где крестьяне составляли порядка 75 процентов населения, коммунисты, происходившие из интеллигентских семей, так и не смогли найти общий язык с народом и существовали в своей замкнутой среде. А дробление на фракции и соперничество перечеркивало и без того призрачные шансы на победу.

Как видно, раздробленность была общей бедой и националистов, и коммунистов. Свою роль в этом сыграла традиция. Фракционность, склонность к дроблению является характерным свойством корейского общества. В условиях отсутствия единого центра бесчисленные националистические и коммунистические группы были обречены на постоянную борьбу

между собой.

Как пишет Ким в своих воспоминаниях, в возрасте четырнадцати лет 17 октября 1926 года он вместе с другими курсантами училища создал марксистский кружок, получивший громкое название — Союз свержения империализма. Вскоре он решил бросить училище. Атмосфера, царившая в «Хвасоньисук», с военной муштрой и консервативными преподавателями, явно тяготила его. Решение далось ему нелегко и стало, по его собственным словам, первым крупным смелым шагом в жизни.

Сон Чжу уехал в Гирин. Он впервые попал в крупный старинный город, где по улицам ездили автомобили, а на оживленных перекрестках прохожим продавали воду. Гирин считался столицей корейской Маньчжурии. Именно здесь располагалось большинство корейских эмигрантских организаций. Причиной была мягкая политика местных властей. Гиринскую военную комендатуру возглавлял Чжан Цзосян, двоюродный младший брат Чжан Цзолиня, который не реагировал на многочисленные доносы японской полиции о деятельности нелегальных организаций в городе и относился к ним вполне либерально. В общем, политическая жизнь била ключом.

Сон Чжу поступил в Юйвэйскую среднюю школу. Выбор оказался удачным. Директор школы был приверженцем левых взглядов, приятелем одного из будущих лидеров коммунистического Китая Чжоу Эньлая, а некоторые преподаватели — членами компартии. Сон Чжу особенно сдружился с учителем литературы Шаном Юэ, который позволял ему пользоваться своими книгами и вообще оказал на него большое влияние.

Вряд ли одобрил бы завязавшуюся дружбу его дедушка Ким Бо Хён! Он придерживался консервативных взглядов и считал, что ученик не должен заглядывать в быт и душу своего учителя. Убедила его в этом сама жизнь. В то время, когда маленький Ким Хён Чжик учился в начальной школе, ему попался классный руководитель, страдавший хроническим алкоголизмом. Почти каждый день он посылал Хён Чжика за водкой. Однажды тот увидел жуткое зрелище — любимый учитель после уроков спал в грязной канаве. Это оставило глубокий след в душе ребенка. В следующий заход он разбил бутылку об камни, сообщив учителю, что за ним погнался тигр и водку он вынужден был выкинуть. Тот был потрясен и после такого случая завязал. Но Ким Бо Хён пришел к твердому выводу: то, что ученик бывает в доме учителя, поощрять не стоит.

Не все учителя были столь прогрессивными, как Шан Юэ.

Учитель английского — классический западник — «с нескрываемым нахальством наговаривал всем о народах Востока». Как-то он высказался в том духе, что европейцы за столом едят тихо, а китайцы слишком шумят и чавкают, что является проявлением их дикости. После чего ученики дождались дня дежурства в столовой и приготовили лапшу «танмен», которая подается в горячем виде. А когда нелюбимый преподаватель стал с чавканьем поедать кушанье, высмеяли его.

В школе Сон Чжу, по собственному признанию, больше увлекался чтением работ Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина, чем учебой. Кроме того, он познакомился с современной русской литературой — книгами Горького и Серафимовича, а также с романами китайских писателей Лу Синя и Цао Сюэциня. Дважды его избирали заведующим школьной библиотекой.

Он сблизился с участниками подпольного марксистского кружка, созданного Корейской коммунистической молодежной ассоциацией под эгидой «шанхайской» компартии. По выходным его члены собирались в церкви (на сей раз в конфуцианском храме, где служил сочувствовавший им монах). Или — в хорошую погоду — в любимом месте прогулок гиринцев, Бэйшаньском парке.

На зимних каникулах, в то время как ученики из богатых семей валялись дома и в течение целого месяца отмечали китайский Новый год, участники кружка разъезжались в различные части Маньчжурии, где компактно проживали корейцы. Там они устраивали представления для крестьян. «Вэньминсы» (пьесы) — уличные одноактные спектакли патриотического содержания были тогда широко распространены в Китае. Вот как описывал это действо один из его участников:

«На постоянной театральной сцене буддийского храма Гуанди развевались лозунги, флажки. На занавесе, закрывавшем сцену, были изображены огромные красные иероглифы: "Не забывать национального позора!" Играл школьный европейский оркестр. Потоком текли люди, площадь была битком забита. Один студент произнес речь, по окончании которой демонстративно разбил две красивые фарфоровые вазы японского производства в знак призыва к бойкоту японских товаров. Публика отозвалась на это бурными аплодисментами.

Началось представление, в котором участвовал и я. Это была пьеса о корейской трагедии. Японские империалисты обращали страну в колонию, жестоко угнетали народ, превратив его в бездомных рабов. Эта пьеса предостерегала китайский народ от повторения судьбы корейцев и призывала к сплочению и борьбе. Помню эпизод из этой пьесы: японский надсмотрщик плетьми бил

корейского мальчика-кули, роль которого исполнял я. На сцену хлынула толпа революционеров с пиками, мечами и другим оружием, скандируя лозунги. Японский надсмотрщик в страхе обратился в бегство. Публика ликовала»[12].

В «гастролях» с подобными спектаклями Сон Чжу сотоварищи объехали пол-Маньчжурии. Они добрались даже до самых глухих ее уголков. В одном из них в лесах на самой границе с Кореей, у подножия горы Пэкту находилась деревня, которую китайцы называли Нэйдаошань — «сосок груди». Такие поэтичные ассоциации вызвала форма горы. Агитаторов приняли там столь радушно, что они задержались в гостях на несколько недель. Особенно запомнилась каша с фасолью и картошкой, которой кормили их щедрые местные жители. «Пукнешь — пол пробьешь», — шутили они.

Сон Чжу посещал и антияпонские манифестации, периодически проходившие в Гирине. Он участвовал в кампании протеста против строительства железной дороги Гирин — Хвэрен (прокладка линии с севера Кореи в центральную часть Маньчжурии была запланирована японским правительством для укрепления своего влияния в регионе) и митингах за бойкот японских товаров.

Тем временем политическая обстановка стала меняться. Для левых активистов наступали не лучшие времена. В 1927 году в Китае к власти пришло правительство Гоминьдана, которое возглавил лидер партии Чан Кайши.

Чан Кайши (1887–1975) родился в семье обедневших аристократов. В Китае родители любят давать детям длинные символичные имена. Имя Кайши (иначе произносится как Чжунчжэн) означает «занимающий центральное положение, выбирающий золотую середину и являющийся человеком справедливым и правильным». Еще в молодости, обучаясь в Японии, он примкнул к китайскому революционному движению, сформированному Сунь Ятсеном. С 1917 года он стал его консультантом по военным вопросам. Сунь в те годы испытывал большой интерес и симпатию к Советской России. Большевистское правительство отвечало ему взаимностью, оказывало Гоминьдану серьезную военную помощь и обязало молодую китайскую компартию влиться в его ряды.

В 1923 году Сунь Ятсен отправил Чжунчжэна в Москву с целью изучения опыта советских товарищей. Там он встречался с Троцким, Зиновьевым и другими видными большевиками. Он даже начал изучать русский язык. Увиденное в СССР вызвало у него противоречивые чувства. Вернувшись в Китай, он доложил, что коммунизм Советской России при своем осуществлении

всенепременно будет наносить вред человечеству и что «сегодняшний друг» и есть «наш будущий величайший враг».

После смерти Сунь Ятсена в 1925 году Чан Кайши возглавил партию и правительство Гоминьдана, располагавшееся в провинции Гуанчжоу. Гоминьдановская Национально-революционная армия разгромила милитаристов Южного и Центрального Китая, но затем ее вождь порвал с компартией и начал физическое уничтожение ее членов под лозунгом «кампании за наведение порядка и чистоты в собственном доме». Только в Шанхае за один день 12 апреля 1927 года было вырезано около пяти тысяч активистов и сторонников КПК. После этого правительство Гоминьдана разорвало дипломатические отношения с Советским Союзом.

В 1928 году погиб «хозяин Маньчжурии». Чжан Цзолинь был убит в результате теракта — неизвестные взорвали вагон поезда, в котором он возвращался в свою ставку. Долгое время считалось, что его устранение было делом рук японских спецслужб, однако в начале 1990-х российские историки доказали: он был убит в результате спецоперации советской разведки, которой руководил резидент ОГПУ Наум Эйтингон[13]. Чжан поплатился за враждебную политику в отношении СССР Однако его ликвидация решить проблему не помогла.

Чжана сменил другой Чжан — его сын Чжан Сюэлян, который признал правительство Гоминьдана. Он всецело разделял антисоветские настроения Чан Кайши. Началась кампания против Советского Союза, принявшая особенно активный характер на приграничном северо-востоке. «Долой красный империализм!», «Захватим Урал!», «Напоим коней в озере Байкал!» — такие лозунги звучали на улицах. Одновременно все больше усиливалось влияние Японии.

Гирин уже не был тем городом с относительно свободной атмосферой, где коммунистам ничего не грозило. В таких условиях даже просто читать Маркса становилось небезопасно. В Юйвэйской школе из библиотеки изъяли крамольные книги. На учителей, сочувствовавших социалистическим идеям, стали оказывать серьезный нажим. Летом 1928 года ученики устроили стачку с требованием изгнать реакционно настроенных преподавателей. Поскольку другие учебные заведения были готовы подключиться к ней, руководство школы было вынуждено пойти на уступки.

Осенью 1929 года подпольный марксистский кружок Юйвэйской школы был раскрыт полицией. Всех участников арестовали. Сон Чжу — самому молодому из них — недавно исполнилось 17 лет. Ему пришлось пройти через многочасовые

допросы, избиения и пытки в полиции. Еще повезло, что по делу было выдвинуто лишь обвинение в чтении запрещенной литературы.

В тюрьме Сон Чжу поместили в камеру, куда не попадал солнечный свет. Там стоял отвратительный запах плесени, зимой стены покрывались изморозью. У корейских узников возникла и еще одна проблема. Заключенные и надзиратели относились к ним как к людям второго сорта: дискриминировали в питании и медицинской помощи, обзывали «корейскими рабами без родины» и заковывали в ножные кандалы. Однажды некий преступный авторитет — китаец по кличке Гантоур — стал требовать у Сон Чжу «угостить» его деньгами или продуктами. Политзэк отвечал, что «угощать» их скорее должны «старшие по тюремной жизни». И хотя Гантоур после этого разговора долго смотрел зверем, в итоге они нашли общий язык. Однажды, когда Гантоур заболел, он даже одолжил ему свое одеяло.

Среди тюремщиков особенно выделялся старший надзиратель. Заглядывая через глазок в камеру, он не давал арестантам покоя. При нем они не могли даже свободно зевать. Однажды ему отомстили. Китайский ученик Хуан Сютянь, также проходивший по делу о марксистском кружке, ударил его в глаз острой палочкой через дверной «волчок». За это его надолго заключили в карцер, однако порядки в тюрьме стали куда либеральнее. А после голодовки, начатой «политическими» и поддержанной уголовниками, им даже разрешили свободно переходить из камеры в камеру.

В начале мая 1930 года, в самый разгар весны, Сон Чжу вышел из тюрьмы. Ему только что исполнилось 18 лет.

Именно в детские и подростковые годы человек формируется как личность. Первой и главной идеей, усвоенной Сон Чжу с молоком матери, был, конечно, корейский национализм. Его родители активно участвовали в освободительном движении. Отец был антияпонским активистом, вынужденным эмигрировать, а дядя — бойцом Армии независимости. Мальчик рос в политизированной атмосфере и впитывал националистические взгляды.

В своих воспоминаниях Ким много критикует национализм, но это критика не национализма самого по себе, а тех группировок, которые не вызывали у него доверия. К самому же понятию он относится исключительно позитивно и не видит никаких противоречий с коммунизмом: «Любовь к Родине и нации есть, образно говоря, большая артерия, соединяющая коммунизм с настоящим национализмом»[14].

Можно сказать, что корейский национализм был усвоен

Кимом с рождения и первых лет жизни, а марксизм — уже позже, после чтения соответствующей литературы. И неизвестно, что оказало более сильное влияние.

Название сформулированной им версии марксизма — «чучхе» — переводится как «самостоятельность». Это социализм с корейской спецификой, хотя и представляемый как универсальное учение. Утверждение достоинства корейской нации является одним из ее базовых элементов.

После прихода Кима к власти процесс идейной эволюции северокорейского режима выражался во все более активном вытеснении коммунистических принципов националистическими лозунгами вроде «Корея превыше всего». Особенно активно это стало происходить после распада социалистического лагеря. Сегодня многие исследователи полагают, что марксизм-ленинизм в КНДР окончательно списан в архив и заменен националистической идеологией[15].

Пример Кима в данном случае не является уникальным. Можно сказать, что в Азии национализм служил формой адаптации марксистской теории к местной реальности — так было и в Китае, и во Вьетнаме. Да и в Советском Союзе на смену интернационалу Ленина и Троцкого быстро пришел «социализм в одной стране» Сталина.

Вторым фактором, повлиявшим Сон Чжу, было христианское вероучение. Протестантизм, распространившийся в Корее в конце XIX века, воспринимался как идеология модернизации. Христианство в основном принимали образованные, современные люди, чувствовавшие потребность в переменах. К таковым относилась и семья Ким Хён Чжика.

В воспоминаниях Кима постоянно присутствуют христианские мотивы. Он пишет о богослужениях, на которые его водили родители. О христианах, которые молились за его отца после смерти. О знакомом священнике, который помогал ему во время тюремного заключения. Там нет ничего похожего на Марксово высмеивание библейских сюжетов или ленинские нападки на «боженьку». Наоборот, подчеркивая, что сам он является атеистом, Ким пишет: «Христианский дух — носители его желают, чтобы люди земного шара жили в мире и согласии, — и моя идеология, ратующая за самостоятельную жизнь человека, не противоречат одно другому»[16].

«Не противоречат» — не совсем точное выражение. Правильнее сказать, что идеология кимирсенизма копирует христианские каноны, выстроена по их образу и подобию со своими святыми и демонами, обрядами и иконами, местами поклонения и тщательно разработанным культом.

Наконец, третьим источником, сформировавшим мировоззрение Сон Чжу, было чтение марксистской литературы. Говорят, что человек во многом есть то, что он читает. Марксизм в этом плане явление уникальное. Вряд ли можно назвать иную идеологию, которая столь сильно изменила бы развитие человечества. Марксизм был привлекателен тем, что давал цельную картину мира и четкую инструкцию, как его преобразовывать. В начале века на Востоке эти идеи были в моде, к марксизму приходили те, кто желал быть в курсе последних веяний. Неудивительно, что развитый молодой человек, интересовавшийся всем новым и прогрессивным, увлекся ими.

Впрочем, впервые интерес к марксизму мог появиться и под влиянием отца. В воспоминаниях Ким высказывает предположение, что в период 1918–1919 годов его отец находился в Приморье. Там он мог узнать про первые корейские коммунистические организации и проникнуться симпатией к советской власти, как и многие его соотечественники.

Изучение марксизма вызвало у Сон Чжу много вопросов применительно к корейской действительности:

— Как осуществить пролетарскую революцию в такой колониальной стране, как Корея, являющейся отсталым полуфеодальным государством?

— Как держать связь с революциями в соседних странах, прежде всего в Китае, в условиях, когда пришлось оставить родину и вести борьбу на китайской земле?

— Как выполнить национальный долг перед корейской революцией и интернациональный — перед мировой?

На все эти вопросы предстояло отвечать самому, но сами основы «всесильного и верного» учения уже были усвоены и сомнений не вызывали.

Итак, к восемнадцати годам Сон Чжу был уже вполне сформировавшимся человеком со своим взглядом на мир. Несправедливый арест и последующее тюремное заключение только укрепили его в ненависти к японским оккупантам и в правоте выбранного пути.

После выхода из тюрьмы он уже не вернется в школу. Он станет профессиональным революционером.

Глава третья
НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

После поражения в пограничном конфликте с Советским Союзом в начале 1930-х годов Маньчжурия переживала очередную ломку своей исторической судьбы. У Японии давно зрело желание прибрать к рукам этот привлекательный регион с многочисленными природными богатствами и трудолюбивым населением. Чиновники и главы промышленных корпораций в своих токийских кабинетах подсчитывали, сколько можно будет вывезти в метрополию угля и древесины. Армейская верхушка горела желанием продолжить расширение границ империи, успешно начатое с оккупации Кореи. В затянутых табачным дымом штабах седые генералы и черноволосые полковники чертили на картах стрелочки, составляя планы боевых действий. Было очевидно, что Китай, находящийся в состоянии полного хаоса и распада, не мог оказать сколько-нибудь эффективного сопротивления отторжению части своей территории. А значит — долгой война не будет. Так оно и вышло.

Поздно вечером 18 сентября 1931 года на железной дороге неподалеку от города Мукдена (Шэньяна) прогремел взрыв, в результате которого от рельсов оторвался кусок полотна. Через несколько минут по соседнему пути прошел пассажирский поезд. Однако командование японской Квантунской армии, дислоцированной в Маньчжурии, обвинило китайские войска в диверсии и желании подорвать состав. То, что этого не произошло, объяснялось чудом, подтверждающим «божественное происхождение японской нации». Как потом стало известно, маньчжурский инцидент был провокацией, которую организовали сами японцы. Он был использован как повод для начала войны: в ту же ночь Квантунская армия развернула наступление на Мукден.

И уже 1 марта 1932 года было торжественно провозглашено создание нового государства — Маньчжоу-Го. Выходившее на японском языке издание с ласковым названием «Манею нити нити» («Ежедневная маньчжурская газета») так писало об этом событии: «Один миллион 312 тысяч квадратных километров территории, простирающейся с севера на юг на 1700 километров и с востока на запад на 1400 километров, представляют собой широчайшее поле деятельности для освобожденного 30-миллионного маньчжурского населения. Согретое восходящим солнцем империи Ямато, оно начинает перелистывать страницы

истории своего свободного развития, и ему более не угрожает ни колониальная экспансия Запада, ни коммунистическая агрессия со стороны СССР или агентов Коминтерна из Пекина или Нанкина».

В качестве верховного правителя японцы пригласили последнего императора Китая из Маньчжурской династии — его величество Пу И. А реальным хозяином положения стал посол Японии, по совместительству главнокомандующий Квантунской армией. Специально подготовленные и одобренные официальным Токио чиновники заняли все ключевые посты во властном аппарате.

Захват Маньчжурии прошел практически без сопротивления. Китайские войска местных генералов-милитаристов, намного превосходившие японцев по численности, либо капитулировали, либо бежали после первых же стычек.

— Товарищ Сон Чжу, вы знаете, сколько солдат насчитывает Северо-восточная армия, которой командует Чжан Сюэлян? — негодовал приятель Кима китаец Чэнь Ханьчжан. — Ни много ни мало триста тысяч. Триста тысяч! Это же немалое число. А эти триста тысяч отдали Шэньяну за одну ночь, не выстрелив ни единого патрона… Неужели так труслива и беспомощна наша китайская нация?! Неужели погибла родина Конфуция, Чжугэ Ляна, Ду Пу и Сунь Ятсена?!

Многие китайцы теперь испытывали подобные чувства, как раньше корейцы, оказавшиеся под японской оккупацией. «Почему-то я вспомнил тогда корейскую пословицу: "Хочешь поймать тигра, иди в его логово", — размышлял Ким. — Маньчжурия превратилась в логово тигра. Нужно поймать в этом лагере тигра — японский империализм. Настала пора бороться с оружием в руках»[1].

И хотя друзья уговаривали его вернуться в школу, чтобы получить образование, он и слышать не хотел об этом. И даже когда посланец из далекой Москвы, курьер Коминтерна Ким Гван Рер открыл перед ним чемодан, где уже были приготовлены сорочка, галстук и ботинки, и стал уговаривать ехать учиться в СССР, Ким отказался от столь заманчивого предложения: «Если я стану кушать в СССР хлеб, может быть, я стану про-российским. Но таким я быть не хочу».

Согласно официальной биографии Кима, первые же месяцы после выхода из тюрьмы были для него чрезвычайно насыщены событиями. Так, на протяжении всего нескольких дней в начале июля 1930 года он на совещании в селе Калунь впервые сформулировал идеологию «самостоятельности» — чучхе, создал первую партийную организацию «Союз товарищей Консор», а

также собрал под своим флагом Корейскую революционную армию. (В дальнейшем, в 1932 году, она была преобразована в Антияпонскую партизанскую народную армию, а в 1934 году — в Корейскую народно-революционную армию.)

Западные исследователи оспаривают эти тезисы, утверждая, что никакой отдельной корейской партизанской армии в Маньчжурии не существовало в принципе. Кроме того, Ким не создавал своей партийной организации, а вступил в компартию Китая. И, наконец, термин «чучхе» стал известен лишь после речи «Об изжитии догматизма и формализма и установлении чучхе в идеологической работе», произнесенной им в конце 1955 года.

Со Дэ Сук в своей книге рисует следующую картину событий. Антияпонское сопротивление в Маньчжурии было организовано в основном китайскими коммунистами, а корейцы присоединялись к нему. Ким и его группа воевали в составе китайской партизанской армии, которая действовала по всей Маньчжурии и в других районах Китая. Единого подразделения корейцев в ней не было. Однако наибольшая концентрация корейского населения была в Восточной и Южной Маньчжурии, где Ким и проявил себя, став со временем одним из наиболее известных партизанских лидеров. К середине 1930-х годов все партизанские группы региона слились в Северо-восточную антияпонскую объединенную армию под командованием молодого китайского командира Ян Цзиньюя. В составе этой армии Ким и его соратники воевали в Маньчжурии против японцев, а в 1932 году он сам стал членом Коммунистической партии Китая[2].

Стоит напомнить, что компартия Кореи к тому времени была распущена Коминтерном. Согласно существовавшему принципу «одна страна — одна партия», корейские коммунисты Маньчжурии должны были вступить в компартию Китая[3].

Свой отряд Ким собрал в деревеньке Сяошахэ уезда Альту весной 1932 года. На первых порах в нем было всего лишь 18 человек, многие из них даже никогда не держали в руках оружия. Ким откопал два отцовских пистолета, которые сам спрятал возле дома матери. Несколько старых ружей бойцы нашли в тайниках, оставленных солдатами Армии независимости. Для пополнения арсенала было решено устроить налет на имение местного помещика. С криками «Яоцан буоямин!» («Нужно только оружие, а жизнь ваша не нужна!») юноши ворвались в дом, где захватили более десятка ружей.

На перевале Сяоинцзылин в районе Аньту отряд пережил боевое крещение. Партизаны ночью атаковали транспортный обоз армии Маньчжоу-Го, провозивший припасы для войск. Удача сопутствовала им. Нападение было внезапным, нескольких

конвойных убили, взяли пленных, а главное — захватили трофеи: 17 винтовок, один пистолет, пшеничную муку, ткань и армейские сапоги. Собравшись у костра, молодые бойцы ликовали: «Товарищи, как хорошо драться! Теперь у нас и ружья, и продовольствие, и обувь!»

Ко времени начала партизанской деятельности относится и появление у Сон Чжу сразу нескольких новых имен. Товарищи сперва дали ему кличку Хан Бер (Единственная звезда), а затем, сочтя, что этого недостаточно, назвали Тон Мен (Свет с востока) и Ир Сен (Восходящее Солнце). По некоторым данным, имя Ким Ир Сен носил ранее другой партизанский командир, убитый японцами.

Радость Кима от первых успехов отряда была омрачена известием о смерти матери. Кан Бан Сок умерла летом 1932 года в деревушке Туцидянь. Она долго и тяжело болела (по всей вероятности, раком желудка). Ким опоздал к ней с последним визитом: он приехал в деревню навестить мать и привез для нее лекарства, но было уже поздно. Оставалось только прийти к ней на могилу.

Двое младших братьев остались сиротами. Судьба их сложилась по-разному. Чхоль Чжу вскоре по примеру старшего брата ушел в партизаны и погиб в 1935 году в бою под селом Чэчанцзы. Ён Чжу же долгое время странствовал по Китаю и Корее, участвовал в революционном движении, а после освобождения Кореи занимал различные государственные посты. Он надолго пережил своего знаменитого брата и в 2009 году на первой сессии Верховного народного собрания КНДР двенадцатого созыва был избран почетным заместителем председателя президиума этого органа.

Жизнь партизан всегда полна тягот и лишений. Однако Киму сотоварищи пришлось перенести множество испытаний из-за специфических условий ведения боевых действий. Фидель Кастро и Че Гевара подробно описывали трудности борьбы в джунглях Кубы и Боливии. Но в Маньчжурии было еще тяжелее. Это горная и лесистая местность с очень суровым климатом. Зимой здесь выпадает большое количество снега, дуют сильные ветры, а температура в горах может опускаться до минус 50 градусов. И далеко не всегда в таких условиях члены отрада были обеспечены теплой одеждой и обувью. Неудивительно, что от морозов и болезней они иногда несли не меньшие потери, чем от японцев. Помимо этого, остро стояла проблема с оружием, которое обычно приходилось либо добывать в бою, либо изготавливать кустарным способом.

Наряду с холодом часто приходилось страдать от голода.

Рацион бойцов состоял в основном из разного рода злаков. Иногда удавалось добыть на охоте какое-то количество дичи. Но зимой и весной, когда даже местное население еле сводило концы с концами, голод давал о себе знать в полную силу.

Фирменным блюдом партизан, которым иногда удавалось полакомиться, стала мороженая картошка — нетрадиционная пища для корейцев. Ким в конце жизни вспоминал: «Когда мы вели антияпонскую вооруженную борьбу за возрождение Родины, японские империалисты усиливали контроль за продовольствием, чтобы партизаны не могли получать его от жителей. Однако крестьяне, чтобы посылать продовольствие партизанам, убирали с картофельных полей только одну ботву, создавая видимость, что картошка выкопана. Затем они об этом сообщали партизанам. Партизаны приходили на указанные крестьянами поля и копали там себе картошку. Когда они не успевали всю выкопать, оставшуюся в земле копали весной следующего года. Копаешь весной картошку — замерзшая зимой теперь оттаяла. Сушили ее и приготовляли из нее муку, из которой получали лапшу»[4].

Немаловажно, что за спиной у бойцов не стояло мощной организованной силы. Корея была оккупированной территорией, а помощь от Коминтерна и руководства компартии Китая была нерегулярной. Этим их борьба отличалась от широкомасштабных операций советских партизан в годы Гражданской и Великой Отечественной войн, которые координировались и поддерживались Москвой.

Ким писал, что одной из наиболее впечатливших его в детстве книг был «Железный поток» Александра Серафимовича, где описывается отступление Таманской армии с Кубани, охваченной контрреволюционным восстанием. Однако он не мог и представить, что ему самому предстоит пережить куда более тяжелые ситуации.

В таких условиях бойцы были вынуждены в большей степени заниматься самовыживанием и скрываться от карателей, чем собственно вести боевые действия. Их тактика именовалась «ударь и беги»: после внезапного нападения на противника или его коммуникации следовал быстрый отход назад. Вспоминая об одном из боев, который пришлось вести в течение двух дней, Ким утверждал, что за все партизанские годы ни разу не приходилось возиться с врагом так долго[5].

Единственным постоянным источником поддержки для бойцов было местное население. «Рыба не может жить без воды, а партизан без народа», — говорил Ким. Как корейцы, так и китайцы Маньчжурии в целом разделяли недовольство японским оккупационным режимом и сочувствовали партизанам. Из их

числа черпали пополнение для отряда. От кандидата в партизаны требовалось немного — быть лояльным коммунистическому движению и не курить опиум. Последнее условие было совсем не случайным. Выращивание опийного мака стало одним из главных средств к существованию населения Маньчжурии и любимым способом забыть на время о тяготах жизни. Встречались опиумные наркоманы и среди функционеров коммунистического движения. Ким вспоминал о некоем «левом уклонисте» Кан Сон До, который был любителем мака, заставлял местных жителей сеять его и сдавать ему маковый сок. А под его воздействием начинал рассуждать о «чистой политике».

Помимо солдат при отряде обычно находилось некоторое количество женщин и детей. Из них Ким сформировал специальные женскую и детскую роты. Первые кормили, обшивали, обстирывали партизан, словом, занимались хозяйством отряда. Для детей — обычно это были сыновья и дочери убитых партизан либо прибившиеся к отряду сироты — было даже организовано что-то наподобие школы. Кроме того, детей посылали в разведку и доверяли выполнять различные мелкие поручения.

В начале 1930-х годов партизанам удалось создать в Маньчжурии целый ряд «освобожденных районов», где власть была в их руках. Как правило, это были отдаленные деревни, однако в общей сложности население таких районов составляло до 20 тысяч человек. Порядки там устанавливались такие же, как в аналогичных местностях Китая, занятых коммунистами Мао Цзэдуна. У местных помещиков отбирали землю, у прояпонских элементов — имущество. Угодья делили между крестьянами, за что партизаны потом требовали часть урожая. Создавалось некое подобие местных советов. Промежуточным звеном были так называемые полуосвобожденные районы, где днем власть принадлежала местным прояпонским властям, а ночью — партизанам.

Однако вскоре этой вольнице пришел конец благодаря действиям японских силовиков. Командование Квантунской армии и полицейские подразделения тесно координировали свои действия и часто придумывали необычные и весьма эффективные способы борьбы с партизанами. Это был очень серьезный, умный и жестокий противник.

Одним из излюбленных приемов японской администрации было раздувание межнациональных противоречий. Формально в Маньчжоу-Го было провозглашено равенство основных пяти наций: маньчжуров, монголов, китайцев, корейцев и русских. На деле же к коренному населению японцы относились с презрением

колонизаторов. (Исключение составляли белоэмигранты из России, находившиеся на особом положении. Их организации, включая даже Русскую фашистскую партию, пользовались покровительством местных властей.) Особенно успешно получалось ссорить китайских партизан с корейцами.

В феврале 1932 года был создан «Минсэндан» («корпус народной жизни») — организация корейских жителей Маньчжурии, находившаяся под контролем японской полиции. Формально ее целью считалась защита от бандитских нападений на крестьянские хозяйства. В реальности же ее члены должны были проникать в партизанские отряды и информировать полицию об их передвижениях и силах. Организация просуществовала лишь до июля 1932 года, но последствия ее деятельности сказывались и несколько лет спустя.

Японские создатели «Минсэндана» верно учли особенности психологии партизан. Страх перед внедрением агента, способного навлечь гибель на весь отряд, мог порождать у них паранойю, в результате которой под подозрение часто попадали ни в чем не повинные люди. Этот эффект многократно усиливался национальным фактором.

Китайские партизаны и без того не особенно лояльно относились к корейцам, которые, как они считали, воевали не на своей земле, и подозревали их в стремлении отторгнуть Маньчжурию от Китая. Сделать карьеру в Северо-восточной антияпонской объединенной армии корейцу было крайне непросто. Даже Ким, который прекрасно владел китайским языком и знал, как себя вести с китайцами, сталкивался с постоянными трудностями на этой почве.

Теперь же в каждом корейце видели потенциального японского агента — минсэндановца. В компартии и среди отрядов партизан начались масштабные чистки. К 1934–1935 годам «охота на ведьм» достигла невиданного размаха. Число расстрелянных по подозрению в причастности к «Минсэндану» корейских партизан составило до двух тысяч человек, тысячи попали под подозрение и были арестованы.

«Недоварит повар кашу — этого уже достаточно, чтобы обвинить его в причастности к "Минсэндану", — вспоминал Ким. — Попадись камешек в каше, разбавь ее водой — это уже становилось свидетельством о намерении заразить болезнью жителей партизанского района.

Ярлык "минсэндановец" приклеивался когда угодно и за что угодно: страдаешь поносом — ослабление боеспособности, вздохнешь — усыпление революционного сознания, ошибочно обстреляешь — сигнальное сообщение врагу о расположении

партизанского отряда, скажешь: "Тоскую по Родине" — пропаганда националистических настроений, проявишь активность в делах — попытка прикрыть свое подлинное лицо. Такая ситуация никому не давала шансов остаться вне круга "Минсэндана"»[6].

Самого Кима чистки тоже не обошли стороной. Он пишет, что против него был выдвинут ряд обвинений, вследствие чего он чуть не попал в «минсэндановскую» петлю.

А по другим данным, он даже был арестован и исключен из партии. Однако его спасло заступничество китайского командира Ши Чжунхэна. Он знал Кима с осени 1933 года, когда они совместно участвовали в рейде на маньчжурский уездный городок Дунин. Во время сражения корейцы спасли тяжелораненого и брошенного на поле боя своими подчиненными китайского комбрига. Ши остался благодарен Киму. Он заявил, что «такая выдающаяся личность не может быть японской собакой», после чего тот был реабилитирован.

Осенью 1934 года Ким с отрядом в 170 бойцов выступил в так называемый Первый североманьчжурский поход, двинувшись через горные перевалы в район города Ниньян. Сделал он это по просьбе своего товарища по оружию, китайского командира Чжоу Баочжуна, воевавшего в тех местах. Поход оказался очень тяжелым, особенно обратный путь, который отряд проделал зимой 1935 года. По пятам за партизанами шли японские каратели, к тому же ударили страшные морозы: окоченевшие птицы падали с неба, а струя мочи замерзала, не успевая долететь до земли.

Ким простудился и заболел, его жизнь висела на волоске. Пока бойцы тащили своего командира через заметаемые метелью горы на наспех сколоченных санях, он от слабости и высокой температуры впал в забытье. Под вой пурги ему являлись покойные родители. Только случайно набредя на крестьянские хижины, партизаны смогли немного передохнуть, а Ким — поправить здоровье, пролежав несколько дней у печки и отпаиваясь медовой похлебкой. «Революционерам приходится прокладывать непроторенный путь, живя и в мороз под открытым небом, утоляя голод одним снежком. Но у них есть присущее им наслаждение, которое никогда не испытать буржуям и обывателям», — писал он[7].

Из похода вернулось 17 человек, остальные погибли от обморожения и болезней. Вскоре, однако, Киму удалось пополнить ряды своих бойцов. Весной 1936 года в деревне Мааньшань он освободил из-под ареста более сотни подозреваемых в связях с «Минсэнданом» корейцев и публично

сжег документы следствия у них на глазах. Естественно, благодарные «штрафники», уже не чаявшие выйти на свободу, тут же присоединились к его отряду, который с тех пор стал именоваться «6-й дивизией» (хотя и насчитывал лишь 200 человек).

Апрельским вечером бойцы расположились на одном из горных склонов. Зима была позади, снег уже растаял, от полевой кухни тянуло дымом и супом из первых свежих трав. Довольный пополнением в отряде, Ким отправился прогуляться по лесу. На реке партизанки полоскали белье и пели песни. Среди них Ким увидел знакомую симпатичную девушку, с которой как-то мельком общался в походе. Теперь у них было свободное время, и молодые люди проговорили весь вечер.

Девушку звали Ким Чен Сук, и судьба ее оказалась очень похожей на судьбу самого Кима. Она родилась 24 декабря 1917 года в бедной семье в городе Хвэрене на самой корейско-китайской границе. В начале 1920-х годов родители девочки переселились в Маньчжурию. После того как отец и мать скончались, Чен Сук ушла в партизаны, где работала швеей. А теперь служила в отряде Кима при ставке командования поварихой.

С того дня они были вместе. Несмотря на то что молодой командир пользовался немалой популярностью у девушек, Ким оказался однолюбом. (В архивах японской полиции есть данные о том, что в 1940 году в плен к японцам попала некая Ким Хе Сун, называвшая себя женой Ким Ир Сена.) Именно Ким Чен Сук родила ему первого сына и наследника Ким Чен Ира и стала женщиной всей его жизни.

После начала возвышения Ким Чен Ира в 1970-е годы она была объявлена наряду с ним и самим Ким Ир Сеном одним из «трех полководцев горы Пэкту» и «матерью Кореи». Ее официальная биография содержит немало рассказов о ее бесконечной преданности Киму и готовности жертвовать собой ради него. Несколько раз в боях она спасала мужа от смерти, прикрывая его своим телом и отстреливаясь от врагов. В другой раз под вражескими пулями подползала к нему на передовую, подкладывая в карманы пельмени и кедровые орехи, чтобы он мог утолить голод. Зимой после стирки она сушила одежду Кима на своем теле, а однажды остригла себе волосы, чтобы сделать ему теплые стельки. Услышав как-то, что пули не пробивают шелковую вату, она где-то достала ее и сшила ему теплое ватное пальто. И даже когда Ким встал во главе государства, она не изменила привычке партизанских лет. После того как его шерстяные носки приходили в негодность, распускала их и вязала

новые.

Еще одна история гласит, как Ким Чен Сук получила задание сшить 600 комплектов зимнего обмундирования для бойцов за 30 суток. В распоряжении у нее было две помощницы и одна работающая швейная машинка. Приказ якобы был выполнен досрочно, за 20 дней.

Как бы там ни было, Чен Сук была верной спутницей Кима и разделяла с ним все тяготы партизанской жизни. «Антияпонские борцы-революционеры шли непроторенным путем не только в революции, но и в любви, — писал о ней Ким. — Но самое главное в любви, я думаю, — это самоотверженность. Только такая самоотверженность, когда человек готов идти и в огонь, и в воду, подняться на эшафот и броситься в ледяную прорубь ради того, чтоб любимый человек не был голоден, хоть он сам и болеет, не чувствовал холода, хоть он сам и дрожит от холода, — только такая самоотверженность может породить самую прекрасную, самую благородную и искреннюю любовь»[8].

В 1936–1937 годах базой для отряда Кима стала отдаленная и малолюдная местность на границе с Кореей в окрестностях гор Пэкту. Там в глухих лесах была основана сеть тайных партизанских лагерей. Японские каратели появлялись в этих местах редко, что позволяло партизанам чувствовать себя относительно спокойно и периодически совершать вылазки в другие части Маньчжурии.

Нормализовались отношения с китайскими отрадами. История с «Минсэнданом» дошла до самого верха мирового коммунистического движения. Ким и другие корейские командиры смогли донести свою точку зрения до руководящих органов Коминтерна. Вопрос обсуждался в ходе 7-го конгресса Коминтерна в Москве и был поставлен перед руководством компартии Китая. Китайские товарищи, в свою очередь, предложили организовать особую партизанскую армию и национально-освободительную партию корейцев. Ким, однако, не согласился с таким подходом: он считал, что нужно сохранить солидарность китайцев и корейцев в рамках одной армии[9]. Конгресс также выдвинул идею создания народных фронтов антифашистской и антиимпериалистической направленности, в рамках которых коммунисты должны были сотрудничать с другими прогрессивными силами. (Такие фронты появились во Франции и в Испании.)

Корейские патриоты тоже создали свой народный фронт. Он получил название «Лига возрождения Родины». В ее создании участвовали основные группы борцов за независимость Кореи — и коммунисты, и националисты, и представители «Чхондогё».

Лига ставила своей задачей объединить все антияпонские силы. Были составлены декларация и программа из десяти пунктов, где говорилось о необходимости освобождения от японского гнета, установлении народного правительства в Корее и совместной борьбы с китайцами за свержение марионеточного правительства Маньчжоу-Го. После освобождения планировалось провести демократические реформы — изъять собственность у японцев, объявить восьмичасовой рабочий день, гарантировать свободу слова, печати и собраний, установить дружественные отношения со всеми государствами, которые воспримут Корею как равного партнера[10].

Согласно северокорейской версии, Лигу возрождения Родины создал и лично возглавил Ким Ир Сен. Между тем его подписи под декларацией нет, что объясняется природной скромностью Кима. Южнокорейские историки называют ее авторами корейских националистов О Сон Нюна, Ом Су Мена и Ли Сан Чжуна *и* отрицают причастность Кима к ее созданию. Сам он в мемуарах пишет, что отказался подписывать декларацию, поскольку считал, что это должны сделать более известные люди. А затем она стала свободно ходить по рукам, и поставить под ней свою фамилию мог любой желающий. Так и появились эти три подписи.

Лига развернула широкую деятельность в Маньчжурии и в самой Корее. Она обладала подпольными отделениями в ряде корейских городов, издавала собственный журнал и принимала участие в вооруженной борьбе. В общем, играла роль зонтичной организации для многочисленных антияпонских кружков, отрядов и союзов.

А Ким приобретал известность как успешный партизанский командир. Японцы официально назначили за его голову награду в 20 тысяч иен. Появились первые сообщения о его деятельности в газетах. Так, прояпонская «Чосон ильбо» 4 октября 1936 года писала о том, как Ким и еще 50 «бандитов» напали в Маньчжурии на корейского фермера Пак Ун Яна и отобрали у него зерно и корову. Такого рода публикации впоследствии появлялись довольно часто.

Но настоящую славу Ким Ир Сену принес рейд в Корею. 4 июля 1937 года около 150 бойцов под его командованием перешли реку Амнок и на закате солнца атаковали приграничный городок Почхонбо. Нападение стало полной неожиданностью. Партизаны перебили японских полицейских и представителей власти, а также сожгли почту, полицейский участок и администрацию. Среди местных жителей они распространяли листовки с десятью пунктами Лиги возрождения Родины. Закончив дело за несколько часов, партизаны ушли обратно в

Маньчжурию. Отряд нанес японцам ущерб в размере 16 тысяч иен, получил в результате реквизиций 4 тысячи иен и славу по всей Корее и Маньчжурии.

Но это был еще не конец. Возле пограничной переправы Ким дождался гнавшихся за ним полицейских и наголову разбил их отряд, убив семерых японцев во главе с их шефом Окавой. Ну а завершена удачная операция была совместным набегом на охранную заставу Йокоямской лесопилки, в ходе которого было убито 10 человек и захвачено немало оружия и амуниции.

Итоги боя так описаны в рассказе «Вечный памятник»: «Враги не успевали справиться с похоронами столь большого числа убитых, отрезали их головы и складывали их в мешки. Затем они согнали туда окрестных крестьян с их подводами и заставили их везти злосчастные головы собственных солдат на большак, держав это в строжайшем секрете. А насильственно согнанные крестьяне, отлично зная, что за поклажа в мешке, будто невзначай спрашивали у охранников:

— Что это за груз? Что так много его? Охранники бесились.

— Тыквы. Что, не видишь?

Тогда возчики, хохоча, бросали каждый по слову:

— Ах, ну и богато уродилась тыква! Вот уж повезло!

— Из нее получится отличный суп. Подольше варите и ешьте на здоровье»[11].

Рейд не остался незамеченным. До Кима никому из партизан не приходила в голову идея попытаться перенести борьбу на территорию Кореи, плотно контролируемую японскими властями. И несмотря на небольшой масштаб рейда, событие это имело важное психологическое значение. Ким показал, что корейцы могут бить японцев на корейской земле.

В июле 1937 года Япония начала новую войну с Китаем. Аппетит приходит во время еды: не удовлетворившись захватом Маньчжурии, японцы стремились окончательно утвердить свое господство на континенте. Поводом вновь стала провокация. Во время ночных учений Квантунской армии возле городка Ваньпин пропал солдат. Японцы потребовали открыть ворота крепости, а после отказа вступили в перестрелку с китайским пехотным полком. Уже через несколько дней они захватили Пекин и вскоре провозгласили там создание Временного правительства Китайской Республики, подконтрольного Токио.

Японская империя — змея, удушившая независимость Кореи. *Рисунок корейцев-партизан. 1930-е гг.*

Сорвем змеиные путы японского колониального ига! *Рисунок корейцев-партизан. 1930-е гг.*

Смерть японским оккупантам! *Рисунок корейцев-партизан. 1930-е гг.*

Никакой пощады японским поработителям! *Рисунок корейцев-партизан. 1930-е гг.*

Зарисовки боев, сделанные «с натуры». *Рисунки корейцев-партизан. 1930-е гг.*

Зарисовки боев, сделанные «с натуры». *Рисунки корейцев-партизан. 1930-е гг.*

Мировой интернационал против японского империализма. *Рисунки корейцев-партизан. 1930-е гг.*

Мировой интернационал против японского империализма. *Рисунки корейцев-партизан. 1930-е гг.*

Маньчжурские партизанские отряды получили распоряжение от Коминтерна атаковать столицу Маньчжоу-Го Чанчунь, а затем ударить в спину наступающим на внутренний Китай японским войскам. Однако наступление захлебнулось, а японцы начали карательную операцию против партизан. Отряд Кима попал в окружение.

Переход из местечка Наньпайцзы в Бэйдадинцзы на реке Амнок зимой 1938/39 года известен как Трудный поход. Путь, который в обычных условиях занимал не больше недели, пришлось преодолевать более ста дней. Японские карательные подразделения постоянно шли по пятам за партизанами. Они использовали тактику «клеща»: обнаружив отряд, начинали постоянно преследовать его, не давая бойцам остановиться для отдыха и изматывая их силы. Ни добыть продуктов, ни замести следов в таких условиях было невозможно. На стороне японцев были численное преимущество и погодные условия, зима выдалась исключительно снежной и холодной. В конце концов отряду пришлось разделиться на несколько частей.

Один из партизан — О Чжун Хыб — специально выдавал себя за своего командира. Отвлекая силы врага на свое подразделение, он начал отходить в глухие леса. «Этот маршрут проходил по не отмеченной на карте "белой зоне", в почти безлюдной местности, — вспоминал Ким. — Если и было там что-то, то лишь

вроде хижины заготовителей древесного угля. Ступишь раз в эту местность — попадешь в лабиринт, из которого трудно выбраться живым. Однако О Чжун Хыб готов был претерпевать голод и нарочно выбрал такой трудный маршрут, чтобы отвлечь на себя врагов, наседавших на командование. Вначале они питались говядиной или кониной, добытой при налете на лесоразработки, но, углубляясь в глушь лесов, уже не могли нигде достать продуктов. Говорят, что съедобным там был только снег… Когда полностью кончился провиант, полк все равно продолжал поход. Бойцы утоляли голод отваром воловьей кожи, брошенной японскими солдатами. Новогодний праздник по лунному календарю О Чжун Хыб и его бойцы справили в том году мороженой картошкой. Несмотря на это, комполка беспокоился о нас: "Мы в этом лесу кушаем хоть такое, но чем же сейчас питается командование?"»[12]

Командованию тоже приходилось несладко. Именно к временам Трудного похода относится известный рассказ «Чашка толокна», о том, как ординарцы Кима, когда в отряде кончилась еда, достали для него толокно из мешочка с неприкосновенным запасом. Но он поделился скудной трапезой с бойцами, посоветовав представить, что перед ними не чашка, а целая мерка, чтобы почувствовать себя сытыми.

Трудный поход благополучно окончился в конце марта, отряд воссоединился. Имя О Чжун Хыба, погибшего в бою осенью 1939 года, стало в КНДР одним из самых почитаемых в пантеоне антияпонских партизан. Не менее прославляется и подвиг другого бойца — Ма Дон Хи, который примерно в это же время был арестован японцами и впоследствии расстрелян. Как утверждается, во время допроса он откусил себе язык, чтобы не выдать расположение отряда и командующего Кима.

Ну а «капитализация» молодого партизанского командира в глазах японцев значительно выросла. В 1939 году за его голову давали уже в десять раз больше, чем тремя годами ранее, — 200 тысяч иен.

Война до предела обострила ситуацию на Дальнем Востоке. Уже казалась неизбежной схватка между СССР и Японией. А проживавшие в регионе корейцы, как подданные Японской империи, оказались между двух огней.

Ким Ир Сен вспоминал, что японцы «проводили политику сеяния раздора между корейским и советским народами — точно так же, как это они делали в отношении народов Кореи и Китая». На советско-маньчжурской границе сформировали специальную роту из прояпонски настроенных корейцев, которые должны были вступать в конфликт с русскими пограничниками. Кроме того,

японцы активно распространяли слухи о том, что подготовили немало шпионов-корейцев и заслали их в СССР.

И не только распространяли, а действительно засылали. Агентурная работа облегчалась тем, что большое количество этнических корейцев проживали и в сопредельных областях Советского Союза. Тема нашла отклик на страницах центральной печати.

«Шпион-кореец. Он "работает" на своих хозяев — японцев — не первый год, — писала «Правда». — Самые подлые, кровавые дела поручали ему… Недавно японский жандармский офицер поручил ему разведать, силен ли советский строй на Дальнем Востоке. Шпиону мерещились новые тысячи иен. Он согласился отправиться через границу. Поздней ночью шпион двинулся в путь. Но едва он вступил на советскую землю, как его задержал кореец-колхозник. Испытанное оружие провокатора — национальное родство — дало на этот раз осечку. Шпион просчитался. Корейцы — советские граждане — научились распознавать врага. Советский патриот-кореец доставил куда следует врага своего народа. Человекообразный хищник обезврежен»[13].

Однако в ситуации вполне реальной угрозы войны Сталин с товарищами из политбюро особенно полагаться на советский патриотизм корейцев не стали. В августе 1937 года было принято постановление «О выселении корейского населения из пограничных районов Дальневосточного края». Их было решено отправить в Среднюю Азию, где как раз планировалось наладить выращивание риса. Людям разрешили взять с собой вещи и пообещали компенсации при обустройстве на новом месте. Видимо, поэтому депортация происходила достаточно организованно, случаев серьезного сопротивления не было. Всего в Узбекистан и Казахстан было выселено 172 тысячи корейцев.

Тем не менее в национальной памяти эти события оставили свой горький след. И даже глубоко уважавший Сталина до конца жизни Ким Ир Сен отзывался об этом с осуждением: «В середине 30-х годов осуществлялось коллективное переселение проживающих на Дальнем Востоке корейцев в районы Средней Азии. Советские люди объясняли, что перемещение людей корейской национальности в Казахстан и Узбекистан — вынужденная мера, необходимая для обеспечения обороны страны. Но корейцев такое объяснение не устраивало. Услышав весть об этом, я тоже до глубины души испытал горечь народа, лишенного Родины»[14].

Амбициозное японское командование словно проверяло Сталина и его маршалов на прочность. Насколько сильны

русские? Возможно ли будет потеснить их в Сибири? Вновь промаршировать по улицам Владивостока, как в 1920 году? Наконец, как пелось в песне начала века, водрузить на высотах седого Урала священное знамя империи Ямато? Именно с целью найти ответы на эти вопросы были организованы столкновения у озера Хасан и вторжение в Монголию у Халхин-Гола.

Ответы были получены самые наглядные. «Нарушителей границы вымел грозный ураган, им горька была водица в нашем озере Хасан!» — сказано уже в советской песне. РККА отлично зарекомендовала себя в этих боях, и именно поэтому на большую войну с Советами Япония не решилась ни в тот момент, ни впоследствии.

Не остались в стороне от событий и партизаны Маньчжурии. Ким вспоминал, что в те дни его бойцы шли в бой под лозунгом «Защитим Советский Союз!», а состоявшийся в августе 1939 года бой у села Дашахэ называл операцией по дезорганизации вражеского тыла — как раз из этого района отправлялись подкрепления на Халхин-Гол. Значение этих стычек было невелико, но сами действия партизан в тылу в приграничном регионе были объективным фактором сдерживания японцев.

«Иные могут задать такие вопросы: "Правильно ли поступали корейские коммунисты, кровью помогая Советскому Союзу и защищая его во время антияпонской войны? Не означает ли сегодняшняя действительность, когда в Советском Союзе провалился социализм и реставрирован капитализм, что интернациональная поддержка корейских коммунистов, оказанная для защиты Советского Союза, была бесполезной?" — задавался вопросом Ким на склоне лет и отвечал на него. — В прошлом мы, не обращая внимания на то, станем ли мы предметом повышенного внимания или нет, оказывали Советскому Союзу активную помощь. Это было нужно и Советскому Союзу, и нам самим. Советские люди ответили на интернационализм корейских коммунистов тоже интернационалистическими действиями. Сейчас во многих странах господствует идеология национального эгоизма… Я собственно противник не только эгоизма отдельного человека, но и эгоизма национального. Если стремишься лишь к собственному благополучию, может ли у тебя быть достойная человека жизнь?»[15]

Вскоре обеспокоенное активизацией партизан японское командование приступило к окончательной зачистке Маньчжурии. Координатором кампании, которую осуществляла японская полиция совместно с Квантунской армией, был назначен генерал-майор Нозоэ Шотоку. Осенью 1939 года он получил из

казны 30 миллионов иен и приказ покончить с коммунистами к 31 марта 1941 года. Ближайшим сподвижником Нозоэ был полковник Фукубэ Кунио по кличке Охотник за бандитами. Именно он был автором новой политики, осуществлявшейся в отношении партизан. Одновременно с военными действиями она предусматривала амнистию и щедрые денежные выплаты тем, кто откажется от коммунизма, сдастся и сообщит информацию о своих бывших товарищах.

Применялись и другие методы, иногда весьма изощренные. Ким вспоминал, что на листовках, призывавших капитулировать, помещали эротические фотографии. А «подкупленные красавицы, маскировавшиеся под Розу Люксембург или Жанну д'Арк», проникали в ряды партизан, чтобы заманить их в сети полиции.

Со Дэ Сук приводит документ из архивов японской полиции, согласно которому в отряд Кима была внедрена девушка по имени Чи Сун Ок, у которой муж ранее ушел в партизаны. Около года проработав в отряде поварихой и швеей, она дала полиции немало ценной информации. В частности, рассказала о контактах командира с некими русскими из Коминтерна. Вместе с тем она показала, что Ким является сильным и волевым лидером и постоянно пропагандирует своим солдатам коммунизм и корейский национализм.

Сам Ким в мемуарах утверждает, что заподозрил неладное после появления Чи Сун Ок в отряде. После допроса она призналась, что была заслана к партизанам с целью отравить его. Однако он простил ее и через некоторое время отпустил девушку обратно.

Но самый большой вред партизанам наносили перешедшие на сторону врага товарищи. Одного за другим японцы хватали руководителей Северо-восточной антияпонской объединенной армии. В 1940 году из-за предательства близкого соратника смерть настигла командующего Ян Цзиньюя. Даже будучи тяжело раненным и окруженным противником, он продолжал сражаться и героически погиб в бою. Пораженные его отвагой японцы устроили ему похороны с самурайскими почестями, предварительно, правда, выставив изувеченное тело на всеобщее обозрение и распространив по всей Маньчжурии фотографии его трупа.

За Кимом тоже развернулась охота. Однако ему сопутствовала удача. В марте 1940 года близ Даймалогоу он уничтожил преследовавший его в течение двух недель полицейский отряд Такаси Маэда. Сам Маэда и большая часть его людей были убиты, часть перешла к партизанам.

К осени 1940 года большинство партизанских командиров в

Маньчжурии либо погибли, либо сдались. Общая численность партизан составляла не более тысячи человек[16]. Складывалась крайне тяжелая ситуация.

В этих условиях Ким принял фактически единственно возможное решение — прорываться на север, в Советский Союз, куда уже перешли многие партизаны, в том числе и его старый друг Чжоу Баочжун. К этому времени от «дивизии», которая в лучшие времена насчитывала до трехсот человек, осталось лишь 25 бойцов. Совершив марш-бросок на север, в декабре 1940 года Ким вывел свой отряд к советской границе.

Встретившим их поначалу пулеметным огнем пограничникам он повторял одно и то же: «Мы — корейские партизаны, а я — их командир Ким Ир Сен». Слово «партизаны» в конце концов возымело свое действие, и они вступили на советскую землю.

Партизанские годы в жизни Ким Ир Сена в полном смысле этого слова можно назвать героическим периодом. Однако впоследствии в КНДР история революционной деятельности великого вождя подверглась столь интенсивной обработке, что стала похожа на волшебную сказку. В историях о том, как Ким тепло заботится о своих бойцах, проскальзывают евангельские мотивы. То он кормит весь отряд собственноручно наловленными в реке раками, то своими руками снимает обувь с мол одого бойца и поправляет сбившуюся стельку, а то готовит вкусное кимчи из обычной травы.

В некоторых рассказах Ким и вовсе предстает полубогом, наделенным сверхъестественными способностями. Он может сделать из песчинок и сучьев пулю или бомбу, переплывает на листке бумаги реку, сокращает расстояние, появляется в бою одновременно с разных сторон и разит ошалевших врагов. В горах он купается в холодной росе, и потому тело его не такое, как у обычных людей.

Партизаны, идя за полководцем по зимней дороге, должны ступать точно след в след. Таким способом народно-революционная армия легко преодолевает уходящие в небеса горные хребты и может совершать прыжки в тысячи ли.

Бойцам, попавшим во вражеское окружение, полководец посылает на помощь красного коня. Спускаясь с переливающихся всеми цветами радуги облаков, он забирает их с собой и мгновенно переносит их в штаб. Там командир благодарит их и дарит коня за проявленное мужество.

Впрочем, приводя такие легенды, северокорейские литераторы оговариваются, что все это — своеобразные народные сказания, с помощью которых люди выражают свою любовь к вождю. А вот некоторые южнокорейские и западные авторы не

стесняются выдавать нелепые мифы (только со знаком минус) за чистое историческое знание.

Так, в школьных учебниках Республики Корея долгое время утверждалось, что Ким Ир Сен был вовсе не тем прославленным партизанским командиром, за которого себя выдавал. Якобы он лишь взял себе псевдоним партизана, совершавшего подвиги в Маньчжурии. (Некоторые СМИ развили эту фальшивку даже до того, что в 1930-е годы Ким якобы жил в СССР и участвовал в сталинских репрессиях.)

Надо ли говорить, что даже не слишком лояльные к Киму историки в один голос отвергают этот миф? Со Дэ Сук, в частности, указывает, что оба имени — Ким Сон Чжу и Ким Ир Сен — присутствуют в документах японской полиции, существует множество свидетельств его участия в партизанских действиях, а также фотографии партизан, где его можно идентифицировать. Споры ведутся лишь вокруг конкретных обстоятельств партизанского периода Кима, но сам факт его участия в движении и то, что он был одним из самых известных и уважаемых командиров в Маньчжурии, сомнения не вызывает.

Еще один любопытный момент в партизанской деятельности Кима касается его художественного творчества. По официальной версии, в 1920—1930-е годы он явился автором нескольких десятков произведений. Среди них — пьесы «Ан Чжун Гын стреляет в Ито Хиробуми», «Молельня Сонхван», «Грызня трех министров за трон», «Судьба охранника», танцы «Тансимчжур» и «Гордость тринадцати провинций», песни «Тоска по Родине», «Песня о Корее», «Песня о программе Лиги возрождения Родины из десяти пунктов» и даже детские рассказы «Повесть о пятнадцати мальчишках и девчонках» и «О дармоедке-хрюшке». Но самыми известными считаются революционные оперы «Цветочница» и «Море крови».

Действие «Цветочницы» происходит в Корее во время японской оккупации. Девушка Кот Пун из крестьянской семьи собирает и продает цветы, чтобы помочь своей больной матери. Все это время ее близких третируют домовладелец и японские полицейские. В конце концов она собирает достаточно денег, но мать к тому времени умирает. Брат девушки организует движение среди сельчан против домовладельца и японцев.

Ким, согласно воспоминаниям, начал писать либретто «Цветочницы» в гиринской тюрьме, а закончил уже после выхода на свободу. Впервые она была поставлена к 13-летию Октябрьской революции.

В центре сюжета «Моря крови», которое было создано во время перехода отряда Кима в район гор Пэкту в 1936 году, тоже

женщина — мать большой семьи, дети которой уходят в партизаны, и она сама под влиянием зверств японцев и по наставлению политкомиссара вступает в ряды сопротивления и поднимает народ на восстание. Вот небольшой отрывок, хорошо показывающий атмосферу произведения:

«— Товарищи, сюда идут гады…

Ружейные выстрелы, топот конных копыт. Горит селение. Хоровое пение, сцена меняется. Море крови поглощает селение.

Хор. Пролетарии мира, не отчаивайтесь! Ценой смерти многих революционеров создается власть миллиарда шестисот семидесяти миллионов пролетариев.

Японские садисты совершают карательную операцию в селении. Палачи безжалостно убивают людей. Убийцы носятся взад и вперед, стреляя и кроша саблями. С ними бьются люди, размахивая топорами, вилами и дубинами. Богатырского вида парень сражает солдата серпом. Женщину закалывают штыком, ребенка рубят саблями. Старик из Пельчже ударом топора убивает солдата, но падает, сраженный пулей. Волосы матери треплет порывистый ветер, она идет по морю крови…»[17]

Сложно судить, действительно ли эти строки принадлежат перу Кима. Во всяком случае, после освобождения страны в течение почти тридцати лет никто не вспоминал об этих «бессмертных классических произведениях». (Как он сам выражался, «опера надолго зарылась в землю».) А затем ее торжественно «отрыл» Ким Чен Ир. В 1970 году на экраны выходит фильм «Море крови», созданный под его руководством, а еще через год опера ставится на сцене в новой обработке. Ким-старший присутствовал на премьере и остался очень доволен. Вскоре за ней последовала «Цветочница», а затем еще три оперы других авторов — «Расскажи, тайга», «Верная дочь партии» и «Песня о горах Кымган». Вместе они составили цикл пяти революционных опер Кореи.

При этом корейцев не без основания подозревают в плагиате китайцы. Ведь постановку пяти «образцовых революционных опер», основанных на китайской классике, но переделанных на современный лад, осуществила жена председателя Мао Цзян Цин в 1967 году. Это событие стало одним из основных в ходе Великой пролетарской культурной революции.

С другой стороны, очевидно, что у Кима был вкус к художественному творчеству. И вполне естественно, что партизаны его отряда вместе со своим командиром придумывали и ставили спектакли, писали и пели песни. Таких эпизодов немало в воспоминаниях Кима.

Можно также вспомнить о том, что уже на склоне лет, в 1992

году, он лично написал оду к 50-летию Ким Чен Ира. А песню «Тоска по Родине», впервые исполненную на партизанском бивуаке, любил петь до самого конца жизни, встречаясь за рюмкой сочжу с ветеранами антияпонского движения.

Когда я покидал родной край,
Моя мать пожелала: «Счастливо шагай!»
У калитки она стояла в слезах,
Боль ее души звенит в ушах.

Близ крыльца возле дома
Катит воды река.
Как все это знакомо —
Вот и братьев рука.

Прозрачны воды реки Тэдонган,
Все в цвету Мангёндэ весной.
В сердце ты навсегда, моя Родина.
Я вернусь с победой в день возрождения!

Глава четвертая
«НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ АМУР»

Партизаны перешедшего в СССР отрада Ким Ир Сена были настолько истощены и слабы, что первым делом их отправили в баню и на санобработку. Наконец-то измученные долгими походами и столкновениями люди получили передышку После этого их ждала стандартная процедура — подробные допросы и проверка на причастность к шпионажу. Впрочем, долгой она не была, поскольку о полной благонадежности Кима и его людей заявил Чжоу Баочжун, перешедший в СССР в 1940 году. Да и его имя было достаточно хорошо известно советским военным, занимавшимся по долгу службы делами Маньчжурии.

СССР в конце 1930-х годов начал оказывать корейским и китайским партизанам негласное, но существенное содействие. Они всегда имели возможность использовать территорию советского «старшего брата» как тыловую базу для отдыха, тренировок и снабжения. Переправлявшиеся через реки Амур и Туман (Туманная) бойцы подкрепляли здесь силы и возвращались обратно на боевых конях, с вещмешками, набитыми продуктами и табаком, вооруженные трофейными винтовками и пулеметами. (В целях конспирации им выдавали оружие не советского производства, а захваченное у японцев во время боев на Халхин-Голе и у озера Хасан, благо оно в изобилии хранилось на армейских складах.)

Ввиду постоянной угрозы войны с Японией работа с партизанами на Дальнем Востоке курировалась на самом высоком уровне. В 1939 году народные комиссары обороны и внутренних дел СССР Климент Ворошилов и Лаврентий Берия подписали совместное указание об оказании помощи партизанскому движению в Маньчжурии. Согласно этому документу, данный вопрос был передан в ведение военных советов Дальневосточного фронта. А начальникам региональных УНКВД предлагалось «оказывать полное содействие в проводимой работе, в частности, в проверке и отборе из числа переходящих со стороны Маньчжурии и интернированных партизан и передаче их Военным советам для использования в разведывательных целях и переброски их обратно в Маньчжурию, а также в приеме переходящих советскую границу партизанских групп и отдельных связистов»[1].

Периодически на советской территории организовывались совещания, где обсуждались стратегия и тактика ведения боевых

действий и деятельность коммунистических организаций Маньчжурии. С декабря 1940-го по март 1941 года очередное такое совещание проходило в Хабаровске. Специально для него Ким Ир Сен со своими соратниками Ан Гиром и Со Чером подготовил доклад о работе Южноманьчжурского комитета компартии Китая. (Этот документ сохранился в российских архивах и недавно был опубликован[2].) Очевидно, что в условиях тяжелых боев и отсутствия постоянной связи как с руководством китайских коммунистов, так и с советской стороной партизанам было не до партстроительства, что нашло свое отражение в докладе. Там указывалось, что «члены партии партийных документов не имеют, членские взносы не платят», что «слабо была поставлена массовая работа, а также политвоспитательная работа среди бойцов», и, наконец, «появилось предательство». Для исправления ситуации предлагалось «развернуть борьбу с разными уклонами и шпионажем». Кроме того, в документе сообщалось, что южноманьчжурским коммунистам необходимы военные кадры-специалисты, печатная аппаратура, газеты, журналы («но сколь чего, ответить не можем»), а главное — установление регулярных контактов с ЦК КПК, «чтобы мы получали указания». Доклад Ким подписал китайским вариантом своего имени: Цзин Жичен. В дальнейшем именно так его именовали в период нахождения в СССР.

Ким Ир Сен выехал на совещание в сопровождении советского офицера. «Прибыл в Хабаровск, а там снегу по колено, трескучий мороз, — вспоминал он. — Нам, рыцарям тайги, все выглядело сказкой. Ни выстрелов, ни грабежей, ни голода. Мирные проспекты, счастливые лица прохожих, свободная речь, бодрые шаги… Все это было пульсом той жизни, которую мы представляли себе как идеал…»[3]

Совещание проходило в обстановке строгой секретности, в армейской казарме, подальше от глаз и ушей посторонних. Позиция советской стороны на тот момент заключалась в том, что корейские и китайские бойцы должны влиться в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии и временно свернуть свою деятельность в Маньчжурии, чтобы избежать повода для возможного военного столкновения СССР с Японией. Некоторые партизанские командиры возмущались такой постановкой вопроса. Ким, если верить мемуарам, предложил компромисс: использование советской территории в качестве тыловой базы и проведение в Маньчжурии небольших операций «малыми отрядами», который и был принят совещанием.

Вскоре для перешедших в СССР партизан, количество которых стремительно росло, были созданы две военные базы:

Северный лагерь «А» в Хабаровском крае и Южный лагерь «Б» в Приморском крае, под Ворошиловом (Уссурийском). Дальневосточный фронт поставлял туда самое необходимое — строительные материалы, палатки, лекарства, некоторые продукты питания. Партизаны же, в свою очередь, сами возвели казармы и хозяйственные постройки, заготавливали в тайге ягоды и грибы, помогали на сезонных работах местным жителям.

«Встречая весну на чужбине. 1 марта 1941 года. В лагере Б» — такую подпись Ким Ир Сен оставил на снимке с Чен Сук. Эту карточку они позже считали «свадебной», поскольку впервые снялись на ней вместе.

Многие корейцы в СССР впервые в своей жизни увидели кино и… черный хлеб. На один прием пищи полагалось 200 граммов хлеба, однако корейцы долго не могли привыкнуть к странному для них продукту и плохо ели его. Зато водка, одинаково близкая русскому и корейскому народам, у бойцов шла на ура.

«В лагере имелась и машина интендантской службы, — читаем на страницах «В водовороте века». — На этом грузовике нам из ближайшего подсобного хозяйства привозили необходимые продукты. Шофером этой машины был советский человек. Ли О Сон ходил за ним по пятам, чтобы научиться водить машину. Иногда он ездил вместе с ним и в подсобное хозяйство. В результате этого Ли О Сон научился не только водить машину, но и пить водку. Кажется, советский шофер был очень пристрастен к этому напитку.

Благодаря тогдашним урокам Ли О Сон и после освобождения страны некоторое время водил машину. При виде машины он просто терял голову. Однажды сел за руль моей машины и наехал на ограду. С тех пор товарищи запретили ему садиться за руль.

После освобождения Кореи ряд советских друзей, находившихся с нами в Южном лагере, посетили нашу страну. Приезжал в Пхеньян и шофер того грузовика и встретился со своим старым другом Ли О Соном»[4].

Ким пишет в мемуарах, что из лагеря небольшие отряды партизан периодически совершали длительные вылазки в Маньчжурию и даже в Корею. Эти данные подтверждает один из его сослуживцев — В. Иванов[5]. По информации Со Дэ Сука, некоторые из корейцев в таких вылазках попали в плен. Среди них был Пак Киль Сон, арестованный в январе 1943 года при переходе границы и давший показания японской полиции о тренировочных лагерях в СССР[6].

Точно такой же тактики придерживался Чжоу Баочжун, периодически перебрасывавший бойцов через границу для связи с

оставшимися в живых партизанами и оказания им помощи. В 1943 году в одном из боев в Маньчжурии погиб направленный им туда во главе «малой группы» китаец Сюй Хэнчжи. В. Иванов утверждает, что всего с июня 1941-го по май 1945 года было совершено более трехсот «человеко-выходов» малых отрядов партизан из СССР в Маньчжурию.

Таким образом, рейды партизан в Маньчжурию с советской базы и действия там «малыми отрядами» имели место в реальности. Масштабные операции были свернуты отчасти из-за эффективной полицейской тактики японцев, отчасти из-за нежелания советской стороны обострять отношения с Японией. Однако небольшие группы регулярно перебрасывались через границу для проведения разведки и локальных боевых операций.

Как пишет А. Ланьков, с весны 1941-го до весны 1942 года Ким был слушателем курсов при Хабаровском пехотном училище, окончив которое он получил офицерское звание. 16 февраля 1942 года жена родила ему первенца. Мальчик получил имя Чен Ир, советские бойцы звали его Юрой. А в 1944 году у него родился брат Пон Ир, по-русски — Шура.

Согласно северокорейской версии, младенец Чен Ир появился на свет в бревенчатом домике в тайном партизанском лагере на склоне горы Пэкту. На рассвете того дня стихла вьюга и установилась необычайно ясная и тихая погода, на небе засияли двойная радуга и яркая звезда. «Партизаны-смельчаки, которые, ведя в заброшенной пустоши кровопролитную битву с врагами и повидав всякого, радовались рождению героя, кому суждено впредь восседать на горе Пэкту, управляя всем миром, и дали младенцу псевдоним Пэктукванменсон (Яркая звезда над горой Пэкту) — в смысле Солнца, такого, как Великий Полководец Ким Ир Сен, и назвали его Чен Иром (Чен — прямое, правильное, справедливое, Ир — солнце), желая ему стать самым ярким солнцем»[7].

Несмотря на кровавые битвы Великой Отечественной, развернувшиеся от Кавказских гор до мурманских льдов, работа с корейскими и китайскими партизанами не только не прекратилась, но была выведена на новый уровень.

Летом 1942 года главком Дальневосточным фронтом (Д ВФ) генерал армии Иосиф Апанасенко провел несколько встреч с партизанскими командирами, среди которых был и Ким Ир Сен. Они выразили горячее желание участвовать в боях с японцами, на что генерал ответил, что для этого требуется серьезная подготовка, и предложил пройти ее в составе Дальневосточного фронта, создав специальное соединение, укомплектованное корейскими и китайскими бойцами. Те были только рады, а

вскоре добро было получено и сверху. Приказом наркома обороны СССР от 30 июля 1942 года была создана 88-я стрелковая бригада в непосредственном подчинении Военного совета ДВФ.

1 августа в военном городке поселка Вятское прошел парад по случаю создания бригады. В ее составе в тот момент было около 812 человек — 400 китайцев, 103 корейца и 309 советских граждан. Все зачисленные в ее ряды стали военнослужащими РККА. Бригаду возглавил Чжоу Баочжун, а командиром первого батальона, укомплектованного корейцами, стал Ким Ир Сен. Замполитом батальона был назначен его друг и соратник Ан Гир.

Ким в своих воспоминаниях подробно описывает формирование бригады и ее деятельность. Он указывает, что под вывеской 88-й бригады действовали Объединенные интернациональные войска (ОИВ), в которые входили и части Корейской народно-революционной армии (КНРА). Все это он объясняет соображениями строгой секретности, исходя из которой даже воинские звания в ОИВ указывались «ниже нормы».

Программа обучения личного состава бригады была весьма обстоятельной. В нее входили:

политическая подготовка (политинформации о положении на фронтах Великой Отечественной, в Китае и на Тихом океане);

огневая подготовка (изучение всех видов стрелково-пулеметного, минометного и артиллерийского оружия, состоявшего на вооружении советских войск);

тактическая подготовка (вопросы и организация ведения боевых действий малыми подразделениями);

организация и ведение партизанской борьбы, войсковой разведки, устройство засад и проведение диверсионных актов, нападений на объекты противника, тактика выхода из боя и смены мест базирования;

специальная подготовка (изучение состава и тактики Квантунской армии и вооруженных сил Маньчжоу-Го);

физическая подготовка (марш-броски, спортивные игры и соревнования по футболу, волейболу, бегу, прыжкам, плаванию, лыжам и другим видам спорта);

изучение уставов РККА;

курсы разговорного русского языка (Ким с его природными способностями к лингвистике быстро научился говорить по-русски).

Значительную часть времени бойцы проводили на учениях по тактике партизанского боя, прыжкам с парашютом, радиосвязи, стрельбе… «В ушах до сих пор гудит», — говорили смертельно усталые стрелки, возвращаясь в казарму с полигона. Офицеров бригады не раз приглашали в Хабаровск на большие военные

учения и парады ДВФ, что произвело на них неизгладимое впечатление.

Корейцы с присущим им усердием, трудолюбием и взаимовыручкой овладевали новыми знаниями. Ким вспоминал, как лектор Рим Чхун Чху помогал каждому слушателю в учебе в индивидуальном порядке. Если кто-то из них не все понимал, то после отбоя он, «бывало, ляжет рядышком с ним в постель и растолковывает ему непонятное. Так он кочевал, помогая бойцам, от одного к другому».

Курс обучения личного состава бригады был шире и глубже, чем в армейских учебных заведениях. Недаром после возвращения на родину военнослужащие-корейцы, заполняя анкеты, в графе «образование» писали: «88-е военное училище». Их готовили не только к боевым действиям, но и к будущему управлению освобожденными от японцев территориями по лекалам сталинской системы. Это была комплексная военно-политическая и административная подготовка.

«Жизнь на учебной базе не была райской, — писал Ким. — Шла война, и советские люди тоже не ели досыта. Меньше есть, меньше спать и скромнее одеваться — таков был лозунг того времени»[8]. Даже для новорожденного Чен Ира было не достать нормальной одежды. Ким Чен Сук вынуждена была пустить ему на распашонку военную форму. А другие партизанки из обрезков ткани сшили для малыша одеяло, которым он укрывался до самого конца войны. Игрушки у мальчика тоже были соответствующие: один из партизан вырезал ему из дерева пистолет, с которым он не расставался даже во сне.

Трудности с продовольствием разрешались отчасти силами самой бригады. Бойцы ходили на охоту, ловили рыбу на Амуре, к изумлению русских поваров, варили супы из папоротника и полевых трав, выращивали овощи, соевые бобы и картошку. Однажды посадка картофеля стала поводом для конфликта с врачом местной медсанчасти. Увидев, что корейцы сажают не целые клубни, а одни глазки, он рассвирепел: «Вы губите картофель!» Однако когда был снят обильный урожай, ему пришлось признать преимущество корейского способа картофелеводства.

Заступив на командование батальоном, Ким Ир Сен быстро сплотил вокруг себя всех корейцев, которые беспрекословно подчинялись ему. У начальства он был на хорошем счету. Единственной проблемой были постоянные жалобы начштаба лейтенанта Фомина на то, что его приказы солдаты отказываются выполнять без санкции своего командира.

Как и многие его соратники, он неоднократно просил

отправить его на Западный фронт воевать с Гитлером. Видимо, именно этот факт послужил источником легенды о том, что он участвовал в Сталинградской битве и был за это награжден орденом Красного Знамени. Впрочем, сам Ким опровергает ее в своих мемуарах. Рапорты служащих 88-й бригады начальство ДВФ оставляло без внимания: корейских товарищей готовили совсем для другой миссии.

День Победы в бригаде встретили весело и шумно. Всю ночь бойцы гуляли, выпив не только алкоголь со склада, но и весь спирт в медпункте. Корейцы, китайцы и русские пели и танцевали от радости. Все прекрасно понимали: раз пала Германия — значит, и поражение Японии не за горами.

О капитуляции Японии и будущем захваченных ею территорий СССР, США и Великобритания начали договариваться сразу после того, как наметился перелом в войне. На Тегеранской конференции в 1943 году лидеры союзных держав решили, что Корее должны быть предоставлены свобода и независимость, но только после введения временной системы международного управления. А «временность» эту стороны понимали по-разному.

В специальном докладе комиссии под руководством знаменитого историка А. Дж. Тойнби, представленном в начале 1945 года правящим кругам США и Великобритании, утверждалось, что корейцы не обладают необходимым опытом в управлении современным государством и не в состоянии осуществлять административные функции на профессиональном уровне. Корейцам присуща повышенная склонность к ссорам и склокам, как между отдельными людьми, так и между разными политическими группировками. Поэтому, по мнению комиссии, Корее для перехода к реальному самоуправлению необходима система международной опеки.

Президент Франклин Рузвельт прямо заявлял: «Корейцы пока не в состоянии поддерживать порядок и управлять независимым правительством, поэтому мы возьмем их под опеку сроком до 40 лет». На Ялтинской конференции 1945 года он чуть смягчил свою позицию: сославшись на 50-летний период подготовки к независимости Филиппин, отметил, что для корейцев этот срок может быть сокращен до 20–30 лет. Тоталитарный СССР, в отличие от западных демократий, полагал, что независимость Корее может быть предоставлена сразу после освобождения. «Чем короче, тем лучше», — ответил Сталин Рузвельту на его реплику.

Согласно договоренностям лидеров союзных держав, СССР должен был вступить в войну с Японией не позднее чем через два-три месяца после капитуляции Германии. Москва начала готовиться к боевым действиям на Востоке уже победной весной

1945 года. В апреле был денонсирован советско-японский договор о нейтралитете. Значительная часть эшелонов с солдатами, возвращавшимися с германского фронта, отправлялась прямо на Дальний Восток. К августу советская группировка вооруженных сил в регионе насчитывала около 1,6 миллиона человек. Главнокомандующим был назначен маршал Александр Василевский. Ей противостояла Квантунская армия под командованием генерала Оцудзо Ямады, поддержанная войсками Маньчжоу-Го и отрядами другой японской марионетки — князя Внутренней Монголии Дэ Вана, общей численностью до 1 миллиона человек. Перед советскими войсками стояла задача разгрома противника и освобождения Маньчжурии и северной части Кореи. Военные действия на территории Корейского полуострова было поручено осуществлять 25-й армии генерал-майора Ивана Чистякова, входившей в состав 1-го Дальневосточного фронта (командующий — маршал Кирилл Мерецков).

Ким Ир Сен утверждает, что накануне войны он неоднократно общался со всеми этими военачальниками. В воспоминаниях он описывает свою поездку в Москву, где он участвовал в заседании Генерального штаба, планировавшего операцию против Японии, а также познакомился с маршалом Георгием Жуковым и секретарем ЦК ВКП(б) Андреем Ждановым. С последним у него состоялся следующий любопытный диалог:

«Жданов неожиданно спросил меня, сколько лет потребуется корейцам после освобождения страны, чтобы построить независимое государство. Я ответил — не больше двух или трех лет.

Услышав это, Жданов обрадовался, потирая руки. Однако он и не скрывал своего удивления… Причина состояла вот в чем… По словам Рузвельта, корейцам нужен примерно сорокалетний период упорядочения до достижения полной независимости. Рузвельт, как видно, недооценивал нашу нацию и относился к ней пренебрежительно…

Жданов спросил, в какой форме помощи нуждается корейский народ в борьбе за государственное строительство после освобождения. Я ответил ему: "Советский Союз вел войну с Германией в течение четырех лет, а впереди большая борьба с Японией. Где вы найдете силы, чтоб помочь нам? Если нам окажут помощь, спасибо за нее, но мы хотим по возможности своими собственными силами построить свою страну. Это, конечно, трудно, но все же считаю, что такой подход правильнее для перспективы на будущее. У нас в стране в ее истории существовало низкопоклонство, что служило причиной гибели

страны, и в строительстве новой Кореи ему не место. Мы ни в коем случае не хотим, чтобы был нанесен ущерб от него — такова наша решимость. Мы надеемся на политическую поддержку Советского Союза и хотели бы, чтобы Советский Союз впредь активно поддерживал нас на международной арене и прилагал усилия, чтобы корейский вопрос был решен в соответствии с интересами и волей корейского народа".

Жданов остался доволен моим ответом. "Недавно, — произнес он, — гость из одной из стран Восточной Европы, встретившись со мной, обратился со словами, что его страна, экономически отсталая да к тому же сильно пострадавшая от войны, стоит перед большими трудностями, поэтому хорошо, если бы Советский Союз оказал ей помощь как старший брат. Какой это контраст с вашей позицией! Не знаю, такова ли разница между Востоком и Западом, между краем, где восходит солнце, и краем, куда оно заходит"»[9].

9 августа 1945 года СССР начал войну против Японии. Маршал Василевский выступил со специальным обращением к корейскому народу: «Темная ночь рабства над землей Кореи тянулась долгие десятилетия, и, наконец, час освобождения настал. Справедливый меч Красной армии занесен над японским милитаризмом, и судьба Японии предрешена». Части 25-й армии и Тихоокеанского флота в первые же дни войны овладели портами Юки (Унги) и Расин (Нанчжин), ожесточенные бои развернулись за город Сейсин (Чхончжин). Казалось, еще чуть-чуть — и советские войска победным маршем пройдут по всему Корейскому полуострову. В Сеуле уже готовили красные флаги и плакаты «Привет освободителям!».

Стремительное наступление советских войск застало врасплох американцев. После прихода к власти в США президента Гарри Трумэна, настроенного резко против СССР и боявшегося его усиления на Востоке, «корейский вопрос» завис окончательно. Теперь его надо было решать в срочном порядке. Ночь с 10 на 11 августа в Белом доме выдалась нервной. Военные и высшие чины Госдепартамента спорили до хрипоты о возможных вариантах выхода из ситуации. Проблема заключалась в том, что Корея была для США *terra incognita.* Никто толком ничего не знал о ней, кроме того, что в последние десятилетия страна была под контролем японской метрополии. «Чертова Корея! Лучше б ее вообще не было! С япошками проблем полно, от европейских дел голова кругом, а тут еще эти узкоглазые на своем краю света», — в сердцах выругался один из генералов и сплюнул в пепельницу.

Под утро, выкурив не одну пачку сигарет и выпив несчетное количество графинов содовой, государственные мужи решили

спихнуть ответственность на подчиненных. Двум полковникам Генштаба — Чарльзу Боунстилу и Дину Раску (последний еще не раз сыграет важную роль в событиях в Корее) — предложили пройти в отдельную комнату и за полчаса найти приемлемое решение. В их распоряжении имелась только карта Корейского полуострова. Полковники взяли под козырек и поступили по-армейски четко: приложив линейку к карте, они разделили полуостров пополам по линии 38-й параллели. К северу — советская зона оккупации, к югу — американская. В американской зоне оказались большая часть населения, значительная часть сельскохозяйственных угодий и промышленного потенциала, а также историческая столица — Сеул. Так было положено начало расчленению Кореи. Как писал американский историк Грегори Хендерсон, ни одно послевоенное разделение страны не было столь необъяснимым, не связанным с местными реалиями и не учитывающим мнение народа и положение стран; и нет такого разделения, за которое США несли бы меньшую ответственность.

Когда американская сторона донесла свои предложения до Сталина, тот неожиданно согласился с таким вариантом. По окончании обескровившей СССР Великой Отечественной «отец народов» стал весьма осторожным и предпочитал лишний раз не рисковать, конфликтуя с западными пока еще союзниками. Впрочем, в тот момент никто не предполагал, что разделение будет длительным, и, возможно, Сталин просто рассчитывал на скорое взятие власти коммунистами во всей стране сразу.

15 августа японский император подписал указ об окончании военных действий. Эта дата была объявлена днем освобождения Кореи. Таким образом, получилось, что большую часть территории Кореи советские войска освобождали без боя. Войска Микадо сложили оружие (хотя отдельные части продолжали сопротивление). 24 августа для принятия капитуляции советский десант был высажен в Пхеньяне. К 25 августа японские войска в советской зоне оккупации были разоружены, а части 25-й армии вышли к 38-й параллели. В боях за освобождение Кореи пало около полутора тысяч советских солдат и офицеров.

Еще до начала военных действий генерал Чистяков получил указание ЦК объяснять местному населению, что СССР не планирует захват Кореи или введение там советских порядков. Бойцы получили инструкции, что с жителями нужно обращаться вежливо и не препятствовать совершению религиозных обрядов. В целом эти приказы соблюдались, и корейцы приветствовали наших солдат как освободителей. «Граждане Кореи! Помните, счастье в ваших руках. Вы обрели свободу и независимость, и

теперь ваша судьба зависит только от вас самих, — обратилось к населению командование 25-й армии. — Советская армия создала все условия для свободного созидательного труда корейского народа. Корейский народ должен стать творцом собственного счастья»[10].

Известия о ходе боевых действий были с воодушевлением встречены в 88-й бригаде. Чжоу Баочжун и Ким Ир Сен направили маршалу Василевскому рапорты о готовности личного состава сражаться против японцев с просьбой направить их в Китай и Корею соответственно. Однако в условиях, когда регулярная армия успешно выполняла свои задачи, их решили поберечь для организации мирной жизни на освобожденных территориях. «Ничего, придет и ваше время», — шутили советские офицеры, хлопая своих сослуживцев по плечу. 15 августа в бригаду поступил план использования личного состава, согласно которому военнослужащих предстояло отправить в военные комендатуры на освобожденных территориях. Распределением корейцев по городам и провинциям занимался лично Ким. Сам он, как старший по званию, получил назначение на должность заместителя военного коменданта Пхеньяна — крупнейшего города в советской зоне оккупации.

Одновременно было принято решение наградить личный состав бригады медалями «За победу над Японией», а офицеров — советскими орденами. Так капитан Советской армии Цзин Жичен стал кавалером ордена Красного Знамени. В его наградном листе сказано: «Активный участник партизанского движения в Маньчжурии по борьбе с японскими оккупантами с 1931 по 1940 год. И отлично подготовил свое подразделение к боевым действиям»[1 '].

В изложении Ким Ир Сена история освобождения Кореи выглядит следующим образом. Существовал план, согласно которому с началом боевых действий партизанские отряды Корейской народно-революционной армии, сосредоточенные в Маньчжурии и самой Корее, должны были начать операции против японцев и поднять население на всенародное сопротивление. Тем временем в Пхеньян и другие ключевые города предполагалось сбросить парашютные десанты из тех сил КНРА, что находились в составе 88-й бригады.

После начала войны СССР против Японии он якобы отдал приказ всем соединениям и частям КНРА начать генеральное наступление. Когда советские десантники высадились в Рачжине, «город уже был освобожден». Хверен, Пхеньян и другие города также «были освобождены в результате действий партизанских отрядов». Правда, высадка с парашютов так и не была

реализована из-за быстрой капитуляции Японии. Хотя «десант уже выехал на машинах на аэродром».

«Таким образом, — делает вывод Ким, — освобождение нашей страны было достигнуто Корейской народно-революционной армией, добрых 15 лет наносившей мощные военные удары по японским империалистам и пошатнувшей их устои, а также общей мобилизацией сил сопротивления, охватившей широкие слои населения. Советская операция по разгрому японских войск смогла завершиться в столь короткий срок благодаря тому, что ей предшествовала многолетняя война сопротивления нашей армии и народа»[12].

Бойцы 88-й бригады возвращались в Корею по частям. Первая группа вступила туда вместе с частями 25-й армии. Отъезд же основной массы корейцев задерживался. Планировалось отправить их на родину поездом, однако Андонский железнодорожный мост на границе Китая и Кореи был взорван в ходе боевых действий. Поэтому Ким Ир Сен со товарищи в сопровождении полковника 1-го Дальневосточного фронта прибыли во Владивосток и погрузились на пароход «Емельян Пугачев», который взял курс на корейский Вонсан.

Осенний Тихий океан был неспокойным. Дул сильный ветер, водные валы перекатывались через палубу. Многих из непривычных к плаваниям корейцев выворачивало наизнанку от приступов морской болезни. К утру шторм закончился. Проведший бессонную ночь Ким смотрел, как встает солнце над бескрайней водной гладью. Вспомнилось, как маленьким ребенком он зимой переходил реку Амнок, отправляясь в Маньчжурию. Голова чуть кружилась. Он представил себе, как затянутые льдами воды реки Амнок и других рек Кореи с оттепелью оттаивают и, стекаясь, образуют огромный океан…

19 сентября 1945 года Ким Ир Сен после долгой разлуки вновь ступил на родную землю.

Глава пятая
ВОСХОД СОЛНЦА НАЦИИ

Пароход «Емельян Пугачев» бросил якорь в порту Вонсана в канун праздника Чхусок — дня осеннего урожая и поминовения предков. Вся Корея пришла в движение. Люди спешили поздравить родителей, посетить фамильные могилы, поесть традиционную курицу и как следует напиться (считается хорошим знаком, если в этот день гость не может встать со своего места и засыпает прямо за столом). Но бывшим военнослужащим 88-й бригады было не до праздника. Они сразу же разъехались в разные концы страны, в провинциальные комендатуры, к которым были приписаны. Вместе с советскими военными они должны были налаживать новую жизнь.

«Мы намеревались сразу после вступления в пределы родной земли тихо, без излишнего шума пойти в народ без распространения вестей о триумфальном возвращении КНРА, чтобы взяться за фундаментальную работу по выполнению трех задач — строить партию, государство, армию»[1], — писал Ким Ир Сен. Сам он отправился на поезде в Пхеньян, от которого до его родного Мангёндэ рукой подать. Но и он не попал туда на праздник. По этому поводу в Северной Корее поют «Песню о Мангёндэсской развилке», мимо которой несколько раз проезжал вождь, столь занятый делами, что даже не мог заглянуть домой. А рассказы «Вернувшись на Родину без извещения» и «Нас стало больше в общежитии» повествуют о том, как Ким скрывал свой приезд от людей, желая узнать, чем живет народ. Ради этого он якобы поселился в простом пхеньянском общежитии, ездил в шумных трамваях, толкался на рынках, приценивaясь к товарам, и питался в харчевнях кашей из риса с чумизой вместе с фабричными рабочими.

В эти теплые осенние дни 1945 года на севере Корейского полуострова рождалось новое государство, которым Ким будет руководить без малого 50 лет. Ключевой для биографии нашего героя вопрос о том, как молодой партизанский командир в возрасте Христа оказался на самой вершине власти, трактуется по-разному.

Версия историков КНДР подчеркивает, что народ уже ждал своего вождя и готовился его приветствовать. «В сентябре 1945 года с триумфом вернулся на Родину товарищ Ким Ир Сен, возглавив славную Корейскую Народно-революционную армию. В Пхеньяне, Сеуле и многих других городах и селах Севера и Юга

были созданы под различными названиями организации по подготовке к торжественной встрече товарища Ким Ир Сена: "Правительственный комитет в честь Полководца Ким Ир Сена", "Подготовительный комитет в честь прибытия в Сеул Полководца Ким Ир Сена", "Союз в поддержку Полководца Ким Ир Сена" и другие. Чуть ли не каждый день проходили массовые митинги, спортивные соревнования и другие массовые мероприятия в честь Полководца Ким Ир Сена. Его историческое возвращение на Родину горячо приветствовали печать и радио…»[2]

Согласно другой точке зрения, лидера для Кореи подбирал лично Иосиф Сталин. Офицер штаба Дальневосточного фронта И. Кобаненко свидетельствовал, что Ким встречался с генералиссимусом в Москве в сентябре 1945 года накануне отъезда в Корею[3]. Впрочем, поскольку ни он сам, ни другие источники не упоминают об этом, эта информация вряд ли заслуживает доверия.

Историки А. Орлов и В. Гаврилов в своей работе «Тайны корейской войны» утверждают, что в августе 1945 года по заданию Сталина была проведена работа по подбору кандидатов на роль главы Кореи. Из представленного списка он выбрал Кима как лично преданного ему человека и молодого военного профессионала. В кругах кореееведов даже ходит легенда о том, что генералиссимус поставил галочку красным карандашом напротив его фамилии.

Наконец, есть мнение, что своим выдвижением Ким Ир Сен обязан прежде всего советскому военному командованию в Корее. Со Дэ Сук пишет, что «не стоит усложнять процедуру выбора Кима как лидера освобожденной северной части Кореи. СССР был более сконцентрирован на оккупации Восточной Европы…»[4].

Ким оказался в нужное время в нужном месте. Советское военное руководство как раз начало искать фигуру, которая могла бы стать во главе формирующегося режима. Молодой офицер РККА, партизанское прошлое которого пользовалось в стране определенной известностью, был признан лучшим претендентом на этот пост. При этом Ким, как утверждал один из его советников, вовсе не хотел становиться политиком, желая продолжать армейскую карьеру: «Я хочу полк, потом — дивизию, а это-то мне зачем? Ничего я не понимаю и заниматься этим не хочу!»[5]

Сам он, правда, впоследствии вспоминал совсем другое — как еще до освобождения Кореи видел себя лидером страны во сне:

«Конечно, в период антияпонской борьбы мои товарищи желали, чтобы после возрождения Родины я был выдвинут на

пост президента. Не помню, в каком году, мы были как-то в Москве вместе с товарищами Ким Чаком, Ан Гиром и Со Чхором и участвовали там в заседании. А остановились мы в одной из резиденций в городе. Однажды ночью мне там приснился сон. Во сне увидел, как товарищ Ким Чен Сук, узнав, что я направлял партизан во многие районы за нужными мне книгами, приносит в большую комнату большое количество книг и говорит: "Вы можете выбрать из этой кучи книг любую, какую хотите. Такого количества книг вы за всю жизнь прочитать не успеете, товарищ главнокомандующий". Проснулся и вижу — стрелки приближаются к 12 часам ночи. А другие наши товарищи пока еще не спят. И я рассказываю им, что видел во сне. Выслушав меня, они говорят: "Знаете, ваш сон пророческий. Вы, товарищ командующий, в будущем станете президентом. Какая радость! Давайте по этому поводу выпьем по стаканчику!" И мы обратились к пожилому человеку, который обслуживал резиденцию, с просьбой, и он принес нам пару бутылок водки. Выпив с друзьями по стакану водки, я лег спать. Вернувшись из Москвы, я рассказал товарищу Ким Чен Сук о моем сне. Не забыв о моем рассказе, она после освобождения страны буквально заполнила мой кабинет книгами, говоря: "Вы можете теперь брать любую книгу". Помню, она предложила мне тогда сфотографироваться на память на фоне полок с книгами. Та фотография, наверно, хранится у меня и сейчас»[6].

Наиболее тесно с Кимом был связан подполковник Григорий Меклер, сотрудник Отдела политуправления 25-й армии. Он знал его со времен службы в 88-й бригаде и продолжал работать с ним в Корее. «С Ким Ир Сеном я провел целый год, — вспоминал он. — Тогда он делал первые шаги во власть и без совета с нами ничего не предпринимал. Каждое утро я приходил к нему, приветствовал, и мы намечали план работы. Со мной он почти никогда не спорил. Во всяком случае, я такого не припомню. Сталина же он боготворил, заявляя: "Северная Корея и СССР — братья навек. Я и Сталин — навсегда"»[7].

Сразу после приезда Кима в Пхеньян Меклер организовал его встречу с главой Южнопхеньянского комитета по подготовке воссоздания государства Чо Ман Сиком в ресторане «Хвабан». Чо имел прозвище Корейский Ганди и считался ключевой властной фигурой на Севере после капитуляции японцев. Советское военное командование активно пыталось наладить с ним диалог: именно он стал главой Административного комитета пяти провинций — первого северокорейского правительства.

Ким и Чо сразу не понравились друг другу. Иначе и быть не могло — слишком разными по происхождению, социальному

положению и взглядам были эти люди. Чо Ман Сику было уже за 60. Он принадлежал к «сливкам» корейской интеллигенции: родился в зажиточной семье, получил элитное образование в японском университете Мейдзи и считался одним из идеологов и лидеров корейского национализма. Генерал-полковник Иван Чистяков вспоминал об общении с Корейским Ганди: «Во время беседы Чо Ман Сик сидел в кресле неподвижно, с закрытыми глазами. Можно было подумать, что он спит. Лишь изредка, молча, еле заметно он кивал головой в знак согласия или качал головой, возражая. Вел он себя как старший по возрасту среди присутствующих, видимо, полагая, что чем меньше будет говорить, тем выше будет его авторитет»[8]. Хотя такое поведение в принципе не является странным для пожилого корейца, было очевидно, что убежденный антикоммунист Чо не желает работать под началом «советских оккупантов». А молодого Кима он просто не воспринял всерьез. И совершенно напрасно.

10 октября 1945 года Ким Ир Сен становится членом только что созданного Северокорейского бюро компартии Кореи. (В КНДР этот день торжественно отмечается как дата создания правящей Трудовой партии Кореи — ТПК.) Компартия, распущенная Коминтерном в 1928 году, была восстановлена на Юге старым подпольщиком Пак Хон Ёном сразу после капитуляции японцев. Формально Северокорейское бюро считалось ее частью, но очень скоро стало независимым от Сеула. Возглавил бюро пожилой коминтерновец Ким Ен Бом, не имевший особых политических амбиций.

А 14 октября в Пхеньяне состоялся грандиозный митинг в честь освобождения страны, на котором Ким впервые выступил перед народом. Советская военная администрация поработала на славу. В течение нескольких недель горожанам рассказывали о митинге, раздавали листовки, украшали город лозунгами и флагами. В назначенное время десятки тысяч пхеньянцев, многие в белых одеждах с цветами в руках собрались возле горы Моран. Такая помпезность была не случайной. Митинг должен был символизировать рождение новой Кореи, благодарной советским солдатам-освободителям.

Ким поднялся на трибуну и встал рядом с Чо Ман Сиком, Ким Ен Бомом и генералами Лебедевым и Чистяковым. Еще вчера он думал, не выйти ли на митинг в советской военной форме. У него даже не было своего костюма, так что его пришлось одолжить у одного из знакомых. В штатском было немного неудобно с непривычки. Но орден Красного Знамени Ким все-таки надел, и он поблескивал на груди в лучах осеннего солнца.

Выступил Чо Ман Сик. «Я слышал, что Корея освобождена, но,

не зная, во сне или наяву, попробовал ущипнуть себя за руку, да, действительно ощущаю боль!» — говорил он, щипая себя за руку, и пхеньянцы аплодировали артистично выстроенной речи.

«Слово имеет национальный герой, легендарный партизанский вождь Ким Ир Сен», — объявил ведущий митинга генерал Чистяков. Ким поднялся на трибуну и начал читать речь. Он говорил о национальной консолидации, о том, что каждый должен внести свой вклад в возрождение Кореи, у кого есть силы — силами, у кого знания — знаниями, у кого деньги — деньгами… Впрочем, разве было важно в тот момент, что он говорил? Глядя на огромную массу народа, слушавшую его выступление, он испытывал смешанные чувства. Ему никогда не приходилось выступать перед таким количеством людей, поэтому он заметно волновался. Но к волнению примешивалось ощущение эйфории, счастья. Ради этого момента стоило скитаться по другим странам, сидеть в тюрьме, рисковать погибнуть от голода, холода или вражеской пули.

Закончив читать, он услышал ожидаемый шквал аплодисментов и возгласы «Мансэ!». Однако одновременно с этим по толпе пронесся и едва слышный ропот. Дело в том, что у многих вызвала сомнение молодость партизанского командира. Ему было всего 33 года, тогда как народная молва приписывала партизану Ким Ир Сену пятидесяти- или даже шестидесятилетний возраст. Сыграло свою роль и то, что Ким взял псевдоним погибшего ранее командира, и долгое отсутствие на родине, куда о боях с его участием доходила лишь обрывочная информация.

Чтобы развеять нежелательные слухи, советское военное командование организовало поход Кима в сопровождении журналистов и молодежи на малую родину, в Мангёндэ. Радостная встреча с дедушкой и бабушкой плавно перетекла в массовый банкет с односельчанами и товарищами детства, после чего разговоры о ненастоящем Киме быстро сошли на нет. Уезжая из Мангёндэ, он забрал с собой семнадцатилетнего племянника, которого назначил секретарем ЦК Корейского союза молодежи.

Неожиданно для всех и самого себя Ким Ир Сен оказался у руля нового формирующегося государства. Что собой представляли земля, на которую распространялась его власть, и ее население?

В советскую зону влияния на Корейском полуострове вошло 57 процентов его площади. 80 процентов этой территории составляют горы, здесь мало пахотных земель, и в этой части Кореи жило меньше людей — 11 миллионов человек против 17 миллионов в американской зоне. Японцы во время оккупации обратили внимание прежде всего на запасы полезных ископаемых

в здешних местах. Они добывали и вывозили в метрополию каменный уголь, железо, алюминий, олово и редкоземельные металлы, строили заводы, фабрики и гидроэлектростанции, словом, проводили по-своему индустриализацию. В итоге к концу войны считалось, что промышленный Север более развит в экономическом отношении, чем преимущественно сельскохозяйственный Юг. Однако это не более чем условности, если вспомнить, что общая численность рабочих и служащих во всей Корее составляла мизерные три процента населения. В целом это была аграрная страна с преобладанием необразованного и нищего крестьянства.

Командующий 25-й армией генерал Чистяков так описывал положение дел в стране после освобождения: «Чем больше мы знакомились с условиями жизни большинства корейского населения, тем более тяжелое впечатление все это производило: страшная бедность, скученность, почти поголовная неграмотность, болезни… Трудности восстановительного периода в Корее напомнили пережитое в нашей стране после революции»[9].

Впрочем, географические и демографические условия для социалистической системы были неважны: коммунизм строили и в степях Монголии, и в горах Кавказа, и в старых городах Восточной Европы. Мощнейшая сила притяжения Москвы ощущалась в те годы по всей Евразии. Свет рубиновых звезд на кремлевских башнях достиг и Севера Кореи, тем более что там находилось немало его проводников — советских людей с такими же маленькими звездочками на погонах.

Процесс рождения государства и формирования системы власти с нуля был очень и очень непростым. Нужно отдать должное команде советских военных управленцев, которая с блеском осуществила его и помогла Ким Ир Сену стать во главе отлаженной государственной машины.

Эти творившие новый мир демиурги были довольно молодыми людьми. К такому результату привели практика довоенного СССР, где и в армии, и в гражданских ведомствах делались самые быстрые и головокружительные карьеры, репрессии 1930-х и Великая Отечественная война. Специально к работе в Корее и тем более к созданию там нового государства их никто не готовил. Однако они были воспитанниками советской системы, которая готовила качественные управленческие кадры. Они хорошо представляли себе, как именно функционирует сталинский СССР. Эту модель они и воспроизводили на корейской земле.

Советская военная администрация в Корее пользовалась определенной свободой действий и имела полную автономию в

кадровых вопросах. Хотя руководство в лице Жданова и самого Сталина внимательно отслеживало ситуацию в Корее, значительная часть решений принималась прямо на месте, в Пхеньяне (что нередко вызывало раздражение различных ведомств в Москве).

Чистяков попросил создать специальный орган для налаживания мирной жизни. Так в Корее появилась Советская гражданская администрация (СГА), которую возглавил генерал-полковник Алексей Романенко. Опытный управленец Романенко привез с собой несколько групп экспертов — специалистов по финансам, связи, сельскому хозяйству, здравоохранению, занявшихся организацией экономики и обслуживания населения.

Специалисты СГА в сотрудничестве с формировавшимися корейскими органами власти провели ряд важных преобразований. Двое экономистов из Ленинграда за пару месяцев составили план земельной реформы с конфискацией всех угодий, принадлежавших японцам и помещикам, и перераспределением их среди бедных слоев крестьян. Весной 1946 года она была успешно проведена.

Осенью того же года была национализирована средняя и крупная промышленность. При масштабной советской поддержке началось восстановление заводов и фабрик. Наконец, в 1947 году была проведена денежная реформа: введена национальная валюта — вона.

Среди советских администраторов были разные точки зрения о судьбе корейской промышленности. Работник Министерства иностранных дел С. Суздальцев в специальном докладе писал, что «…мощности военной и тяжелой промышленности Японии должны перейти к Красной Армии в качестве военного трофея, поскольку эти предприятия были созданы в интересах военного противостояния с Советским Союзом», а их приобретение «оплачено кровью многих солдат Красной Армии». Он полагал, что эти предприятия могут рассматриваться в качестве частичной репарации СССР за понесенные им великие жертвы, в том числе и те, что относятся к периоду японской агрессии на российский Дальний Восток (1918–1923)[10]. Как видно, к предложению Суздальцева не прислушались и передали промышленность в руки самих корейцев.

Впрочем, нельзя сказать, что советская помощь носила односторонний и безвозмездный характер. СССР добывал в Северной Корее уран, необходимый для главного сталинского проекта тех лет — создания атомной бомбы. А также экспортировал продукцию горнодобывающей, металлургической и химической промышленности.

Пока советская гражданская администрация отстраивала экономику, политикой занялись профессионалы — военные политработники. Ключевой фигурой среди них был Терентий Штыков.

Терентий Фомич Штыков (1907–1964) родился в крестьянской семье в Гомельской области. Подростком он приехал в Ленинград и устроился рабочим на завод, затем вступил в партию и окончил курсы политработников. Талантливого молодого человека заметили, и в 31 год он уже был вторым секретарем Ленинградского обкома ВКП(б). В его продвижении сыграл ключевую роль тогдашний партийный лидер Ленинграда Андрей Жданов. Впоследствии Жданов занял пост секретаря ЦК ВКП(б) по идеологии, стал одним из ключевых людей в советской властной иерархии и в этом качестве курировал корейский вопрос. Штыков поддерживал с ним самые тесные отношения вплоть до смерти Андрея Александровича.

Во время войны Штыков был членом Военного совета Ленинградского, Волховского, Карельского и Дальневосточного фронтов, где зарекомендовал себя с самой лучшей стороны. В 1945 году, в 38 лет, он уже был генерал-полковником — высший чин, до которого мог дослужиться политработник. До февраля 1946 года занимал пост спецпредставителя СССР на переговорах с американцами в Сеуле о будущем устройстве Кореи, а затем прибыл на Север и активно включился в процесс создания новой власти. Через него осуществлялась связь Пхеньяна с Москвой и непосредственно со Сталиным и Ждановым. После образования КНДР Штыков стал первым послом СССР в этой стране.

Кроме Штыкова и упомянутого выше военного советника Григория Меклера, активно действующими «корейскими политиками» были член Военного совета 25-й армии генерал-майор Николай Лебедев и полковник Александр Игнатьев. Последний занимался вопросами партийного строительства и был архитектором Трудовой партии Северной Кореи. Со Дэ Сук полагает, что именно он был той фигурой, которая сыграла ключевую роль в приходе Ким Ир Сена к власти.

Процесс оформления новой политической системы в Корее протекал в общих чертах так же, как в других странах, куда в 1945 году вошли советские солдаты. Считалось, что с ходу начинать строить коммунизм на освобожденных территориях не нужно. Социалистической революции должна предшествовать революция национально-освободительная, сплачивающая широкие слои общества. Были провозглашены основные демократические свободы, разрешено создание партий и общественных организаций.

Этим воспользовался Чо Ман Сик и основал Демократическую партию Кореи, которую сам и возглавил. Вскоре возникли еще две: Партия молодых друзей религии небесного пути («Чхондогё-Чхонудан») и Новая народная партия. Первая была основана адептами «Чхондогё», вторая — корейскими коммунистами, выходцами из Яньани, где долгое время располагалась ставка Мао Цзэдуна.

Развязка в отношениях упрямого и неуступчивого Чо Ман Сика с советской военной администрацией наступила очень быстро. В конце 1945 года Московское совещание министров иностранных дел СССР, США и Великобритании приняло решение установить протекторат союзных держав над Кореей сроком на пять лет. Авторами проекта и главными противниками быстрого создания независимого Корейского государства были американцы. СССР удалось смягчить документ, включив в него пункт о формировании Временного демократического корейского правительства и уменьшив срок опеки. Тем не менее Чо Ман Сик со своими соратниками выступил против протектората и в знак протеста подал в отставку со своих постов. После чего он был обвинен в связях с южнокорейскими реакционерами, а также — тайном сотрудничестве с японцами и арестован. (По некоторым данным, Чо был убит осенью 1950 года во время отступления северокорейской армии из Пхеньяна под натиском американцев.) Демократическую партию возглавил соратник Кима, бывший партизан, Чхве Ён Гон. Вместо Административного бюро пяти провинций был сформирован Временный народный комитет Северной Кореи, который возглавил Ким Ир Сен. Таким образом, Ким фактически встал у руля исполнительной власти.

Помимо демарша Чо Ман Сика самым заметным выступлением несогласных против нового режима стали события ноября 1945 года в городке Синыйчжу на самой границе с Китаем. Там начались антикоммунистические волнения, в которых участвовали местные христиане, националисты, студенты и школьники. В результате столкновений с силами безопасности погибли 23 человека. Ким лично приехал в город. Северокорейский автор повествует, как он выступил на митинге, где говорил о будущем Кореи. Участники беспорядков, выслушав речь, немедленно раскаялись. «Если почитаемый народом Полководец Ким Ир Сен — коммунист, то коммунизм — вещь стоящая», — решили они и разошлись по домам[11].

Архитекторы северокорейского режима, как уже было сказано, формировали сталинскую модель государства, хоть и с относительно мягким переходным периодом. Так что места не только для политической оппозиции, но и вообще для какого-

либо инакомыслия в ней не предусматривалось с самого начала. Характерно, что в политической программе из двадцати пунктов, принятой в марте 1946 года, говорилось о необходимости подавления «антидемократических и фашистских элементов» (то есть любых, не разделяющих генеральную линию руководства).

По советским лекалам создавались и спецслужбы, сразу ставшие важнейшим инструментом контроля над обществом. Отцом-основателем северокорейского политического сыска стал приехавший из СССР Пан Хак Се. В 1947 году он возглавил отдел политической охраны государства и оставался у руля «органов» всю жизнь, до самой смерти в 1992 году. «Корейский Берия» пользовался полным доверием Ким Ир Сена.

Свидетельство о порядках, царивших в создававшейся системе северокорейских лагерей, оставил в своей книге воспоминаний «Человек планеты, любящий мир» христианский проповедник, в будущем — основатель Церкви объединения, Мун Сон Мён. В 1948 году он получил пять лет тюрьмы за проповедническую деятельность и нарушения общественного порядка и отбывал наказание в лагере в Хыннаме. Он провел там два года и шесть месяцев и вышел на свободу во время Корейской войны, когда Хыннам заняли войска ООН.

Мун пишет о том, что ежедневный рацион заключенных состоял из миски риса и супа из листьев редьки, воды и соли. Работали они на расположенном неподалеку заводе удобрений, где грузили огромные, по 40 килограммов весом, мешки с сульфатом аммония. Через некоторое время от воздействия химикатов кожа людей приходила в ужасное состояние. 80 процентов зэков не выдерживали столь тяжелых условий и умирали в течение трех лет. С самого начала в лагерях немалое внимание уделялось идеологическому перевоспитанию. Узникам читали лекции о Ким Ир Сене и заставляли конспектировать их. Кроме того, они регулярно должны были выступать с докладами о вожде.

При этом масштабных репрессий в Северной Корее не было, поскольку не было ни серьезной оппозиции, ни массового сопротивления новым порядкам. Хотя посол Штыков и сообщал в Москву в 1949 году о том, что в КНДР «активизируются реакционные элементы», и даже приводил некую «Антикоммунистическую партию» и еще 15 подобных организаций, которые «разбрасывают листовки и иные печатные материалы в городах», в целом население на Севере восприняло коммунистическую власть лояльно.

Куда большую опасность представляли диверсанты с Юга. В феврале 1946 года из Сеула в Пхеньян отправилась специальная

группа, получившая задание ликвидировать Ким Ир Сена и других ключевых деятелей режима. Это должно было произойти на митинге в честь годовщины Первомартовского восстания.

Генерал Чистяков вспоминал: «Мимо трибуны, на которой стояли руководители Коммунистической партии Кореи, народных комитетов, представители советского командования, шел и шел народ. Около 11 часов вдруг из одной колонны, туда, где на трибуне стояли руководители Корейской коммунистической партии, полетела граната. Внизу около трибуны стояло несколько наших офицеров, и среди них младший лейтенант Я. М. Новиченко. Заметив летящую гранату, он прыгнул и поймал ее. Граната уже шипела, вот-вот взорвется. Что делать?! Бросить куда-либо гранату нельзя. Кругом народ…»[12]

За долю секунды Яков Новиченко принял решение: прижал гранату к себе и бросился на землю, накрыв ее своим телом. Раздался взрыв. Никто из стоявших на трибуне не пострадал. Окровавленного офицера увезли в больницу. Казалось, что шансов у него нет. Однако сибирскому крестьянину Новиченко повезло. Жизнь ему спасла прижатая ремнем к животу книга «Порт-Артур» в толстом кожаном переплете, изданная по личному указанию Сталина перед войной с Японией. Из его тела было извлечено множество осколков, кисть правой руки и глаз пришлось ампутировать.

Благодарить его в госпиталь приходила Ким Чен Сук, приносившая из дома корейские кушанья. Когда лейтенанта выписали из больницы и отправили домой, ему передали подарок — портсигар с надписью «Герою Новиченко от Председателя Ким Ир Сена». Своих наград у Северной Кореи тогда еще не существовало. Но Ким помнил о своем спасителе и через много лет исправил эту несправедливость.

Летом 1946 года Ким Ир Сен с тайным визитом приехал в Москву и встретился со Сталиным. Тот внимательно следил за процессом строительства новой власти в Корее и высказал свои замечания на этот счет. Сразу по возвращении в Пхеньян Ким объявил о формировании Единого демократического национального фронта, куда вошли все официально существовавшие партии и общественные организации. Еще через несколько дней коммунистическая партия слилась с Новой народной партией, образовав Трудовую партию Северной Кореи.

То же самое было и в Восточной Европе. Предназначением таких фронтов было объединить широкие общественные силы вокруг коммунистов. Следующим этапом было создание объединенной правящей партии. Такие партии были сформированы в 1948 году в Польше, Венгрии, Чехословакии,

Румынии и Болгарии. В Восточной Германии, 12 лет находившейся под контролем нацистов, и в Северной Корее, в течение 35 лет оккупированной японцами, развитой многопартийности не было. Поэтому процесс удалось провести в более сжатые сроки и завершить на два года раньше.

Учредительный съезд ТПСК прошел 28–30 августа 1946 года. Его почетным председателем был избран «великий маршал Сталин». Председателем обычным стал Ким Ду Бон, а вице-председателем — Ким Ир Сен. Тогда же была основана газета «Нодон синмун» («Рабочая газета»), корейский аналог советской «Правды» и поныне являющийся главным СМИ страны.

Осенью 1946 года были проведены выборы в уездные, волостные и провинциальные народные комитеты. В каждом округе выдвигался только один кандидат от Единого фронта (подобие советского «нерушимого блока коммунистов и беспартийных»). При этом избирателю была предоставлена возможность проголосовать против предложенного кандидата, для чего бюллетень нужно было бросить в отдельную урну черного цвета под бдительным взором членов избирательной комиссии.

Весной 1947 года на съезде народных комитетов было создано Верховное народное собрание (ВНС) как высший орган законодательной власти страны. Оно начало работу над конституцией, составленной по примеру советского основного закона. Уже готовый проект был послан в Москву на согласование и обсуждался на ближней даче Сталина при участии Жданова и Штыкова. В документ были внесены некоторые правки, и вскоре он был торжественно утвержден.

1948-й стал переломным в противостоянии на Корейском полуострове. Именно в этот год были созданы два сепаратных государства. 15 августа в Сеуле была основана Республика Корея (РК). Через десять дней по инициативе Пхеньяна прошли выборы в Верховное народное собрание. На Севере голосование было официальным и открытым, на Юге проводилось нелегально. 9 сентября 1948 года на первой сессии ВНС было провозглашено создание Корейской Народно-Демократической Республики. Название страны было предложено представителями советской военной администрации, автором гимна и герба республики стал Ким Ду Бон. Он же был избран председателем Верховного народного собрания. Главой Кабинета министров КНДР стал Ким Ир Сен.

К концу 1948 года советские войска покинули Корею. Они выполнили свою миссию и сдали новое государство «под ключ» Ким Ир Сену. СССР, а вслед за ним и другие страны соцлагеря

официально признали молодое северокорейское государство. Терентий Штыков сменил генеральский мундир на штатский костюм и стал первым послом Союза в КНДР. Со Дэ Сук выделяет три стадии «советизации» Кореи:

1. Искреннее сотрудничество (август 1945-го — январь 1946 года). Страной управляют советская военная администрация совместно с возникшими стихийно народными комитетами. Во главе исполнительной власти стоит националист Чо Ман Сик.

2. Фиктивная коалиция (февраль 1946-го — январь 1948 года). Руководит Северокорейский временный народный комитет, возглавляемый Ким Ир Сеном, где доминируют коммунисты, но присутствуют и другие политические силы.

3. Финальная стадия установления монолитного режима (февраль 1948-го — сентябрь 1948 года). Ким Ир Сен возглавляет Корейскую народную армию, а его товарищи-партизаны получают ключевые посты в силовых структурах[13].

Подобные выкладки, однако, вовсе не дают права вслед за некоторыми западными авторами называть Кима советской марионеткой. Недаром генерал-майор Н. Лебедев, покидая Пхеньян в конце 1948 года, писал в его характеристике: «По своему характеру смелый и решительный. Умеет приблизить к себе людей, сколотить их вокруг себя и воодушевить их на выполнение задач. К врагам беспощаден. Самолюбив и самоуверен»[14].

Ким постепенно все больше входил во вкус руководящей работы. Больше всего внимания бывший партизан уделял созданию армии, стараясь расставить на ключевые посты верных себе людей.

Первые воинские части на Севере появились еще в 1945 году. Поскольку мирные соглашения не позволяли создать регулярную армию, они формировались под видом полицейских сил и железнодорожной охраны под чутким контролем советских специалистов.

На протяжении первого года после освобождения были призваны приблизительно 40 тысяч человек. Любопытно, что боевое крещение многие из них получили за пределами Кореи, в ходе гражданской войны в Китае. Корейцы, сражавшиеся на стороне китайских коммунистов в 1946–1949 годах, образовали Союз имени Ю Хон Гвана (назван в честь корейского политкомиссара, подчиненного партизанского командира Ян Цзиньюя). Северокорейские авторы подчеркивают, что Ким активно помогал армии председателя Мао, отправив на боевые операции по освобождению Маньчжурии «лучшие кадры КНР и 250 тысяч корейских юношей и девушек». В ответ китайские

товарищи якобы благодарили его и говорили, что «китайский красный флаг с пятью звездами пропитан алой кровью корейских коммунистов»[15].

В начале 1948 года было официально объявлено о создании Корейской народной армии (КНА). Кадры для нее были подготовлены в советских военных училищах. КНА возглавил лично Ким Ир Сен. Во главе Генерального штаба встал бывший партизан Кан Гон.

Любимым детищем Кима стало Мангёндэсское военное училище для детей-сирот из семей погибших партизан и подпольщиков. В это элитное учебное заведение, созданное по образцу Суворовских и Нахимовских училищ, он не раз приезжал вместе с делегациями из других стран.

«— Однажды вождь вместе с иностранным гостем посетил революционное училище в Мангёндэ, — сказано в рассказе «Новогодний праздник среди детей павших революционеров». — Малыши из младших классов облепили его.

— Вы не мочитесь в постели? — спросил их вождь.

Один из ребят, указывая на своего соседа, ответил: "Он еще вчера ночью мочился в постели". Тот покраснел, как маков цвет, но поднял голову, когда вождь сказал, что такое возможно.

Тут один мальчик, выдвинувшись вперед, гордо заявил: "Я не мочусь". За ним следовал второй, третий. Вождь все улыбался, нежным взором глядя на милых детей.

Иностранный гость удивился, глядя на вождя, который забывает о времени, когда находится с детьми, не вспоминая о всех других делах. Тогда вождь сказал ему:

— Отцы этих детей боролись вместе с нами. У них нет отцов, но они не сироты. Они дети павших революционеров. Поэтому это училище в корне отличается от детского дома в любой зарубежной стране»[16].

Возвеличивание Ким Ир Сена началось уже во второй половине 1940-х. Культ вождя имел одновременно советские и корейские корни. С одной стороны, советская военная администрация, выдвигая Кима на роль лидера, пропагандировала его образ по сталинским лекалам. Появились портреты на демонстрациях, хвалебные статьи в газетах, книги, картины, скульптуры и даже танцы, воспевающие лидера новой Кореи. Вся страна разучивала песню о полководце Ким Ир Сене:

Чанбэксан и Амноккан
Видали в бою,
Как была здесь пролита кровь
За Отчизну свою.

Там, где ходили смело
В боевой поход,
Свободная Корея,
Словно сад, цветет.
Полководца имя будет всегда
В сердцах у людей,
Ким Ир Сена имя будет в веках
Сиять все светлей!

С другой стороны, Ким входил в традиционный для Кореи образ правителя — отца нации, неустанно разъясняющего, как надо жить и работать, вплоть до самых интимных сфер жизни. Выступая перед активом города Канге с речью «Что нам делать и как работать в этом году?», он поучал партийцев и проповедовал личную скромность в быту:

«Надо покончить с безрассудными тратами в личной жизни. Впредь в учреждениях и организациях нужно прекратить также частные банкеты, решительно отказаться от привычки то и дело устраивать пиры на дому, и, в частности, чрезмерно расходовать средства на различные обряды по случаю рождения, бракосочетания, похорон, поминок… Среди корейцев все еще не изжиты привычки — не зная, делать вид, что знают, и, не имея, делать вид, что имеют, а это большой недостаток. Ходить в одежде из хлопчатобумажной ткани и в лаптях в нынешних условиях не возбраняется. Однако даже ученики начальных школ думают, что нельзя ходить в школу, когда у них нет европейского платья и резиновой обуви. Кроме того, везде много кабаков, которые следовало бы привести в порядок»[17].

В рассказах о первых годах руководства страной Ким неустанно окружает людей теплом и заботой. Произведение «Путь к жизни обездоленным людям» повествует, как к нему явилась делегация «кисэн» (проституток) выразить протест против ликвидации их профессии в новой, социалистической Корее.

«— Полководец Ким Ир Сен, с завтрашнего дня нам нечем будет питаться. Как нам заработать на пропитание? — спрашивали кисэны.

— Для вас открыта дорога к счастливой жизни, — отвечал он. — Кто хорошо поет — может стать певицей в ансамбле, кто танцует, может учиться танцевать в хореографической труппе, а кто желает завести семью — может стать домохозяйкой»[18].

Ну а эпизод «Необыкновенная просьба семидесятилетнего старика» рассказывает о лидере «одной из зарубежных

демократических партий», приехавшем в Пхеньян в 1946 году. Этот семидесятилетний «демократ» попросил немного дикого женьшеня, или оленьих пантов, или подобных тому тонизирующих лекарств, поскольку он недавно взял в жены молодую женщину. Ким сообщил, что обязательно поможет, чтобы молодая жена больше не унижала почтенного старца, и выделил ему нужные лекарства. Вскоре у того родился ребенок.

Однако на заре существования КНДР Ким Ир Сен еще не обладал всей полнотой власти, не был вождем в полном смысле этого слова. В партии существовало коллективное руководство, подобно СССР середины 1920-х годов. В своих действиях он был существенно ограничен группировками, возникшими в партийной верхушке. Фракционизм как злой рок корейской политики вновь давал о себе знать. Историки выделяют четыре фракции в северокорейском руководстве.

Партизанская фракция возглавлялась Ким Ир Сеном и состояла из его товарищей по боям и походам в Северо-Восточном Китае, а также — сослуживцев по 88-й бригаде. Большинство партизан были выходцами из бедных семей Кореи и Маньчжурии. Они в молодости ушли биться с японцами с оружием в руках и не получили какого-либо образования. Исключением можно считать подготовку, пройденную некоторыми из них в СССР, в лагерях на Дальнем Востоке. Члены других фракций частенько посмеивались над «малограмотными деревенскими парнями» (за что им вскоре пришлось поплатиться).

Это была небольшая, но тесно сплоченная вокруг своего командира фракция. Ее основными деятелями были Ким Чак, Чхве Ен Ген, Ким Ир, Кан Гон и другие. Внутри Партизанской фракции выделяют еще Капсанскую группу — тех, кто непосредственно не воевал, а занимался снабжением, разведкой и пропагандистской работой среди населения. Наиболее заметной фигурой в ней был Пак Кым Чхоль.

Местная фракция состояла из коммунистов-подпольщиков, находившихся до 1945 года в Корее. Ее главой был перебравшийся на Север лидер компартии Южной Кореи Пак Хон Ён.

Пак Хон Ён (1900–1955) родился в крестьянской семье на юге страны. В молодости увлекся левыми идеями, а с 1920 года стал членом компартии, после чего сразу же угодил за решетку. В общей сложности за годы подпольной деятельности он отсидел 11 лет.

В конце 1920-х годов Пак перебрался в СССР, где советская власть отправила его в Крым восстанавливать здоровье после японских застенков. Затем он окончил Ленинские курсы, вступил

в ВКП(б) и стал видным функционером Коминтерна.

В 1930—1940-х годах он продолжал подпольную деятельность в Корее, а сразу после войны в Сеуле восстановил корейскую компартию. После усиления репрессий в 1948 году ушел на Север, где стал фактически вторым человеком в партийной и государственной иерархии.

В характеристике на Пака, составленной генерал-майором Лебедевым, говорится, что он «теоретически подготовлен хорошо, один из наиболее подготовленных марксистов в Корее… Хорошо ориентируется во внутриполитической обстановке Кореи и разбирается в международных отношениях. По характеру мягкий, в быту скромен»[19].

Последний пункт, впрочем, вызывает вопросы. Пака недаром прозвали Корейским Троцким. Он был человеком с огромными амбициями и чувствовал себя уязвленным, вынужденно довольствуясь вторыми ролями.

Коммунистическое движение исторически было более развито на Юге Кореи, особенно в столице — Сеуле. Там было немало известных борцов-подпольщиков, многие из которых прошли через японские тюрьмы. В большинстве своем это были интеллигенты, получившие хорошее образование. С определенными оговорками их можно сравнить с большевиками-ленинцами, верхушкой дореволюционной РСДРП. Помимо Пака среди видных участников группировки можно упомянуть Ли Сын Ёпа.

Корейцы — выходцы из СССР, вернувшиеся на родину, составляли советскую фракцию. В большинстве своем это были специалисты, военные, переводчики, призванные в армию по оргнабору в 1945 году и отправленные в Корею для помощи в налаживании мирной жизни. В Пхеньяне они быстро стали играть заметные роли, особенно неформальный глава этой группы Алексей Иванович Хегай, или Хо Га И.

Хо Га И (1908–1953) родился на российском Дальнем Востоке, где в начале XX века проживала большая корейская диаспора. Он рано осиротел и быстро повзрослел, уже в 1924 году вступив в комсомол (как и многие корейцы, сочувствовавшие советской власти). Хо быстро сделал карьеру в ВЛКСМ, а затем и в партии. К 1937 году, в неполные 30 лет, он был вторым секретарем Посьетского райкома ВКП(б) (район Приморского края, примыкающий к границе с Кореей). Во время чисток потерял свой пост в партии и вместе с другими корейцами был принудительно переселен в Среднюю Азию. Однако уже в 1939 году он был реабилитирован и продолжал партийную и хозяйственную работу в Узбекистане.

В Корею Хо попал осенью 1945 года, призванный в качестве военного переводчика в штаб 25-й армии. Однако его административный опыт и огромная нехватка квалифицированных кадров позволили и тут (в третий раз!) сделать отличную карьеру. Он перешел на партийную работу, став одним из создателей Коммунистической партии Северной Кореи, а потом — и Трудовой партии Северной Кореи. В 1949 году он занял пост первого секретаря ЦК ТПСК. В его ведении находились документооборот, кадровая работа, подготовка партийных мероприятий, с чем он весьма неплохо справлялся, получив почетную кличку Профессор партийных дел.

Другими видными деятелями советской фракции были член ЦК ТПСК Пак Чжон Э (Пак Ден Ай), генерал Нам Ир, член политбюро ТПСК Пак Чхан Ок. Члены фракции, пользовавшиеся расположением СССР, находились в привилегированном положении и часто относились свысока к обычным корейцам, что им дорого стоило в будущем.

Четвертая — Яньаньская фракция — сформировалась из корейцев, находившихся в 1930-е — начале 1940-х годов при ставке Мао Цзэдуна в Яньани. Там с 1942 года существовала Лига независимости Кореи, которую возглавлял ученый Ким Ду Бон.

Ким Ду Бон (1889–1958 или 1961). Активный участник национально-освободительного движения, после Первомартовского восстания переехал в Китай. Увлекаясь коммунистическими идеями, он при этом поддерживал тесные отношения и с Шанхайским правительством. С 1942 года находился в Яньани при ставке Мао, где создал Лигу независимости Кореи.

Ким Ду Бон был крупнейшим ученым-лингвистом своего времени. Корейской знатью в течение столетий в качестве официального языка использовался китайский. В 1930-е годы, после применения методов современной лингвистической науки, корейский язык начал активно развиваться, и Ким Ду Бон был главной фигурой в этом процессе.

После освобождения страны он вернулся в Пхеньян, где возглавил Новую народную партию. После ее слияния с компартией возглавил Трудовую партию Северной Кореи. С осени 1948 года — председатель президиума Верховного народного собрания КНДР. Занимая самые высокие посты в партии и в государстве, в политике Ким Ду Бон, играл, тем не менее, скорее номинальную роль.

Яньаньцы, вернувшиеся в конце 1945-го — начале 1946 года в Корею, были весьма сплоченной и влиятельной группой. Реальным ее политическим лидером был Чхве Чхан Ик. Кроме того, известной фигурой среди них был генерал Ким Му Чжон. В

Яньани он командовал Корейской добровольческой армией.

Борьба Ким Ир Сена с фракционерами была ключевым процессом в политической жизни КНДР 1940—1950-х годов и очень напоминала аналогичные события в СССР 1920— 1930-х. Ким, как и Сталин, выбрал тактику постепенного удушения своих конкурентов. Он вычищал из партии (а часто — и из жизни) нелояльных ему членов партийной верхушки по одному, пользуясь их взаимным соперничеством и натравливая друг на друга. Он был хорошим учеником кремлевского горца.

А. Ланьков считает, что фракции были замкнутыми группами влияния и Ким Ир Сен опирался исключительно на своих партизан. Однако автору представляется, что главным для него был принцип личной преданности, а принадлежность к той или иной фракции играла вторичную роль. Поэтому, например, уцелели и до смерти занимали высокие посты в органах власти советские корейцы Нам Ир и Пан Хак Се, спокойно жил в Пхеньяне выходец с Юга политик и писатель Хон Мён Хи. А вот бывший партизан Пак Кым Чхоль исчез с политической сцены в ходе чистки 1966 года.

Сразу после освобождения страны советская военная администрация, прекрасно осознававшая опасность фракционной борьбы в корейском руководстве, по возможности пресекала ее. Работник политуправления 25-й армии В. В. Ковыженко написал письмо в ЦК ВКП(б) по этому поводу. По его мнению, интриги между фракциями достигали огромного размаха. В основе всех этих недоразумений он видел не какие-либо принципиальные расхождения по важнейшим политическим вопросам, а борьбу за руководящие посты, «при общей склонности корейских деятелей к групповщине и всевозможным взаимным интригам, что усугубляется недостатком опыта и политической зрелости»[20].

Ким Ир Сен в то время небезосновательно считал основной угрозой для себя местную фракцию и Пак Хон Ёна. Когда один из советских консультантов написал под корейским псевдонимом статью «Пак Хон Ён — великий патриот корейского народа», ее отказались печатать, ссылаясь на то, что она может вызвать недовольство Кима. Статью таки напечатали после нажима советской военной администрации, однако название сменили на более нейтральное — «Пак Хон Ён — один из видных деятелей Кореи». Как видим, советская военная администрация уже тогда вынуждена была считаться с мнением Кима.

Партийцы из местной фракции вставляли Киму палки в колеса, препятствуя образованию независимой от Сеула партийной структуры. В ответ на II съезде ТПСК он обрушился на ее представителей О Ги Соба, Тен Даль Хона и Чхве Ён Дара:

«Фракционеры стремятся перетянуть на свою сторону родственников, однокашников и земляков, тех, кто в прошлом участвовал в их группировке или вместе находился в тюрьме, приглашают их к себе домой, угощают водкой и судачат. Все это опасные фракционные приемы.

О Ги Соб, видимо, решил создать маленькую группировку, раз нет возможности организовать большую. При переходе из Департамента пропаганды в Департамент труда он потащил за собой массу людей, которым он верил. Это ничем не отличается от того, что делали У Пэйфу, Чжан Цзолинь, Хань Фуцюй и другие представители китайской военщины. Сколько ни занимайся подобной коварной игрой, партия видит все насквозь, словно в волшебное зеркало, отражающее чертей.

Все вышеуказанные тенденции, можно сказать, исходят из личного карьеризма. В основе фракционизма лежит порочный дух личного карьеризма. Это антипартийный дух тех, кто вместо того, чтобы поистине любить Родину и нацию и посвящать всего себя борьбе во имя партии и революции, заботится лишь о себе и стремится выдвинуть на первый план свою личность»[21].

Летом 1949 года Трудовые партии Севера и Юга слились в единую Трудовую партию Кореи. Ким стал ее председателем. Но ситуация приняла угрожающий для него оборот. Множество коммунистов перебрались с Юга на Север, и местная фракция стала пользоваться очень серьезным влиянием. Ее члены ориентировались на Пак Хон Ёна, который стал вице-председателем ТПСК, и рассчитывали со временем отодвинуть Кима от управления страной.

В довершение к сильному напряжению от внутрипартийной борьбы Ким пережил еще и две личные трагедии. В 1947 году нелепо погиб маленький Пон Ир: утонул, купаясь в пруду во дворе дома. А через два года в возрасте всего лишь 31 года умерла Ким Чен Сук. (По некоторым данным, причиной стала внематочная беременность.) Незадолго до смерти, уже в Пхеньяне, она родила третьего ребенка, дочку Ген Хи.

Ким замкнулся в себе и мучительно переживал смерть любимой жены. «Я и сейчас постоянно вспоминаю Чен Сук, — напишет он через 40 с лишним лет. — Хотя она несколько лет ходила в национальной одежде, почему-то она вспоминается не в ней, а больше в военной форме. И чаще всего вспоминается тот образ, когда она пришла ко мне вся посиневшая от холода после того, как высушила мою одежду на своем теле. И когда перед моим мысленным взором встает тот образ, я и сейчас чувствую острую боль в сердце»[22].

Если на Севере политическая борьба носила в основном

подковерный характер, то на Юге она протекала настолько открыто и бурно, что едва не вылилась в гражданскую войну. Американцы высадились в Южной Корее лишь 8 сентября 1945 года, три недели спустя после капитуляции японцев. Причем солдаты отправлялись туда с большой неохотой. Армейский анекдот гласил, что у военнослужащего США три напасти — диарея, гонорея и Корея.

Возглавил американские войска на Юге генерал Джон Ходж, который был неплохим военным, но никудышным администратором и абсолютно не разбирался в корейских реалиях. Как-то он обронил фразу, что, мол, все эти япошки и корейцы «сделаны из одного теста — котов»[23]. Слово *cat* может означать «проститутка», и генерал имел в виду именно это. Ходж не доверял никому из корейцев, подозревая их либо в прояпонских, либо в коммунистических симпатиях.

Первым делом американская военная администрация запретила созданные на местах снизу народные комитеты. А 16 сентября на самолете из США в Сеул прибыл человек, которого они выдвинули в лидеры Юга.

Ли Сын Ман (1875–1965). Выходец из знатной семьи, Ли в еще юном возрасте принял участие в национально-освободительном движении, за что был брошен в тюрьму на несколько лет. В начале XX века он эмигрировал в США, где провел большую часть жизни и получил образование, став доктором философии. С начала оккупации Японией Кореи он вновь начинает принимать участие в национально-освободительном движении. С 1919 по 1925 год он занимает пост главы эмигрантского Шанхайского временного правительства. Деятельность Ли в этот период заключалась в основном в попытках добиться от великих держав, и прежде всего США, признания за Кореей права на независимость.

Ли был христианским активистом, поклонником англо-саксонской модели развития государства и яростным антикоммунистом. Последний факт в сочетании с высоким статусом в национально-освободительном движении и предопределил то, что американская администрация сделала ставку именно на него. По характеру семидесятилетний политик отличался крайним упрямством, тщеславием и авторитарностью. Себя считал мессией, призванным спасти Корею и освободить ее от бациллы коммунизма.

С самого начала Ли Сын Ман не скрывал своего желания видеть на Юге сепаратное корейское государство. Такой взгляд отнюдь не разделяли большинство корейцев. К тому же на Юге были традиционно сильны левые силы, оказавшие ожесточенное

сопротивление новому режиму. Забастовки, народные бунты, политические убийства и репрессии постоянно сотрясали страну. Особенно мощная волна недовольства поднялась в 1948 году, после принятия ООН с подачи американцев решения о проведении сепаратных выборов на Юге. Повсюду прошли массовые демонстрации протеста. А на острове Чечжу вспыхнуло народное восстание, которое власти не могли подавить в течение двух лет.

Против сепаратных выборов и образования отдельного государства на Юге сложилась разношерстная лево-правая коалиция. Ее лидеры весной 1948 года отправились в Пхеньян, где по инициативе Ким Ир Сена была созвана конференция политических сил Севера и Юга. В ней приняли участие и такие известные правые политики Юга, как Ким По Сик и Ким Гу. Они были с помпой приняты Ким Ир Сеном, который устроил в их честь парад. Правда, Ким Гу не понравилось, что демонстранты несут большой портрет Сталина и кричат: «Да здравствует товарищ Сталин и СССР!»

Встреча продолжилась неформальным общением во время пикника на острове Сук в черте Пхеньяна, где Ким угощал гостей филе из пеленгаса и удивил их своим умением отлично плавать. Северокорейские авторы утверждают, что старый антикоммунист Ким Гу был настолько очарован им и успехами в строительстве новой жизни на Севере, что решил подарить ему свою главную реликвию — печать корейского правительства в изгнании.

Совещание единогласно потребовало вывода советских и американских оккупационных войск, предотвращения гражданской войны, создания правительства Кореи из корейцев, а также заявило о непризнании предстоящих сепаратных выборов. А Ким Гу в итоге за свою независимую позицию и контакты с Севером поплатился жизнью: он был убит наемным киллером в Сеуле в 1949 году.

Но, несмотря на все протесты, выборы в Конституционное собрание состоялись. 15 августа 1948 года, ровно через три года после капитуляции японцев, на своей первой сессии оно провозгласило создание Республики Корея. Первым ее президентом стал Ли Сын Ман. Вскоре американские войска покинули Корейский полуостров.

Сравнивая ситуацию на Севере и на Юге к этому времени, можно сделать вывод, что советская военная администрация действовала куда более эффективно, чем аналогичные структуры в американской зоне контроля. На Севере за три года была создана и отлажена работающая система управления, созданы боеспособные вооруженные силы, проведены важные реформы,

что способствовало более быстрому развитию экономики. Кроме того, советские военные в отличие от их американских коллег не стали разгонять стихийно возникшие Народные комитеты, а интегрировали их в систему новой власти. Как следствие — и сопротивление новой власти на Севере не было массовым, в отличие от ситуации на Юге.

Вопрос о том, кто больше виновен в расколе страны, не так однозначен. С начала 1946 года все заинтересованные участники — СССР, США и сами власти Севера и Юга — понимали, что дело идет к расколу. Тем не менее все старались выставить себя максимальными поборниками единства Кореи. Оба корейских режима распространяли свою легитимность на всю территорию страны и вели тонкую игру в вопросе объединения нации.

Ким Ир Сен уже с 1945 года употреблял в отношении Северной Кореи фразу «мощная демократическая база для строительства объединенного государства»[24]. В 1946 году в Пхеньяне даже был разработан план земельной реформы для Юга, а по конституции КНДР столицей страны значился Сеул. В конституции Республики Корея также было записано, что в ее состав входит вся территория Корейского полуострова.

Тем не менее вина США и южнокорейского руководства представляется более значительной. Именно американцы изначально настаивали на разделении страны и введении длительной опеки. Сепаратное государство вначале было создано на Юге по итогам прошедших там выборов и лишь затем на Севере по итогам выборов, прошедших на всем полуострове (хотя на Юге они и были неофициальными).

Глава шестая
ДОРОГОЙ ПОЛКОВОДЕЦ

Ночь на 25 июня 1950 года Ким Ир Сен провел в своем кабинете, не сомкнув глаз. Внешне он держался спокойно, но нервы его были натянуты как струна. Напряжение последних месяцев достигло своего апогея. Сидя за столом, он вновь и вновь рисовал на листке карту Кореи, чертя стрелочки танковых ударов, загонявших в горы и сбрасывавших в море армию Ли Сын Мана. Вот самая большая толстая стрелка потянулась к Сеулу, от него поменьше — к Тэгу, к Пусану… Вдруг красный карандаш, на который Ким, сам того не замечая, надавливал с удвоенной силой, сломался в его руках.

За окном зашумела вода. Начинался сезон дождей. Ким Ир Сен вспомнил, как точно такой же июньской дождливой ночью десять лет назад сидел в палатке с фонариком над картой и ломал голову, как обмануть отряды карателей и выйти из окружения. Война не окончена, пока Корея не стала единой. Если тогда его партизаны вели бои с таким мощным противником, как японцы, то теперь, располагая серьезной регулярной армией, на своей земле, разве не сможет он разгромить войска жалких сеульских марионеток? Они рассыплются в прах под атаками колонн КНА. Стоит лишь посильнее ударить. Точка в войне за освобождение родины будет поставлена только тогда, когда режим на Юге падет и над всей раскинувшейся на три тысячи ли родной землей взовьется красно-синий флаг КНДР.

Рассвет был мутным, дождь сливался с постепенно рассеивающимся туманом. Шаги в коридоре, стук в дверь. В кабинет зашел министр обороны Чхве Ён Гон. Пятидесятилетний подтянутый генерал отдал честь и отчеканил: «Дорогой Полководец! Докладываю. Войска на исходное положение вышли к 24 часам 25 июня. После интенсивной артподготовки поднялись и дружно пошли в атаку в 5.00 утра. В первые часы им удалось продвинуться на несколько километров. Противник, обороняясь, отступает на всех направлениях».

Ким облегченно вздохнул и вытер пот со лба. Теперь скорей вперед, вперед, на Сеул…

Корейская война более полувека остается одной из самых обсуждаемых тем в мировой историографии. Вопросы о том, кто и в какой степени несет ответственность за ее развязывание, как оценивать ход боевых действий и их результаты и даже кого считать проигравшими и победителями, по-прежнему являются

дискуссионными. При этом с самого начала война воспринималась как конфликт коммунистического и свободного (в терминах американских историков) или империалистического (в советской литературе) лагерей. Роль самих корейских государств и их лидеров в такой постановке вопроса отходит на второй план. И совершенно напрасно. И Ким Ир Сен, и Ли Сын Ман отнюдь не были слепыми исполнителями воли Москвы и Вашингтона, а играли в событиях собственную активную роль. Корейская война в своей основе была гражданской, хотя в условиях конфронтации между двумя лагерями она и разрослась до участия девятнадцати государств и едва не перетекла в третью мировую.

Желания объединить страну силой под своей властью не скрывали как в Пхеньяне, так и в Сеуле. Особенно горячим сторонником такого решения вопроса был Ли Сын Ман. Причем свои взгляды он не стеснялся высказывать публично. Он воспринимал грядущую войну как своего рода крестовый поход против красных и всячески старался склонить на свою сторону американцев. Еще летом 1949 года он писал своему советнику Роберту Оливеру: «Корейский народ страстно желает военного похода на Север… Мы оттесним часть людей Ким Ир Сена в горный район и там заморим их голодом, тогда наша линия обороны должна быть создана по рекам Тумынь и Ялу»[1].

В интервью «Юнайтед пресс» в октябре 1949 года Ли разъяснил мировому сообществу, в чем должна заключаться роль ООН в Корее: «Мы возражаем против каких бы то ни было переговоров с руководителями Коммунистической партии Северной Кореи, так как мы боремся с Коммунистической партией за демократию. Задача ООН заключается в оказании помощи демократическому правительству в борьбе с коммунистами».

«В Северной Корее необходимо уничтожить режим, созданный при поддержке и помощи Советского Союза, созданные там вооруженные силы, и провести на Севере Кореи всеобщие выборы», — вторил своему шефу премьер РК Ли Бом Сок.

Некоторые представители южнокорейской элиты мыслили более глобально. Так, в 1948 году советник Ли Сын Мана по иностранным делам Юн Пен Гу представил шефу план войны с участием совместно войск США, Японии, Южной Кореи и гоминьдановского Китая. Согласно этому документу, наступление должно было развиваться по трем основным направлениям: южнокорейцы с американцами «освобождают» Северную Корею и Маньчжурию, Гоминьдан восстанавливает свою власть в континентальном Китае, ну а японцы двигаются на северо-восток

и получают в свое владение советское Приморье с Владивостоком.

За полтора месяца до начала войны генерал Ким Сок Вон объявлял, что освобождение Севера не за горами и он скоро будет «завтракать в Хэджу, обедать в Пхеньяне, а ужинать в Вонсане». Любопытно, что Ким-южный был старым врагом Кима-северного. В 1930-е годы в Маньчжурии он возглавлял специальное подразделение по борьбе с партизанами и сталкивался с отрядом Ким Ир Сена. Его деятельность была отмечена орденом «За храбрость», полученным лично из рук императора Хирохито. А теперь Ким Сок Вон был одним из командующих войсками на 38-й параллели, где его бойцы постоянно отличались в стычках с северянами.

В 1949-м — первой половине 1950 года столкновения между армиями Севера и Юга на границе достигли такой силы, что ряд исследователей (например, американец Брюс Каммингс) считают этот период начальным этапом войны. За это время в районе 38-й параллели произошло 1800 вооруженных конфликтов, то есть в среднем — по два-три в день. Имели место и крупные бои с применением артиллерии. Зоной особенно ожесточенного противостояния стали район города Кэсон и полуостров Ончжин на западном побережье Кореи. Инициатором в большинстве случаев выступала южнокорейская сторона. Американский историк У. Стьюк полагает, что, идя на обострение на границе, Ли Сын Ман хотел повлиять на власти США. Однако в Вашингтоне в конце концов стали задаваться вопросом: не являются ли просьбы об увеличении поставок оружия просто уловкой со стороны Ли и не готовит ли он на самом деле поход на Север?[2]

К планам своего протеже американцы относились по-разному. У многих в Белом доме он вызывал раздражение своим упрямством и неуправляемостью, а также — опасения, что он может спровоцировать конфликт, а затем и большую войну, в которую будут втянуты США. С другой стороны, армейские «ястребы» имели свою точку зрения. «План похода — дело решенное. Хотя нападение начнем мы, все же надо создать предлог, чтобы иметь справедливую причину», — говорил в начале 1950 года глава военных советников США в Южной Корее генерал Робертс[3].

На Севере Ли Сын Ману готовили симметричный ответ. Ким Ир Сен страстно хотел объединить Корею под своей властью. Перед его глазами были примеры победителей, на которых стоило равняться — Сталин и особенно Мао. Председатель китайской компартии уверенно вел свои войска к победе в длившейся почти 20 лет гражданской войне. Дни армии Чан

Кайши были сочтены. Америка не посмела прямо вмешаться в гражданскую войну между китайцами. Так с чего ей вмешиваться в войну между корейцами? Ким верил: в случае необходимости Сталин и Мао помогут, не оставят КНДР в беде. И настойчиво убеждал «старших братьев», что пришло время действовать.

Весной 1949 года Ким Ир Сен с правительственной делегацией приехал в Москву и на встрече со Сталиным сообщил, что корейские коммунисты «настроены провести объединение военным путем». Одновременно он просил советское руководство оказать экономическую, финансовую и военную помощь КНДР и содействие в подготовке специалистов. А его представитель — начальник политуправления армии Ким Ир Сен — отправился в Пекин для консультаций с Мао, где также просил об оказании помощи офицерскими кадрами и оружием.

Мао в принципе благожелательно воспринял планы корейских товарищей и обещал помочь. Однако, учитывая, что в самом Китае еще шла гражданская война, предлагал начать наступление не ранее начала 1950 года. Сталин же и вовсе отнесся к этой идее скептически, посоветовав лишь накапливать силы.

Несмотря на отказ, Ким Ир Сен продолжал ставить вопрос о наступлении на Юг, передавая в Москву соответствующие сообщения через посла Штыкова. Но было бы неверно считать Кима главным «милитаристом» в верхушке КНДР. Он представлял консолидированную позицию партийного руководства, а в ЦК ТПСК пацифистов не было.

Самым яростным сторонником войны был Пак Хон Ён. Он был уверен, что едва северокорейские танки войдут в Сеул, его люди поднимут массовое восстание по всей стране и режим Ли Сын Мана падет сам собой. В этом бывший лидер коммунистов Юга убедил и Кима, и в конечном итоге — Москву и Пекин. Настаивать на скором начале войны Пак мог еще и потому, что в случае успешного объединения страны и вливания в партию коммунистов Юга его позиции бы резко усилились. Возможно, он мог бы и реально поспорить с Кимом за лидерство.

В конце лета Сталин дал указание изучить ситуацию в Корее, сопоставить силы и возможности Севера и Юга и представить ему докладную записку по данному вопросу. Эта записка обсуждалась на сентябрьском заседании ЦК ВКП(б). В директиве, ушедшей в Пхеньян, Штыкову поручалось встретиться с Кимом и сообщить ему, что ни с военной, ни с политической точки зрения наступление на Юг не подготовлено. Кроме того, в документе проницательно говорилось, что если военные действия начнутся со стороны Севера и примут затяжной характер, то это может дать

американцам повод ко всякого рода вмешательствам в корейские дела. В завершение северокорейскому руководству предлагалось сосредоточиться на помощи партизанскому движению на Юге и укреплении армии. «Ким Ир Сен не ожидал такой реакции. Он выглядел обиженным», — отмечал Штыков.

Однако у обиженного северокорейского лидера был не тот характер, чтобы успокоиться. Ким Ир Сен упорно стоял на своем. В январе 1950 года он появился на приеме по случаю отъезда из Пхеньяна китайского представителя. Проводить коллегу пришел и советский посол. Крепко выпив на фуршете, Ким подошел к Штыкову и откровенно заговорил с ним: «Терентий Фомич! Теперь, когда освобождение Китая завершается, на очереди освобождение Кореи. Партизаны не решат дела. Я не сплю ночами, думая о воссоединении… Мао сказал, что наступать на Юг не надо. Но если Ли Сын Ман будет наступать, тогда надо переходить в контрнаступление. Но он не наступает… Мне нужно побывать у товарища Сталина и спросить разрешения на наступление для освобождения Южной Кореи. Мао обещал помощь, и я с ним встречусь. Мне нужно сделать личный доклад товарищу Сталину…»

Весь апрель 1950 года Ким с Пак Хон Ёном провел в Москве и, наконец, получил «добро» от Сталина. 14 мая он телеграфировал Мао: «Тов. Мао Цзэдун! В беседе с корейскими товарищами Филиппов и его друзья высказали мнение, что в силу изменившейся международной обстановки они согласны с предложением корейцев приступить к объединению. При этом было оговорено, что вопрос должен быть решен китайскими и корейскими товарищами совместно, а в случае несогласия китайских товарищей решение вопроса должно быть отложено до нового обсуждения. Подробности беседы вам могут рассказать китайские товарищи. Филиппов»[4].

Что же заставило Иосифа Виссарионовича, осторожно подписывавшего свои письма Мао и Киму псевдонимами Фын Си (Западный ветер), Филиппов и Чань Фу, поменять свое мнение? Международная обстановка действительно изменилась. СССР провел успешное испытание ядерной бомбы. В Китае закончилась гражданская война и была провозглашена Народная республика. (Стоит отметить осторожный тон письма: окончательное решение вопроса Сталин оставлял именно за китайцами.) Таким образом, позиции социалистических стран существенно укрепились.

С другой стороны, госсекретарь США Дин Ачесон выступил с программной речью в Национальном клубе прессы, из которой следовало, что Корея не входит в состав оборонительного периметра США на Дальнем Востоке. А значит, Штаты, возможно,

не вмешаются в войну на полуострове — сделали вывод в соцлагере.

К. Асмолов приводит еще один важный аргумент: Ким Ир Сен и особенно Пак Хон Ён убедили Сталина, что революционная ситуация на Юге уже сложилась. А СССР, который был идеократическим государством, не мог не помочь делу революции[5].

Действительно, не стоит сбрасывать со счетов принцип интернациональной солидарности между социалистическими странами. СССР был лидером коммунистического мира. Сталин мог сомневаться и затягивать процесс, мог перекладывать часть ответственности на плечи другой страны (что он в итоге и сделал), но не мог в принципе отказать КНДР в попытке принести социализм на штыках на Юг Корейского полуострова. Тем более когда ее лидер сам на этом настаивал. Подтверждение этому можно найти в мемуарах Никиты Хрущева, которого в симпатиях к «отцу народов» не заподозришь: «Должен четко заявить, что эта акция была предложена не Сталиным, а Ким Ир Сеном. Тот был инициатором, но Сталин его не удерживал. Да, я считаю, что и никакой коммунист не стал бы его удерживать в таком порыве освобождения Южной Кореи от Ли Сын Мана и американской реакции. Это противоречило бы коммунистическому мировоззрению. Я тут не осуждаю Сталина»[6].

После визита в Москву Ким и Пак отправились в Пекин, где были приняты Мао. Председатель полностью поддержал их планы и заверил, что вся необходимая помощь будет оказана. Подготовка к войне вступила в свою финальную стадию.

Согласно Харперской энциклопедии военной истории, к моменту начала горячей фазы конфликта Северная Корея располагала десятью дивизиями общей численностью 130 тысяч человек и имела в запасе еще 100 тысяч резервистов. На вооружении имелось 180 самолетов (Ил и Як), 258 танков (Т-34), около 1600 орудий и минометов. Южнокорейская армия состояла из восьми дивизий численностью около 100 тысяч человек (кроме того, имелись полицейские силы примерно в том же количестве). Южане испытывали острую нехватку танков, боевых самолетов, артиллерии среднего и крупного калибра. Однако имели серьезное превосходство над северянами в противотанковых орудиях и минометах[7].

Вооруженные силы на Севере отстраивались по советскому образцу начиная с 1946 года. К 1950 году Корейская народная армия представляла собой эффективный боевой механизм. Незадолго до начала войны в ее ряды влились несколько дивизий корейцев, воевавших в составе армии Мао в Китае. Этот опытный

контингент и стал главной ударной силой КНА. Слабой стороной были молодость и неопытность личного состава КНА, недостаточная подготовка офицерского корпуса. Даже из высшего командования мало кто получил систематическое военное образование. В лучшем случае — опыт партизанской войны или обучение в 88-й бригаде.

В Республике Корея дела обстояли значительно хуже. В условиях постоянной внутренней напряженности приоритет отдавался полицейским силам, а не армии. Всерьез ее формированием занялись лишь с уходом американских войск в 1949 году. Костяк офицерства составляли бывшие военнослужащие Квантунской армии и бойцы Армии независимости и Армии Шанхайского временного правительства, часто с недоверием относившиеся друг к другу, поскольку ранее стояли по разные стороны линии фронта. Ли Сын Ман особенно не надеялся на свои силы и рассчитывал на помощь американцев, справедливо полагая, что Юг в случае конфликта сам по себе долго не продержится[8].

В мае 1950 года группа советских и северокорейских офицеров под руководством генерала Николая Васильева сверстала план боевых действий. Войну собирались завершить за 50 дней, водрузив флаг КНДР в Пусане, на самом юге полуострова к 15 августа — пятой годовщине освобождения Кореи. Ким Ир Сен внес в документ свои коррективы: сперва потребовал перенести сроки начала операции с июля на июнь, затем — изменить ее ход, атакуя не только на сеульском направлении, а по всему периметру разделительной линии. В июне началась переброска войск к границе. К двадцатым числам северокорейцам удалось собрать на 38-й параллели внушительную группировку: соотношение сухопутных сил составляло 1:2, танков — 1:6, автоматов —1:13, самолетов — 1:6. Все было готово к броску.

Для Южной Кореи стремительное наступление северян, начавшееся утром 25 июня, оказалось полной неожиданностью. Войска, прикрывавшие Сеул, который от границы отделяет всего 60 километров, стали откатываться назад. При этом пропаганда утверждала, что армия РК ведет успешное контрнаступление и вскоре обязательно возьмет Пхеньян. Серьезность положения первым понял американский посол Джон Муччио* отдавший приказ о немедленной эвакуации американских граждан.

Ли Сын Ман сообразил, что происходит, лишь в ночь на 26 июня, и позвонил командующему американскими силами на Тихом океане генералу Дугласу Макартуру в Токио. Тот мирно спал. Адъютант отказался будить его, на что Ли закричал:

«Находящиеся в Корее американские граждане будут по одному погибать, а генералу желаю приятных сновидений!» — и швырнул трубку. Через сутки он уже был вынужден эвакуироваться из столицы, записав перед отъездом патриотическую речь: мол, Сеул ни при каких обстоятельствах сдан не будет. Бегство Ли и армейского командования оказало деморализующее воздействие на войска и население. В суматохе мосты через реку Хан были взорваны раньше, чем многие военные и простые сеульцы успели эвакуироваться. Люди переползали на другой берег по их руинам.

Военное время диктовало свои условия, и схема руководства Северной Кореей резко поменялась. 26 июня на заседании Политкомитета ЦК ТПСК был образован Военный комитет КНДР как высший государственный руководящий орган. Ким Ир Сен стал его председателем. В его состав также вошли зампредседателя Пак Хон Ён, Хон Мён Хи и Ким Чак, министр обороны Чхве Ён Гон, министр внутренних дел Пак Ир У и председатель Госплана КНДР Чхон Чун Тхэк. Было объявлено военное положение, в стране началась всеобщая мобилизация. Вскоре Ким стал также Верховным главнокомандующим КНА, сосредоточив всю власть в своих руках.

«Дорогие братья и сестры! — по-сталински начал он свое радиообращение к нации. — 25 июня войска марионеточного предательского лисынмановского правительства начали по всему фронту наступление на территорию, находящуюся севернее 38-й параллели. Мужественно сражающиеся охранные отряды республики приняли на себя удар врага и в упорных боях приостановили наступление марионеточной армии Ли Сын Мана. Обсудив создавшееся положение, правительство КНДР отдало приказ нашей Народной армии перейти в решительное контрнаступление и разгромить вооруженные силы врага. Выполняя приказ правительства Республики, Народная армия отбросила противника с территории, находящейся севернее 38-й параллели, и продвинулась на Юг на 10–15 километров, освободив, таким образом, города Ондин, Енан, Кэсон, Пякчен и ряд других населенных пунктов»[9].

Северокорейская армия стремительно продвигалась вперед. Уже 28 июня, на третий день войны, Сеул был взят, а знамя КНДР взвилось над бывшей резиденцией Ли Сын Мана. Отличившиеся при взятии города 3-я и 4-я дивизии и 105-я танковая бригада получили почетное наименование «Сеульских», а их командиры и военнослужащие представлены к наградам.

Вскоре в городе начала налаживаться новая жизнь. На улицах стали появляться портреты Сталина и Ким Ир Сена. Сам Ким обратился с приветствием к сеульцам, поздравив их с

«освобождением от фашистского ига предательской клики Ли Сын Мана» и призвав быстрее восстанавливать «распущенные реакцией» народные комитеты. Порядка 60 депутатов Национальной ассамблеи РК, включая Ким По Сика, остались в городе и приветствовали новую власть.

Лидеры коммунистов Юга вернулись назад. В город выехал Пак Хон Ён, мэром был назначен его соратник Ли Сын Ёп — министр юстиции КНДР и один из лидеров местной фракции. Наладить нормальную жизнь, работу фабрик и заводов в условиях войны новая власть оказалась не в состоянии. По данным южнокорейского историка Ким Сон Чхиля, в городе прекратили централизованное снабжение продовольствием, введя талонную систему только для госслужащих. В результате многие сеульцы голодали[10]. Всякое недовольство Пак и Ли подавляли железной рукой. Вскоре стало ясно, что с полутора миллионами жителей города надо что-то делать. Ким решил часть населения призвать в армию, часть использовать на промышленных предприятиях Севера, а часть переселить в деревню.

Северокорейские биографы Кима пишут, что он несколько раз бывал в Сеуле, руководил преобразованиями в занятых КНА провинциях Юга и даже лично выезжал на линию фронта, чтобы перевоспитать командиров, «зараженных низкопоклонством и цеплявшихся за приемы боя, не отвечающей условиям Кореи»[11].

Несмотря на успех наступления, уже с первых дней войны КНА столкнулась с серьезными проблемами. Штыков писал в Москву, что сразу же была потеряна связь между штабом, дивизиями и другими подразделениями, командиры зачастую действовали на свой страх и риск. Кроме того, командный состав в боевом отношении оказался неопытным, плохо организовал использование артиллерии и управление боем.

После взятия Сеула войска неожиданно выдержали паузу в течение нескольких дней, не развивая наступление. Этот факт трактуют по-разному, объясняя его трудностями в транспортном продвижении, сложностями с управлением войсками и, наконец, растерянностью Кима и его соратников из-за того, что в стране так и не началось всеобщее восстание и не произошло окончательного падения режима Ли Сын Мана. В любом случае драгоценное время было потеряно. Сталин, внимательно следивший за событиями, с тревогой спрашивал Штыкова, почему нет информации о продвижении вперед, и настаивал, что наступление следовало бы продолжить немедленно.

Тем временем ситуация изменилась коренным образом. В ход войны вмешались американцы. Узнав о начале боевых действий, президент Гарри Трумэн, по свидетельству очевидцев,

воскликнул: «Во имя Господа Бога, я собираюсь их проучить!» В Вашингтоне сделали вывод: «дядюшка Джо» пытается прощупать крепость западных держав. Если сегодня уступить красным Корею, то завтра Советы попытаются захватить весь мир.

Трумэн, позже называвший принятие решения об участии в Корейской войне самым трудным за годы своего президентства, не стал проводить долгие дебаты в конгрессе об объявлении войны КНДР, а предпочел действовать через Организацию Объединенных Наций. Он всегда придавал большое значение ООН как структуре, способной разрешать международные конфликты. Сейчас это было тем более удобно, что СССР бойкотировал заседания Совета Безопасности, протестуя против того, что Китай в ООН представляло гоминьдановское правительство, а не коммунисты. 26 июня экстренно собравшийся Совет Безопасности принял резолюцию с осуждением северокорейского нападения и призвал вывести войска за 38-ю параллель. В тот же день Трумэн приказал использовать ВВС и ВМС США на Дальнем Востоке для поддержки Южной Кореи. Американские самолеты начали наносить удары по наступающим войскам КНДР.

Северокорейские историки Ким Чхан Хо и Кан Гын Чжо утверждают, что резолюция № 82 противоречит ряду статей Устава ООН и несправедлива, поскольку являлась актом вмешательства во внутренние дела корейского народа[12]. Действительно, ООН вмешалась в гражданскую войну в Корее. Не говоря уже о том, что эта «миротворческая» организация выступила как участник боевых действий, поддержав одну из конфликтующих сторон. В конце июля в интервью «Юманите» Ким Ир Сен утверждал, что, если бы не иностранная интервенция, война бы уже кончилась. Он был недалек от истины: судьба Ли Сын Мана и его режима была предрешена, однако благодаря вмешательству ООН война растянулась на долгих три года, унесла миллионы человеческих жизней и окончилась с нулевым результатом.

27 июня Совет Безопасности собрался снова, одобрил использование американских войск в Корее и рекомендовал другим странам поддержать эти действия. «За» голосовали Великобритания, Франция, Тайвань, Куба, Эквадор, Норвегия, США. Против — Югославия. Индия и Египет воздержались. Началось сколачивание международной коалиции под флагом ООН. В общей сложности в ней приняли участие 16 государств: США, Южная Корея, Великобритания, Австралия, Канада, Новая Зеландия, Турция, Бельгия, Люксембург, Франция, Греция, Нидерланды, а также Колумбия, Эфиопия, Таиланд и Филиппины.

Участие экзотических стран придало войне особый колорит: «На поле боя можно было встретить двухметровых эфиопов, полудиких алжирцев из французского батальона, турок, в совершенстве владеющих искусством штыкового боя, таиландцев, виртуозно владеющих ножами и другими инструментами "ближнего боя", и даже пуэрториканцев, в редкие минуты отдыха отплясывающих зажигательные танцы»[13]. Основная тяжесть боевых действий легла на плечи американцев. В составе сухопутных сил их доля составляла 50,3 процента (южнокорейская — 40 процентов), в ВМФ — 85,9 процента и в ВВС — 93,4 процента. Главнокомандующим войск ООН стал семидесятилетний генерал Дуглас Макартур.

Дуглас Макартур (1880–1964) родился в американской глубинке, в штате Арканзас. Его отец был военным, сам он с детства привык к разъездам по гарнизонам и не представлял себе иной карьеры, кроме армейской службы. Дугласу удалось поступить в престижное военное училище Вест-Пойнт и окончить его с отличием. В конце Первой мировой войны он принял участие в боевых действиях во Франции и стал самым молодым генералом американской армии. Уже тогда многие отмечали, что своей блестящей карьере он был больше обязан личному обаянию, умению ладить с начальством и правильно общаться с прессой, чем успехами на полях сражений.

К началу 1930-х годов Макартур становится начальником Генштаба. В этой должности он прославился разгромом своих бывших товарищей — ветеранов Первой мировой войны. Во время Великой депрессии власти перестали выплачивать им денежные пособия. Многие лишились средств к существованию. 15 тысяч ветеранов отправились искать правду в Вашингтон, где проводили демонстрации и митинги. Макартур, которому президент Герберт Гувер поручил решить проблему, немедленно взялся за дело и атаковал их палаточный лагерь с помощью регулярных войск. В «битве при Анакостии» несколько десятков мирных манифестантов были убиты, сотни — ранены. Сам генерал заявил, что — ни много ни мало: «Марш так называемых ветеранов за пособием был заговором красных, а поскольку я сокрушил сей заговор, Кремль занес меня в список людей, подлежащих уничтожению».

Вторую мировую Макартур встретил на Филиппинах. Там он занимался созданием армии по просьбе местных властей, получив от них звание фельдмаршала и кличку Лусонский Наполеон (от второго по величине города архипелага — Лусона). В декабре 1941 года на Филиппины напали японцы. В самый разгар тяжелых боев Лусонский Наполеон бросил свои войска и улетел в

Австралию. Остатки его армии сдались в плен, где погибли десятки тысяч солдат и офицеров. Впрочем, через три года ему удалось отыграться. В начале 1945 года американцы очистили Филиппины от японцев, а осенью он уже принимал капитуляцию Японии на борту линкора «Миссури» в Токио. Именно Макартур возглавил американские оккупационные войска в Японии, став полновластным хозяином страны. К своим титулам он прибавил новый — в СМИ его стали называть Проконсулом Востока.

Для миллионов американцев Макартур был национальным героем. Поэтому президент Трумэн, хотя и относившийся к нему с осторожностью из-за политических и личных амбиций генерала, долго не думал. По сути, ни времени, ни выбора у него не было. Макартур получил приказ вести войска в бой и остановить солдат Ким Ир Сена.

Американские подразделения начали спешно перебрасывать в Корею. Несмотря на быстрое продвижение КНА и хаос в южнокорейской армии, янки были уверены, что обратят врага в бегство. «Мы вышвырнем северокорейцев, а если вмешаются русские, то вышвырнем и их», — заявил, прибыв во временную столицу РК Тэчжон, генерал-майор Джон Черч[14]. Однако действительность оказалась совсем иной.

Древняя столица страны Тэчжон была следующей целью северокорейских войск. Операции по взятию города придавалось исключительное значение. Фронт по указу Ким Ир Сена возглавил заместитель председателя Кабинета министров Ким Чак, а начальником штаба фронта стал другой бывший партизан — Кан Гон. Было запланировано взять город танковыми цепями в клещи с двух сторон и создать там «котел» для американских и южнокорейских войск.

5 июля американцы и северокорейцы впервые встретились на поле боя. Колонна танков 105-й бригады и бойцы 4-й пехотной дивизии КНА подошли к деревне Осан между Сеулом и Тэчжоном. Там их уже поджидали 400 пехотинцев американского спецотряда Смита, залегшие на возвышенностях вдоль дороги. Сперва артиллерия, а затем и солдаты открыли огонь по танкам. Им удалось подбить несколько машин, однако остальные проследовали вперед. Затем в дело вступила северокорейская пехота, которая начала преследовать американцев. К вечеру часть их была убита, часть — отступила по окрестным рисовым полям.

8 июля Ким Ир Сен вновь выступил по радио. Его речь была целиком и полностью посвящена США и их вмешательству в войну. Он апеллировал к патриотическим чувствам корейцев, призывая сплотиться против внешнего агрессора:

«Американские империалисты начали вооруженное

нападение на нашу родину и на наш народ. Их авиация варварски бомбит города и села нашей страны, убивает мирное население. Военно-морские эскадры американских империалистов, незаконно вторгнувшиеся в наши территориальные воды, беспощадно обстреливают наши прибрежные города и села, а части американских войск, высадившиеся на еще не освобожденной части нашей родины, своими окровавленными сапогами топчут родную нашу землю, расширяют фронт, бешено пытаются остановить продвижение нашей армии на юг, совершают всевозможные зверства…

Пусть в этой священной борьбе за свободу и независимость родины воинов нашей Народной армии и весь наш народ вдохновляют на героические подвиги славные дела и доблесть наших предков — полководцев Ылти Мун Дэка, Кан Гам Чана, Ли Сун Сина и других, беззаветно защищавших нашу родину от иностранных захватчиков! Вперед к полному изгнанию американских империалистов с нашей родной земли, где покоится прах наших предков и растет наше любимое поколение! Завершим нашу справедливую освободительную борьбу победой, чтобы славное знамя Корейской Народно-Демократической Республики развивалось и в Пусане, и в Мокпхо, и на острове Цзедюдо, и на горе Ханнансан.

Вперед, к победе! Да здравствует свободная и независимая Корея!»[15].

Источник вдохновения угадывается сразу же. Это сталинская речь во время битвы за Москву: «Пусть осеняет вас знамя Суворова и Кутузова!»

«Котел» вокруг Тэчжона вскоре замкнулся. Остатки войск, оборонявших город, оказались в окружении. Во время Тэчжонской операции северокорейцы захватили множество пленных. В их числе оказался и командующий 24-й пехотной дивизией США генерал Уильям Дин. Он стал первым и единственным американским генералом, попавшим в плен за все время после Второй мировой. Всю войну Дин провел в плену. По его собственному признанию, генерал развлекался, убивая мух, которых за долгие три года уничтожил 40 671 штуку.

Следующей целью КНА были выход к реке Нактон и взятие городов Тэгу и Кимчхон, открывавших путь к Пусану. Поначалу наступление развивалось успешно. К середине августа 90 процентов территории Республики Корея были в руках северян. В Пусане, переполненном беженцами и солдатами, началась паника. Все, кто мог, стремился эвакуироваться в Японию. Казалось, победа была уже близка.

Однако тут северокорейцы столкнулись с упорнейшим

сопротивлением войск союзников. Солдаты КНА уже были измотаны до предела. А противник постоянно вводил в бой свежие силы. К концу августа силы южнокорейцев и союзной коалиции насчитывали 180 тысяч человек. Это в 2,5 раза превосходило количество северокорейцев, причем союзники имели подавляющее превосходство в артиллерии и кораблях. В воздухе господствовала авиация США, бомбившая как войска КНА и занятые ими территории, так и города КНДР. Похожий на бульдога повадками и внешностью новый командующий американскими сухопутными войсками генерал Уолтон Уокер был категоричен: «Мы ведем сражение за время. Они ведут борьбу за пространство. У нас нет другой линии, к которой мы могли бы отступить. Отступление к Пусану станет величайшей мясорубкой в истории. Мы должны воевать до конца»[16]. Отчаянные попытки северокорейцев начать наступление на Пусан были остановлены, и к 8 сентября КНА была вынуждена перейти к обороне.

В этот же день от взрыва бомбы погиб Кан Гон. Талантливому военачальнику, воспитаннику партизанской детской роты и 88-й бригады едва исполнилось 32 года. Когда в 1948 году Кан Гон, только назначенный главой штаба КНА, поехал с визитом в СССР, советские генералы не скрывали удивления его молодостью.

Несмотря на успехи первых недель и месяцев войны, Ким Ир Сен не предавался эйфории. Он понимал опасность создавшейся ситуации. Ведь воевать с самого начала пришлось не с Ли Сын Маном, а с американцами и возглавляемой ими коалицией. Молодая северокорейская армия не могла победить такого противника. Поэтому Ким всеми способами пытался решить главную задачу — добиться помощи и поддержки СССР и Китая. А они, в отличие от США, не спешили активно вмешиваться в конфликт на Корейском полуострове.

Совпосол Штыков регулярно докладывал Сталину о ходе боевых действий, просьбах Кима и оценке им ситуации. По этой переписке видно, как менялось его настроение. В письме от 1 июля товарищ Фын Си интересовался, как отнеслись корейские руководители к налетам американской авиации на северокорейские районы, не испугались ли они или продолжают стойко держаться. Штыков отвечал, что руководство КНДР и КНА, включая Ким Ир Сена, правильно оценивает сложившуюся военно-политическую обстановку в Корее, верит в полную победу и направляет все усилия к дальнейшему широкому наступлению на Юг. Однако некоторые руководящие деятели, в том числе Ким Ду Бон и Хон Мён Хи, высказываются о трудностях ведения войны против американцев силами Кореи и пытались выяснить у Ким Ир Сена позицию СССР в этом вопросе.

7 июля, после первых столкновений с американцами, число колеблющихся возросло: «У некоторой части руководящих работников появилось опасение за успех в боевых действиях своих войск против высаживающихся в Корее американских войск. Только небольшая группа руководящих работников (Ким Ир Сен, Ким Чак, Пак Ир У) проявляют уверенность и спокойствие.

8 беседе со мной Ким Ир Сен, откровенничая, заявил, что ему тяжело, так как многие министры — Ким Ду Бон, Ким Дар Хен — в осторожной форме высказывают опасения за исход войны в связи с интервенцией американцев.

Далее он сообщил, что Ким Ду Бон ежедневно посещает его и спрашивает, какие действия намерено предпринять советское правительство; а Пак Хон Ён прямо поставил перед ним вопрос о необходимости официально просить советское правительство прикрыть Северную Корею авиацией, а перед китайским правительством — о вводе в Корею китайской армии.

Ким Ир Сен не высказал своего мнения по этим вопросам, а сказал, что он их выругал и просил не расстраивать его, так как он сам и без этого начинает нервничать»[17].

Северокорейцы просили Москву использовать в наступающих на Юге частях КНА военных советников из СССР. Кан Гон прямо говорил Киму, что без советников ему ехать в Сеул нечего, так как он не в состоянии руководить войсками. Штыков впервые за все время встреч видел Кима таким «расстроенным и несколько растерянным». Он предлагал удовлетворить его просьбу. Но Кремль молчал.

8 июля Ким лично обратился с письмом к Сталину с просьбой использовать 25–30 военных советников в штабе фронта КНА, так как «национальные кадры еще недостаточно овладели искусством вождения войск». Однако «отец народов» был непреклонен. Считая, что появление советских военных на Юге или взятие кого-то из них в плен может привести к резкому обострению отношений с США, такого разрешения он не дал. В итоге за все время боевых действий они так и не пересекли 38-ю параллель.

Зато Сталин приложил усилия к другому вопросу — оживлению контактов Пхеньяна и Пекина. Товарищ Филиппов указал китайскому руководству на необходимость иметь своего представителя в КНДР, а также о том, что желательно сосредоточить девять дивизий на границе. Вскоре китайский поверенный прибыл в Пхеньян и передал Ким Ир Сену, что правительство КНР готово помочь всем необходимым в войне.

19 августа, не выдержав постоянного напряжения, Ким заболел и слег в постель. Он передал Штыкову просьбу прислать

«интернациональные летные силы» для прикрытия с воздуха подвергающихся американским атакам войск. «За последнее время у Ким Ир Сена несколько подавленное состояние. Он сильно переживает бомбежку американскими самолетами промышленных объектов и ж. д. транспорта, заявляя, что американцы разрушат всю промышленность и нам долго не удастся создать такие заводы. А сейчас, в связи с усилением налетов на войска, он переживает, что нам нечем прикрыть войска», — писал Штыков.

Однако Сталин в ответ высказал лишь слова поддержки: «В такой войне не бывает сплошных успехов. Не было сплошных успехов и у русских во время гражданской войны и тем более во время войны с Германией… Кроме того, тов. Ким Ир Сен не должен забывать, что Корея теперь не одинока, что она имеет союзников, которые оказывают и будут оказывать ей помощь. Положение русских во время англо-франко-американской интервенции в 1919 году было в несколько раз хуже, чем положение корейских товарищей в настоящее время»[18].

Вряд ли эти слова вместо реальной помощи, которую ждали в Пхеньяне, утешили Кима. Тем более что очень скоро положение на фронте изменилось и стало куда хуже, чем у «русских в 1919 году».

Макартур, думая о том, как обеспечить перелом в войне, пришел к выводу, что удар нужно наносить по растянутым коммуникациям КНА. Для высадки морского десанта в тылу противника он выбрал залив Инчхон на западном побережье Кореи, неподалеку от Сеула. Решающим должен был стать фактор внезапности. Атака здесь считалась маловероятной, поскольку для высадки были пригодны лишь несколько часов в сутки, причем в это время береговая линия заполнялась жидкой грязью. Обороняли Инчхон всего 3 тысячи северокорейцев, а прикрывавший гавань островок Вольми — две роты морской пехоты.

С 10 по 12 сентября авиация и корабли союзников подвергли Вольми и Инчхон интенсивной бомбардировке. Несколько дней защитники острова, у которых остались только два орудия и один пулемет, не давали 45-тысячному контингенту США начать высадку. Американцы смогли ступить на остров лишь 15 сентября, когда почти все оборонявшие его моряки погибли. Вольми назвали «корейской Брестской крепостью».

Начался второй период войны, который в КНДР именуется «стратегическим отступлением». Высадившиеся в Инчхоне американцы двинулись к Сеулу. Одновременно с пусанского плацдарма перешла в наступление 8-я армия США. Сеул пал 24

сентября. Вскоре два фронта соединились, а в начале октября союзники вышли к 38-й параллели.

Вопрос о том, следует ли переносить боевые действия на Север, обсуждался в американском истеблишменте и в ООН. Успешно начавшееся наступление привело к тому, что и там, и там возобладала точка зрения «ястребов»: двигаться вперед до полного разгрома коммунистов. 29 сентября ООН приняла соответствующую резолюцию (правда, на сей раз американцы провели ее не через Совет Безопасности, куда вернулся советский представитель, а через Генеральную Ассамблею, где решения принимались простым большинством голосов). Макартур обратился к северокорейским властям с призывом сложить оружие и сдаться, а также оказать содействие ООН по созданию объединенного, независимого и демократического правительства Кореи.

Ким Ир Сен, однако, сдаваться не собирался. «Если понадобится, уйду опять партизанить в горы», — говорил он своим генералам с улыбкой. 11 октября он выступил по радио, требуя «кровью защитить каждую пядь родной земли и направить все силы на сокрушительные удары по врагу». Оставаться в Пхеньяне стало опасно, и Ким вместе со своим Кабинетом министров, а также дипломатами и военными советниками эвакуировался в северные районы страны, поближе к китайской границе.

Советским гражданам в эти тяжелые дни доводилось слышать весьма неприятные слова в свой адрес. В разговоре с одним из военных специалистов начальник политуправления армии Ким Ир закричал ему в лицо: «Нам нужны не советники и их советы, а реальная помощь!» Штыков сообщил об этом Киму, и тот обещал принять меры: назначить на место Ким Ира Ли Сын Ёпа, благо от обязанностей мэра Сеула его пришлось освободить.

Союзники наступали по двум основным направлениям: на Пхеньян и далее к реке Амнок, и вдоль восточного побережья — к Вонсану и Чхончжину. Макартур использовал свою излюбленную тактику высадки десантов с воды и воздуха. 20 октября американские самолеты сбросили большую группу парашютистов севернее Пхеньяна, возле Сукчена. Генерал Му Чжон, оборонявший город, предпочел оставить его без боя, чтобы не попасть в окружение. Столица была взята, однако захватить в плен северокорейское руководство, на что рассчитывал Макартур, не удалось.

С 20 по 25 октября морской десант был высажен в порту Вонсана. К этому времени, однако, в городе уже стояли южнокорейцы. Американцы потеряли много времени, расчищая

акваторию от мин. После успешной высадки войска выдвинулись в северные районы КНДР, в сторону советской границы.

24 октября союзники на отдельных участках вышли к Амноку. Южнокорейцы набрали флягу воды и отправили ее Ли Сын Ману, а американцы по своей воинской традиции помочились в реку. Казалось, слова Макартура о том, что война закончится ко Дню благодарения (23 ноября), а Рождество солдаты будут праздновать дома, уже почти стали реальностью. Во время встречи с Трумэном на острове Уэйк генерал убеждал президента, что ни Китай, ни СССР в конфликт не вмешаются. Однако ни он, ни его собеседник не знали о тех интенсивных переговорах, что шли в эти октябрьские дни между Кимом, Мао и Сталиным.

Еще 29 сентября Ким Ир Сен и Пак Хон Ён обратились с письмом к советскому лидеру: «В момент перехода вражеских войск севернее 38-й параллели нам очень необходима непосредственная военная помощь со стороны Советского Союза. Если по каким-либо причинам это невозможно, то окажите нам помощь по созданию международных добровольческих частей в Китае и в других странах народной демократии для оказания помощи нашей борьбе»[19].

Реакция Сталина была незамедлительной. Глубокой ночью 1 октября он надиктовал телеграмму. Но не в Пхеньян, а в Пекин: «Я нахожусь далеко от Москвы в отпуску и несколько оторван от событий в Корее. Однако по поступившим сегодня ко мне сведениям я вижу, что положение у корейских товарищей становится отчаянным». Товарищ Филиппов советовал Мао «немедля двинуть к 38-й параллели хотя бы пять-шесть дивизий».

«Макартур требует, чтобы мы подняли руки. Но у нас никогда не было такой привычки», — сообщил Ким в тот же день китайскому послу. Он передал Мао телеграмму, в которой выразил надежду, что Народно-освободительная армия Китая окажет непосредственную помощь в боевых действиях.

3 октября премьер Госсовета и министр иностранных дел КНР Чжоу Эньлай пригласил к себе посла Индии и передал ему, что Китай будет вынужден вмешаться в конфликт, если американские войска пересекут 38-ю параллель. Эта информация была передана властям США и проигнорирована ими. Макартур был уверен, что китайцы блефуют.

В Пекине начались долгие обстоятельные дискуссии среди партийного руководства. Мао не был единоличным властителем, он должен был выслушивать своих соратников из ЦК КПК, прежде чем принять решение. За чашкой зеленого чая бесконечно обсуждались и взвешивались аргументы «за» и «против». По вопросу о Корейской войне мнения разошлись кардинально. У

противников вмешательства были весомые аргументы: в Китае только что закончилась многолетняя гражданская война. Необходимо было восстанавливать лежавшую в руинах страну, а не воевать с таким сильным противником, как американцы.

Чжоу Эньлай утверждал, что активное наступление — лучшая оборона. Мао также склонялся к оказанию помощи Ким Ир Сену, полагая, что китайцы «будут чувствовать тяжесть на сердце, если будут только стоять и наблюдать, когда другая нация находится в кризисной ситуации». Точка зрения Председателя в итоге возобладала. 13 октября Чжоу сообщил Сталину о принятом решении немедленно двинуть войска в Корею. Откинувшись на спинку кресла, тот удовлетворенно произнес: «Все-таки китайские товарищи хороши, все-таки хороши!» А затем пообещал ускорить поставки вооружения и обеспечить в будущем авиационное прикрытие наступления в Корее.

А. Панцов полагает, что Мао пошел на участие в Корейской войне «лишь для того, чтобы ублажить Сталина»[20]. Вряд ли можно согласиться с этим утверждением. И по прагматическим, и по идеологическим причинам Китай не мог остаться в стороне. Именно корейское направление было наиболее уязвимым для него. Нельзя было допустить присутствия американских войск на границе Маньчжурии, откуда подвергались опасности северо-восточные районы страны и столица. Наличие же на Тайване войск Чан Кайши, не скрывавшего желания вернуть себе основную часть Китая и даже бомбившего территорию КНР, создавало прямую опасность войны на два фронта. «Корея с Китаем связаны как губы с зубами, как врата с домом», — было сказано в заявлении политических партий и организаций Китая. Разбив губы, американцы могли выбить и зубы. Это прекрасно понимали в Пекине.

Кроме того, существенную роль играла все та же интернациональная солидарность: китайские коммунисты не могли бросить на произвол судьбы коммунистов корейских. Лидер Маньчжурии Гао Ган в феврале 1951 года высказывался так: «Нужно исходить из того, что существование Кореи и существование Китая суть явления одного рода, что обе эти страны принадлежат к одному лагерю. Поэтому Китай и направит свои войска для помощи Корее и борьбы с Америкой. Он делал это для защиты своего дома и своей страны»[21].

Отправка войск в Корею выглядела как своего рода долг, который большой Китай возвращал своему маленькому соседу. Причем долг двойной. Ведь Ким Ир Сен, во-первых, в течение десяти лет был членом КПК и сражался со своим отрядом в составе Объединенной антияпонской партизанской армии за

свободу и единство Китая, как и многие другие корейские партизаны. Во-вторых, сразу же после освобождения Северной Кореи советскими войсками и создания КНА он направил в Китай на помощь коммунистам отряды добровольцев, которые активно участвовали в боевых действиях.

Чтобы не втягиваться в большую войну с США, в Пекине решили отправить в Корею войска под видом народных добровольцев. Верховным главнокомандующим китайско-северокорейской коалицией остался Ким Ир Сен, а части добровольцев возглавил маршал Пэн Дэхуай.

Пэн Дэхуай (1898–1974) был уроженцем провинции Хунань, земляком Мао Цзэдуна. Он родился в простой крестьянской семье. Детство провел в нужде: после смерти родителей нищенствовал, работал на шахте и на стройках. В неполных 18 лет он поступил на военную службу — сначала в армию местных милитаристов, а затем в Народно-революционную армию Гоминьдана. Окончив офицерские курсы, Пэн быстро сделал карьеру, пройдя путь от командира роты до командира полка. Вскоре, однако, он разочаровался в политике националистов и в 1928 году вступил в компартию Китая. В коммунистической идеологии он не разбирался и присоединился к КПК из стремления к построению более справедливого общества. Впрочем, от молодого командира и не требовалось быть теоретиком марксизма.

В годы гражданской войны в Китае Пэн принял участие во многих боях и сражениях, в том числе — в Великом походе китайских коммунистов. Во время войны с Японией был заместителем командующего 8-й армией. В 1949 году, после создания КНР, был назначен членом Центрального народного правительства, заместителем председателя Народно-революционного военного совета.

Еще во время гражданской войны Пэн нередко проявлял самостоятельность и позволял себе спорить с Мао. Однако Председатель ценил его как талантливого командира и военачальника. Опыт многолетней партизанской войны пригодился маршалу в Корее.

С 19 октября китайцы начали переходить границу. Пэн информировал Кима о том, что под его началом находятся 260 тысяч человек, а в перспективе их численность планировалось увеличить до 600 тысяч. Они должны были действовать совместно с частями КНА, в которой на тот момент насчитывалось порядка 100 тысяч бойцов. У китайско-северокорейской коалиции было заметное преимущество в живой силе, однако она значительно уступала союзникам по количеству танков, крупнокалиберных

орудий и самолетов.

Про китайских добровольцев в Корее сложили песню (известную в России в исполнении Егора Летова и «Гражданской обороны»):

> Через горы по травам и пескам,
> Мимо тихих степных маньчжурских сел,
> К водам синей речки Амноккан
> Юный доброволец шел.
> К нам он шел, тот китаец молодой,
> Шел наш брат, чтоб в сраженье нам помочь,
> Чтоб помочь нам справиться с бедой:
> Гнать американцев прочь!

И они погнали! Китайцы оказались крайне неприятным противником для войск ООН. Они были плохо вооружены и экипированы, но неприхотливы и выносливы. Солдаты и офицеры носили простую строгую форму без знаков отличий, тем самым подчеркивалось равенство всех добровольцев. Обуты бойцы были в основном в кеды. Ледяной зимой 1950/51 года они, чтобы не мерзли ноги, натирали их перцем — и быстро и бесшумно перемещались на большие расстояния — до 25 километров за ночь. Китайцы прекрасно маскировались, умели долго обходиться без еды. А в нападении брали внезапностью. Они не вели наступления в традиционном смысле этого слова, но просачивались сквозь линию фронта небольшими группами, окружали части противника и набрасывались на них ночью, внезапно налетая с факелами, свистом и криками. По сути, союзники столкнулись с огромной армией, воевавшей партизанскими методами. И эффективно противостоять ей они научились далеко не сразу.

Поддержку с воздуха, как и обещал Сталин, оказал СССР. Советский 64-й истребительный авиационный корпус, одной из дивизий которого командовал лучший летчик-истребитель СССР трижды Герой Советского Союза Иван Кожедуб, базировался на аэродромах в Маньчжурии. Еще раньше советские истребители прибыли на юг Китая для борьбы с тайваньской авиацией. 64-й корпус и приданные ему зенитно-артиллерий-ские части прикрывали северо-восток Китая, ирригационные сооружения и мосты на Амноке, а также — приграничные районы КНДР. При этом им было запрещено вести бои над морем, появляться южнее Пхеньяна и за 38-й параллелью. Для конспирации в воздухе они должны были переговариваться на китайском языке. Правда, во время боев это оказалось невозможно, и в эфире звучал «великий

и могучий», перемежаемый отборным матом.

В первые бои наши летчики вступили в начале ноября. В небе Кореи им представился шанс поквитаться с американцами за налет 8 октября, когда два истребителя вторглись в воздушное пространство СССР и разбомбили авиабазу «Сухая Речка» под Владивостоком. Вашингтон после инцидента принес официальные извинения, но осадок остался.

Новейший на тот момент советский реактивный истребитель МиГ-15 быстро завоевал господство в воздухе, показав свое превосходство над американскими F-80 «Шутинг стар», F-84 «Тандерджет» и F-86 «Сейбр». Лучшие советские асы Николай Сутягин и Евгений Пепеляев за время войны сбили 21 и 20 самолетов противника соответственно. Район от реки Амнок до реки Чхончхон американские пилоты прозвали «аллеей МиГов», стараясь там не появляться без крайней необходимости.

Таким образом, несмотря на то что официально в боевых действиях СССР участия не принимал, эта война была и нашей тоже. Советские летчики дрались в небе Кореи, советские офицеры помогали организовывать управление войсками на земле, не говоря уже о поставках оружия, боеприпасов и продовольствия, без которых воевать было невозможно.

Советские люди внимательно следили за обстановкой в Корее. Корейская тема была главной на страницах печати. Газеты в массовом порядке публиковали письма поддержки КНДР, а также — стихи простых рабочих и служащих:

> Мы требуем: прочь руки от Кореи,
> Американские душители свобод!
> Войны не хочет трудовой народ!

Или:

> Нет, никогда им не достичь
> Успеха в наглой их затее.
> Я, как и все, бросаю клич:
> Прочь, душегубы, из Кореи!

Впрочем, не все разделяли точку зрения партии и правительства. Как зафиксировали компетентные органы, рабочий совхоза Г. Гричук из Тюменской области говорил, что «войну в Корее начали сами коммунисты, которые хотят распространить свое влияние везде, а Америка не хочет допустить этого, и она правильно делает, что ведет войну в Корее.

Американцы разобьют коммунистов в Корее, потом начнут уничтожать эту заразу на всем земном шаре». А раввин синагоги Владикавказа Н. Дененберг и вовсе утверждал, что «советское правительство о своем народе не заботится, а все вывозит в Корею»[22]. Разумеется, за подобные разговоры на излете сталинской эры следовало осуждение по печально известной статье 58.10 и отправка в лагерь.

25 октября китайско-северокорейская коалиция нанесла первый удар по союзникам. А с конца ноября началось наступление на Юг по всему фронту. «Китайцы уже здесь. Третья мировая наступила!» — воскликнул генерал Черч после одной из их внезапных атак. Войска союзников нередко попадали в окружение. «Господа, мы не отступаем, мы просто наступаем в другом направлении», — бодрились офицеры. Однако при наступлении в обратном направлении они несли огромные потери. Положение ухудшали наступившие холода и партизанские отряды из северокорейских солдат, которые остались в тылу и открыли там второй фронт.

Понимая, что сил на оборону Пхеньяна не остается, генерал Уокер отдал приказ оставить город, предварительно взорвав мосты через Тэдон. 6 декабря был освобожден Пхеньян, а к Новому году китайско-северокорейские войска вышли к 38-й параллели. На восточном побережье части 10-й дивизии генерала Алмонда пришлось перевозить из порта Хыннам в Пусан на кораблях. Эта самая крупная в истории США морская эвакуация напомнила многим операцию «Динамо», когда в 1940 году прижатые к берегу у Дюнкерка немецкими войсками английские и французские части спешно вывозили морем в Великобританию.

За время наступления добровольцев войска ООН потеряли порядка 23 тысяч человек убитыми, ранеными и пленными. Китайцы и северокорейцы тоже несли большие потери. Не уберегли даже сына самого Мао.

28-летний Мао Аньин погиб в конце ноября во время налета американской авиации на штаб Пэн Дэхуая, где он служил переводчиком. Аньин воспитывался в ивановском интердоме в Советском Союзе, где его звали Сережей. Во время Великой Отечественной он написал три письма Сталину с просьбой отправить его добровольцем на фронт. В конце концов ему удалось попасть в школу сержантов, затем — в военную академию и, уже в конце войны, — на 2-й Белорусский фронт, где он участвовал в боях. После победы Аньин вернулся в Китай, а осенью 1950 года вновь попросился добровольцем на войну, теперь на Корейскую. Отец не стал его удерживать.

Узнав о смерти старшего сына, Мао несколько дней просидел

в кресле, куря сигарету за сигаретой. Он осунулся и похудел, но вида не подал. «Такова война, без жертв не обходится… Погиб простой боец, не надо делать из этого особое событие, потому что это мой сын».

Этот случай, как и похожее поведение Сталина, отправившего на войну своих сыновей, один из которых — Яков — погиб в плену, часто считают примером жестокости обоих коммунистических правителей. Мол, даже детей своих не жалели. Однако сам факт того, что их дети воевали, а не отсиживались в тылу, вызывает уважение. А сыновей оба жалели, просто считали, что вождь не имеет права показывать слабость.

Вступление китайцев в боевые действия вызвало в Вашингтоне дискуссию о том, что делать дальше. Макартур предлагал расширять масштабы войны: открыть против КНР второй фронт с помощью Чан Кайши, а также провести ядерные бомбардировки ее территории. Возможность использования ядерного оружия не исключил и Трумэн. В итоге от такого сценария отказались, но вовсе не из-за гуманизма. Главным приоритетом для Вашингтона оставалось сдерживание СССР. С одной стороны, ядерных бомб было не так много, чтобы разбрасываться ими в Корее. А с другой — неизбежное в этом случае распространение войны на Китай вовлекло бы США, по выражению одного из генералов, «не в ту войну, не в том месте, не в тот момент и не с тем противником».

Вопрос с использованием американцами бактериологического оружия, в чем их обвиняли КНДР и СССР, окончательно не прояснен. Зато активно применялись бомбы, начиненные белым фосфором, термитом и напалмом. В фильме «Апокалипсис сегодня» есть знаменитая сцена уничтожения джунглей во время войны во Вьетнаме напалмом. Однако задолго до этого в Корее американские летчики заливали им села и города, сжигая их жителей заживо. Советский дипломат Виктор Тарасов вспоминал, как выглядел город Синыйджу до и после «химической обработки» с воздуха: «Уезжать из Синыйджу не хотелось. Город казался уже своим, хотя и временным, домом. Я изучил его центральные улицы, небольшие ресторанчики, где подавали непритязательные местные закуски из кур и кимчи — сочной корейской капусты и фасоли, политой жидкой соей… Но то, что вскоре случилось с Синыйджу, трудно было предположить: город был буквально стерт с лица земли… Когда я вновь попал туда, местность была неузнаваема. Как оказалось, американские самолеты безжалостно обливали город по окружности морем напалма и затем методически квартал за кварталом сметали все живое. Вокруг лежала выжженная и мертвая земля, местами

покрытая изморозью после холодной ночи»[23].

С отходом войск ООН из Северной Кореи встал вопрос, кто будет отвечать за просчеты и поражения КНА последних месяцев. Сталин полагал, что ответственность в первую очередь должны нести посол Штыков и военные советники. После обсуждения корейского вопроса на специальном заседании ЦК ВКП(б) 27 сентября он направил в Пхеньян телеграмму, где ставил им в вину следующие стратегические ошибки: невыполнение приказа о выводе в район Сеула во время Инчхонского десанта четырех дивизий КНА; неправильная тактика использования в бою танков, без предварительных артиллерийских ударов, в результате чего они легко уничтожались противником; малограмотность и слепота в деле разведки; непонимание стратегического значения высадки в Инчхоне; исключительно слабая помощь корейскому командованию в вопросах связи, управления войсками, организации разведки и ведения боя, в результате чего войска КНА почти неуправляемы.

Сталин обращал особое внимание на то, что военные советники, прошедшие Великую Отечественную, повинны в неудачах войны еще больше, чем неопытное корейское командование. Был ли он прав, жестко критикуя своих людей в Пхеньяне?

В целом сталинские оценки хода боевых действий, его рекомендации, анализ ситуации и предвидение путей ее развития показывают глубину его стратегического мышления. И те ошибки, на которые он указывал Штыкову и Васильеву, имели место. Кто-то должен был ответить за поражение страны-сателлита СССР. Однако очевидно и то, что КНДР не могла противостоять в одиночку США и союзной коалиции. И наши военные советники, которые не имели права даже выезжать в войска за 38-ю параллель, принципиально изменить ничего не могли. Без китайцев все равно было не обойтись…

В конце ноября Штыков и Васильев были отстранены от исполнения обязанностей «за просчеты в работе, проявившиеся в период контрнаступления американских и южнокорейских войск в северных районах Кореи» и отозваны в Москву. Ким Ир Сен и совпосол успели сблизиться и даже сдружиться. «Ну что же, видимо, и мне нужно подать в отставку с поста главнокомандующего», — сказал он Штыкову на прощание[24].

Особенно строгим сталинское наказание не было. Штыкова понизили в звании до генерал-лейтенанта и уволили из рядов Вооруженных сил СССР, однако он продолжил партийную карьеру, став заместителем председателя исполкома Калужского облсовета. Позже Терентий Фомич был восстановлен в воинском

звании, работал первым секретарем Новгородского обкома партии, а затем вернулся на Дальний Восток в должности первого секретаря Приморского крайкома КПСС.

Новым послом и по совместительству главой военных советников был назначен генерал-лейтенант Владимир Разуваев. Уроженец Курской области, фронтовик, в годы Великой Отечественной командующий 1-й Ударной армией, Разуваев оставался в Корее до конца войны.

В руководстве Северной Кореи кто-то тоже должен был отвечать за ошибки. Такова логика системы: либо вождь найдет и накажет виновных, либо виновным быстро назначат самого вождя. Эту важную задачу Ким Ир Сен решил на III пленуме ЦК ТПСК второго созыва, который открылся 21 декабря в городе Канге. Он выступил на нем с длинной разгромной речью, обрушившись с критикой на многих высокопоставленных партийцев и военных. Доклад был настолько резким, что публиковался с купюрами.

Подводя итоги пяти месяцев войны, Ким Ир Сен подробно остановился на плюсах и минусах пройденного пути. Среди позитивных итогов он называл своевременное создание и организацию КНА, сплачивание народа вокруг партии и армии, помощь, полученную от братских народов СССР и Китая, и героизм корейского народа, который становится «знаменем освободительного движения народов колониальных стран». Кроме того, отмечал он, в ходе войны КНА получила серьезный боевой опыт, а у противника увеличиваются трудности.

Список недостатков, приведших к поражению на первом этапе войны, был куда обширнее:

не было подготовлено достаточного количества резервов;

армия и ее руководящие кадры являются молодыми и неопытными;

в воинских частях слаба дисциплина и часто не исполняются приказы;

противника часто вытесняли с позиций, а не уничтожали его живую силу;

части не готовы к ведению боя в специфических условиях при техническом превосходстве противника, не умеют вести горные и лесные бои;

недостаточно организована работа по снабжению в тылу, в тыловые части проникло много вредителей;

плохо развернута политическая работа в войсках.

Последний пункт был адресован начальнику политуправления армии Ким Иру Жалоба Штыкова на его высокомерный разговор с советским военспецом возымела

действие. Он был снят со всех постов и исключен из ТПСК. «Мы не только не развернули борьбу с капитулянтской тенденцией, заключавшейся в том, что якобы без самолетов нельзя воевать с противником, более того, сам товарищ Ким Ир, отвечавший за политработу в армии, придерживался такой же тенденции», — заявил Верховный главнокомандующий[25]. (Через некоторое время он восстановил Ким Ира в партии и вернул ему все регалии.)

Среди виновников Ким назвал представителей всех партийных группировок. Особенный гнев вызвал яньаньец Му Чжон, сдавший Пхеньян союзникам без боя. Ким назвал его трусом и капитулянтом, заявив, что тот должен подвергнуться не просто политической опале, а уголовному приговору.

«Местным» и лично члену ЦК Хо Сон Тэку досталось за то, что так и не была развернута большая партизанская война в тылу у южан. Фамилия Пак Хон Ёна не называлась, но о том, кто обещал так и неслучившееся восстание 200 тысяч своих сторонников на Юге после начала войны, и так помнили все.

Ким раскритиковал работу МВД, министерств путей сообщения, просвещения, культуры и других за отсутствие «железной дисциплины», объявил об исключении из партии руководителей нескольких провинций и снятии командиров двух дивизий за трусость. «В ходе нынешней войны ясно выявилось, кто является истинным, а кто — мнимым членом нашей партии», — резюмировал он.

В разрушенный и сожженный Пхеньян Ким Ир Сен вернулся в самом конце 1950 года. Поскольку налеты американской авиации продолжались непрерывно и в домах оставаться было опасно, практически все население города переселилось в пещеры. Пхеньянцы сами взрывали для себя жилища в скалах, добывая тол из неразорвавшихся американских бомб. Киму тоже пришлось переехать жить под землю: он поселился в одном из бункеров, разветвленная сеть которых была выдолблена в глубине холма Моран в центре Пхеньяна. Там был обустроен целый городок с жилыми помещениями, командным пунктом и даже театральным залом, где проходили официальные приемы, заседания и представления. Зная об этом, американские летчики постоянно атаковали Моран, пытаясь сбросить бомбу на лестницу так, чтобы она скатилась вниз по ступенькам. Однако взорвать хорошо оборудованное укрепление им так и не удалось. По воспоминаниям представителя Совинформбюро Владимира Толстикова, Ким в это время держался скоромно, питался мало: «Утром, как правило, мисочка риса или кукурузы и стакан минеральной воды. Чая или кофе не пил совсем, даже на приемах»[26].

Другим местом пребывания Кима во время войны была ставка Главного командования в долине Сопхо, неподалеку от Пхеньяна. Здесь он в промежутках между работой возделывал овощи и фрукты в саду и принимал отличившихся на фронте бойцов.

В январе скончался самый близкий соратник Ким Ир Сена — заместитель председателя Совета министров КНДР Ким Чак. Сам Ким пишет, что он умер в рабочем кабинете от паралича сердца. А. Ланьков, в свою очередь, утверждает, что он погиб при американском налете на переправе. Посмертно Ким Чак получил звание героя КНДР.

Тем временем перед северокорейско-китайской коалицией встал вопрос, переходить ли вновь злосчастную 38-ю параллель. «Куй железо, пока горячо» — таков был неофициальный совет заместителя министра иностранных дел СССР Андрея Громыко послу Китая[27]. Стоит ли говорить, что осторожный Андрей Андреевич высказывал мнение хозяина Кремля, слово которого было законом? Впрочем, Мао также выступал за продолжение наступления.

Новый, 1951 год начался с бегства южнокорейских частей, оборонявших Сеул, под напором китайцев и северокорейцев. Генерал Мэтью Риджуэй, описывая их паническое отступление, признавался, что не видел на свете ничего страшнее бегущей армии. «Когда же мы, черт возьми, уберемся из этой проклятой страны?» — ругались американские пехотинцы, глядя на драпающих с поля боя корейцев. Ни попытки самого генерала остановить солдат, ни даже визит на передовую Ли Сын Мана не помогли. И вновь, как полгода назад, военные и беженцы забили мосты через реку Хан, покрытую тонким ломающимся льдом. 4 января был взят Сеул, а затем и Инчхон. Войска ООН закрепились километрах в двадцати южнее бывшей столицы РК.

Боевой генерал Риджуэй, получивший в Корее прозвище Старые Железные Титьки за привычку носить на груди ручные гранаты, взял на вооружение новую тактику — уничтожение максимального количества живой силы противника. Недаром ее назвали «мясорубкой». Широко используя артиллерию, самолеты и танки, он стал постепенно теснить китайцев и северокорейцев обратно к 38-й параллели.

В середине марта Сеул заняли союзники. В городе из 1,5 миллиона населения осталось 200 тысяч, большая часть зданий была разрушена. В довершение ко всему началась эпидемия тифа, на улицах валялись трупы умерших и убитых. Как писал журнал «Тайм», «четвертое взятие Сеула было печальной работой, чем-то вроде захвата могилы»[28]. К началу апреля войска ООН контролировали всю территорию Южной Кореи.

И снова 38-я параллель… Макартур и Ли Сын Ман требовали идти до Амнока и дальше, воевать с Китаем, а если придется — и с Советами. Трумэн был осторожнее: он не хотел перерастания ограниченной войны в глобальную. К тому же затяжные боевые действия и поток гробов с телами американских солдат не способствовали популярности этой войны в Америке. Макартур демонстративно игнорировал мнение Белого дома, выступая с заявлениями о войне до победного конца и предрекая в противном случае падение не только Кореи, но и Европы под натиском коммунизма. Все это стало последней каплей для Трумэна. 10 апреля он подписал указ об отставке Макартура по причине неисполнения им указаний президента и американского правительства. На место «Проконсула востока» был назначен генерал Риджуэй.

В апреле и в мае китайско-северокорейская коалиция несколько раз пыталась перейти в наступление. И каждый раз союзников подводили южнокорейские войска, немедленно обращавшиеся в бегство при первых ударах противника. Одним из самых известных эпизодов этого периода стала оборона английского Глостерширского полка, который из-за отхода южнокорейских частей оказался в окружении, но в течение двух суток удерживал занятую высоту, а затем сумел пробиться к своим. Правда, оставшихся в живых глостерширцев расстреляли американские танки, приняв их за китайцев. Из полка численностью 800 человек выжили 40.

К началу лета стало ясно, что обе стороны не имеют сил, чтобы выбить врага с занятых позиций. Фронт стабилизировался. На этом фоне начались мирные переговоры.

В июне Ким Ир Сен тайно вылетел для консультаций в Пекин, а затем — в Москву. Там вместе с Мао, Гао Ганом и Сталиным он обсуждал целесообразность ведения переговоров с американцами[29]. Решение было позитивным. 23 июня советский представитель в ООН Яков Малик выступил по радио с речью, предложив прекращение огня и отвод войск от 38-й параллели. Вскоре о советской инициативе с одобрением отозвался Трумэн, а Риджуэй направил телеграмму Киму и Пэн Дэхуаю. Он предлагал встречаться на борту датского судна в порту Вонсан. Однако по рекомендации Мао и Сталина северяне предложили приграничный город Кэсон. Американцы согласились, и 10 июля состоялся первый раунд переговоров.

С северокорейской стороны делегацию возглавлял новый начальник штаба КНА, молодой генерал Нам Ир. Он происходил из советских корейцев, до переезда в КНДР работал деканом Педагогического института в Самарканде и считался одним из

самых интеллигентных военных в руководстве корейской армии. Помимо него в состав переговорщиков входили еще двое корейских военных и два китайских генерала. Со стороны союзников главным переговорщиком был адмирал Тернер Джой плюс еще трое представителей от американских войск и один южнокорейский генерал.

С самого начала диалог шел в весьма нервной обстановке. И та и другая сторона стремились демонстрировать свое превосходство и решимость ни в чем не уступать противнику. По сути дела, переговоры были продолжением боевых действий, только в комнате, а не на полях сражений.

Прибыв в Кэсон, Джой обнаружил вооруженную до зубов «приветственную группу». Его усадили за стол переговоров лицом к северу напротив Нам Ира (согласно корейским традициям победитель должен быть обращен лицом к югу). В довершение всего адмиралу подали низкий стул, а Нам Иру, наоборот, высокий. В итоге кореец, который был ниже американца ростом, был с ним на одном уровне. Вскоре Джой заметил это и потребовал себе нормальный стул, однако нужные снимки с переговоров уже были сделаны репортерами Северной Кореи и других социалистических стран.

Первый же серьезный вопрос — о разделительной линии — выявил непримиримость позиций. Американцы настаивали, чтобы она проходила не по 38-й параллели, а по сложившейся на тот момент линии фронта чуть севернее, с демилитаризованной зоной 20 миль в обе стороны. Нам Ир назвал такие предложения нелепыми и высокомерными. Джой парировал, что, мол, похоже, северокорейцы участвуют в переговорах, «не имея никаких искренних и серьезных намерений».

К середине августа диалог зашел в тупик. В один из дней его участники в полной тишине просидели два часа, с ненавистью глядя друг на друга. Впрочем, за столом переговоров они еще сдерживались, а потом отводили душу. Китайский генерал Чжи Фань именовал Джоя не иначе как «черепашье яйцо», американцы, в свою очередь, отзывались о северокорейских и китайских делегатах как о «сукиных детях» и «лицемерных дикарях». Нередко в Кэсоне неподалеку от места переговоров происходили вооруженные инциденты, в которых стороны обвиняли друг друга.

Выступая 15 августа на торжественном заседании по случаю шестилетия освобождения Кореи, Ким Ир Сен так отозвался о ходе диалога: «…Прошло уже более 40 дней кэсонских переговоров о перемирии, а они все еще не дали желаемых результатов… Наша делегация внесла четкие предложения о

выводе иностранных войск из Кореи и о прекращении огня путем установки демаркационной линии по 38-й параллели. Однако американцы по-прежнему продолжают проводить свою агрессивную политику… Представители войск ООН настаивают на установлении демаркационной линии, идущей в 80 километрах севернее 38-й параллели от Сондовона через Кымчен до Кэсона, то есть хотят отрезать от Северной Кореи площадь, равную 1/20 всей площади Кореи. Ясно, что эту исключительно важную в военном отношении территорию враги хотят превратить в военный плацдарм, чтобы отсюда совершить внезапное нападение на нашу республику, вторгнуться в пределы Китайской Народной Республики и Советского Союза»[30].

После этого переговоры были прерваны, и уже через несколько дней союзники начали наступление в центральной и восточной части фронта. Особенно серьезные сражения развернулись в районе стратегических высот 1052 и 1211, прикрывавших Вонсанское направление. Северокорейский автор повествует, как Ким Ир Сен лично, «пройдя сквозь пороховой дым», выезжал на высоту 1211 и руководил одним из боев. После чего позвонил командиру корпуса Чвэ Хену и проникновенно сказал: «Все бойцы являются незаменимым, бесценным сокровищем, надо кормить их теплой кашей и горячим супом, обеспечить им удобный отдых и окружить их сердечной заботой, чтобы они не простудились, поскольку на дворе, кажется, уже веет прохладой»[31].

Взять высоту и продвинуться к северу войскам ООН так и не удалось. Несколько ее защитников получили звание героев КНДР. В том числе — Ли Су Бок, закрывший грудью вражеский пулемет, повторив тем самым подвиг Александра Матросова.

В конце октября переговоры возобновились. Они проходили теперь в деревеньке Панмунчжон прямо на линии фронта. Через некоторое время сторонам удалось согласовать линию прекращения огня, однако возникли новые проблемы в связи с обменом военнопленных. Северокорейцы выставили список из 11 559 человек, американцы — из 132 474[32]. Первые хотели менять «всех на всех», вторые — «человека на человека». Как утверждали американцы, многие китайские пленные высказывали желание не возвращаться домой, а перебраться на Тайвань, а корейцы — остаться на Юге. (Нужно учитывать, что многие из южан были забраны в КНА во время первого северокорейского наступления и затем оказались в плену уже на Юге.) Уступать никто не желал, и к концу 1951 года переговоры вновь зашли в тупик.

Трумэн был в бешенстве. «Свободный мир терпел достаточно. Китайцы должны уйти из Кореи, а Советы должны отдать Польше,

Эстонии, Латвии, Литве, Румынии и Венгрии их свободу и прекратить оказывать помощь головорезам, которые нападают на свободный мир. Иначе — начнется полномасштабная война… Москва, Санкт-Петербург, Мукден, Владивосток, Пекин, Шанхай, Порт-Артур, Далянь, Одесса, Сталинград и каждый промышленный объект в Китае и Советском Союзе будут уничтожены» — такую запись американский президент оставил 27 января 1952 года[33]. К счастью, эти мечты остались лишь в его личном дневнике. Но поневоле кажется, что называвшие его «фанатиком», «фашистом» и «военным маньяком» северокорейцы были не так уж далеки от истины.

Весной 1952 года Риджуэя на посту командующего войсками ООН сменил генерал Марк Кларк. Желая принудить врага к принятию условий союзников на переговорах, он разработал план проведения массированных бомбовых ударов по стратегическим объектам КНДР — электростанциям, заводам, плотинам, местам расположения органов власти, командным пунктам КНА, дипломатическим представительствам, а также по позициям войск и населенным пунктам. В июне американцы разбомбили комплекс ГЭС на реке Амнок, оставив без электричества КНДР и северо-восток Китая. В августе была уничтожена ставка Ким Ир Сена в Сопхо. Самого Кима в этот момент там не было, зато едва не погиб посол Разуваев. В октябре массированной бомбардировке с применением напалма подвергся комплекс зданий посольства СССР в Пхеньяне. К концу 1952 года, по оценке американского командования, на Севере Кореи не осталось объектов для бомбежки. На поверхности земли было разрушено все.

Ким писал Сталину: «Считаю необходимым доложить Вам, Иосиф Виссарионович, о нижеследующем: исходя из общего анализа положения в Корее, не исключена возможность, что переговоры о перемирии могут затянуться далеко на неопределенное время. За истекший год переговоров мы фактически свернули боевые действия и перешли к пассивной обороне. Такое положение привело к тому, что противник, почти не неся никаких потерь, беспрерывно наносит нам громадный урон в живой силе и материальных ценностях.

Так, например, только за последнее время противник вывел из строя все электростанции Кореи и активными действиями ВВС не дает возможности восстановить их, что принесло и продолжает приносить огромный ущерб всему народному хозяйству КНДР. Только за одни сутки варварской бомбардировки только одного города Пхеньяна (1-го и в ночь на 12 июля 1952 года) убито и ранено свыше 6000 мирных жителей»[34].

Ким просил усилить зенитную оборону и активизировать действия ВВС, чтобы прикрыть Северную Корею истребительной авиацией хотя бы по линии Пхеньяна, а также оказать помощь в виде поставок техники в войска. По его мнению, изменение характера боевых действий на земле и в воздухе должно было оказать соответствующее воздействие на противника.

На бомбежки корейские и китайские бойцы дали свой ответ. Они начали зарываться в землю. Ландшафт Кореи в районе 38-й параллели — это возвышенности, окруженные топкими рисовыми полями. Каждый холм или горку солдаты превращали в укрепленный пункт, и бои шли за обладание той или иной высотой. В условиях, когда американские самолеты ежедневно обрушивали на их позиции свой смертоносный груз, они начали прикрывать окопы сверху деревьями и грунтом, рыть «лисьи норы» для укрытия от обстрелов. Постепенно внутри холмов стали появляться разветвленные системы переходов, склады оружия, жилые помещения. Иногда в подземных галереях прятали артиллерию и даже обстреливали оттуда противника. Практически все работы выполнялись вручную. Тем более поражает тот факт, что фронт протяженностью 250 километров включал в себя 500 километров туннелей. А всего за время войны только китайские добровольцы построили более 1250 километров туннелей[35].

Обеспечивая фронт, целые предприятия в тылу тоже уходили под землю, переезжали в пещеры и бункеры, шахты и рудники. Председатель президиума Народного собрания КНДР и секретарь ЦК ТПК, позже бежавший на Юг, Хван Чжан Ёп рассказывал о размахе подземного строительства в КНДР: «Видно, что у наших людей развита технология рытья траншей. Со времен войны 1950–1953 годов мы пошли в землю, создали мощную сеть подземных коммуникаций со всеми системами жизнеобеспечения»[36]. (Хотя такой опыт характерен и для других социалистических стран. Достаточно вспомнить Энвера Ходжу, покрывшего всю Албанию сетью бункеров.)

Другим изобретением китайско-северокорейской коалиции в военном деле стало появление отрядов охотников за самолетами и танками. Это были небольшие мобильные группы бойцов, вооруженные противотанковыми ружьями и минами, ручными и станковыми пулеметами, специально нацеленные на уничтожение вражеской техники. И этот полупартизанский метод доказал свою эффективность. В начале 1952 года в Пхеньяне даже провели слет образцовых групп охотников за самолетами, которые вступили между собой в соцсоревнование по количеству сбитых машин противника.

Так постепенно война приобрела затяжной характер. А. Панцов и некоторые другие историки полагают, что вина за ее затягивание целиком и полностью лежит на Сталине, для которого «корейская бойня была лишь частью нового глобального плана мировой революции»[37]. Однако в таком случае неясно, почему Сталин всегда оставлял последнее слово за Мао и Кимом, не навязывая им какие-либо сценарии. Зато именно советское руководство через полпреда в ООН первым выступило с предложением начать мирные переговоры.

Ответственность за затягивание войны несут все стороны, и вины Сталина тут меньше всего. Ли Сын Ман, к примеру, вообще выступал против переговоров в принципе. Ким формулировал свою позицию так: «На затягивание переговоров врагом мы ответим затягиванием, на его боевые действия — боевыми действиями, пойдем на перемирие, если враг желает его на деле, но ни в коем случае не примем несправедливых условий перемирия — таков наш принцип на переговорах о перемирии»[38]. Американцы и китайцы хотели почетного перемирия, но на своих условиях. Участие сразу нескольких игроков, взаимное упорство, ожесточение и стремление дожать противника и стали причиной столь долгого пути к заключению перемирия.

Пока говорили орудия, партийная жизнь шла своим чередом. В ноябре 1951 года в Пхеньяне открылся IV пленум ЦК ТПК. Он прошел под знаком борьбы с «левацкими перегибами», олицетворением которых стал секретарь ЦК ТПК и лидер советских корейцев Хо Га И.

Ким Ир Сен и Хо Га И были классическими антагонистами. Ким терпеть не мог этого дотошного и занудного аппаратчика, бюрократа-марксиста, прошедшего советскую партийную школу и свысока посматривавшего на малообразованных бывших партизан. Они разошлись во взглядах на то, как должна строиться партия. Хо считал, что в партии должно состоять не более 60 тысяч человек, в основном — промышленных рабочих. А Ким называл это низкопоклонством перед другими странами, не соответствующим реальным условиям Кореи, где преобладало крестьянство. Таким образом, Хо отстаивал элитарный характер ТПК, а Ким был за массовую организацию.

Наконец, устранение Хо Га И с политической сцены было обусловлено логикой фракционной борьбы. Он был одним из ключевых деятелей ТПК, ведавший партийными кадрами. Оставить этот пост человеку из советской фракции, которому он не доверял, Ким не мог. А поскольку влияние СССР в ходе войны упало, руки у него были развязаны. Да и повод нашелся просто замечательный.

На прошлом пленуме Хо Га И, возглавлявший Контрольную комиссию ТПК, получил ответственное поручение — провести проверку тех членов партии, кто временно оказался на занятых американцами территориях. Учитывая, что войска ООН в октябре — ноябре контролировали большую часть страны, таковых было немало. После прихода войск союзников многие выбрасывали или жгли партийные документы, ибо южнокорейские спецслужбы предпочитали сперва расстреливать коммунистов, а уж потом разбираться, того ли поставили к стенке.

Тем не менее Хо Га И устроил жесточайшую массовую чистку. Он провел обмен старых партбилетов на новые, при этом утратившие документ автоматически исключались. В итоге были исключены и подверглись различным взысканиям 450 из 600 тысяч партийцев. Одновременно были резко ужесточены правила приема в ряды ТПК.

В своем докладе на пленуме Ким Ир Сен остановился на ряде недостатков в работе, среди которых ключевыми называл «замыкание дверей» в партию и практику наложения необоснованных взысканий. В ТПК «часто не берут рабочих и крестьян из-за недостаточной политической сознательности, не хотят принимать в ее ряды патриотически настроенных передовых людей, предъявляя различные неуместные требования», — заявил он[39]. И потребовал прекратить репрессии, провести проверку и восстановить несправедливо исключенных.

Ким высмеял Хо за то, что «профессор партийных наук», требуя от других повышенной политической сознательности, сам даже не умеет толком говорить по-корейски. Обвинил в том, что он пытается выступать от лица всех советских корейцев и впадает во фракционизм. И, наконец, поиздевался над соперничеством фракций: мол, Хо пикировался с главой МВД, Пак Ир У, поскольку один предпочитал советский способ ведения войны, а другой — китайский. Невероятно глупый спор во время национальной трагедии!

В ходе пленума Хо Га И был снят с постов генерального секретаря партии и главы ее Контрольной комиссии. Правда, при этом он получил должность заместителя главы Кабинета министров, но это было заметным понижением. А главное — он лишился ключевой функции работы с партийными кадрами.

Окончательное устранение Хо с политической сцены произошло в 1953 году. В результате налета американской авиации пострадало Сунанское водохранилище на севере КНДР, обеспечение охраны которого входило в круг его обязанностей. Он был обвинен в халатности и медленном ходе восстановительных работ. 2 июля, накануне заседания

политбюро, которое должно было обсудить его ошибки, Хо Га И был найден мертвым в своем доме. Он лежал в детской кровати с охотничьим ружьем в руках, к которому был привязан поясок от платья жены. Согласно официальной северокорейской версии, он совершил самоубийство. Однако А. Ланьков считает, что это было политическое убийство[40].

На V пленуме ЦК ТПК, прошедшем в декабре 1952 года, Ким Ир Сен продолжил свою большую игру. Он констатировал, что ошибки и перегибы «левацкого уклона» исправлены. ТПК выросла в массовую политическую партию, в которой насчитывалось более миллиона человек и 48 933 первичных организации. При этом было восстановлено членство 29,8 процента несправедливо исключенных, отменено 62,1 процента решений о переводе в кандидаты, сняты взыскания с 69,2 процента партийцев, которые их получили.

Тут же нашлись и новые уклонисты. Ким Ир Сен в заключительном слове резко критиковал «сектантов и либералов», правда, не называя никого по имени: «Приходится констатировать тот факт, что существующие внутри партии подобные элементы неприятны, как блохи, ползающие по телу человека и не дающие ему покоя. Чтобы избавиться от этой неприятности, следовало бы вымыться и выстирать белье… В своих выступлениях многие товарищи решительно потребовали от сектантов и либералов откровенно выступить с повинной перед партией, но никто из них не посмел появиться на трибуне. По-видимому, они предпочитают хранить молчание, ибо, судя по атмосфере пленума, ясно, что им не избежать суровой кары, если они не признаются, что они занимались сектантской или либеральной деятельностью сегодня, когда вся партия и весь народ встали на смертельную борьбу против американских империалистов»[41]. В сектантской и либеральной деятельности никто не признался, и суровая кара не заставила себя долго ждать.

…5 марта 1953 года рано утром чуткий сон Ким Ир Сена прервал молодой адъютант в военной форме: «Полководец! Проснитесь! Из советского посольства только что сообщили, что умер Сталин…» На потолке бункера, скрытого в глубине холма Моран, тускло светила электрическая лампочка. Он посмотрел на часы, было 8 утра. Ким задумался. Вспомнились подарки «отца народов» — бронированный железнодорожный вагон и автомобиль «ЗИЛ» со стеклами толщиной 8 сантиметров, которые он после начала войны прислал в Корею. «Товарищ Ким! У вас теперь много врагов. Вам нужно хорошенько заботиться о вашей безопасности», — звучал в ушах мягкий, с характерным

кавказским акцентом голос кремлевского горца. Прав был Сталин. Врагов много, а самые опасные из них окопались в партии. Фракционеры хуже Ли Сын Мана.

Через час Ким уже сидел в кабинете и слушал доклад главы госбезопасности Пан Хак Се об аресте группы заговорщиков. «Взяли мы их тепленькими, — говорил он, довольно потирая руки. — Ли Сын Ёпа прямо из постели подняли. Он не ожидал такого, стал кричать, что будет жаловаться, что он секретарь ЦК и мы не имеем права его трогать. Но мы ему сказали, что выполняем приказ вождя и если будет выступать — разговор с ним будет короткий».

Ким был доволен. От арестованного министра ниточки тянулись ко второму человеку в ТПК, лидеру местной фракции Пак Хон Ёну. Корейский Троцкий теперь обречен. Но фракционеров много: есть еще корейские Каменевы, Зиновьевы, Бухарины… Ничего, придет и их черед.

Согласно официальной версии, «шайка Пак Хон Ёна — Ли Сын Ёпа, которые, пробравшись в партийные и государственные органы, совершали коварные действия, направленные на подрыв единства и сплоченности партии и свержение нашего народно-демократического строя», была разоблачена и ликвидирована в ходе обсуждения документов ноябрьского пленума ЦК ТПК и кампании «за закалку партийности»[42]. Их обвинили в шпионаже в пользу США и заговоре против Ким Ир Сена. Заслуженно ли?

Ли Сын Ёп (1905–1953) родился на Юге Кореи в бедной семье. В 20 лет молодой человек стал членом компартии Кореи. В 1931 году он был арестован и восемь лет провел в тюрьме. Едва выйдя на свободу в 1940 году, он был арестован вновь. Японцы с коммунистами не церемонились. Он дал согласие сотрудничать с японской администрацией, после чего был освобожден.

В 1945 году, после ухода японцев, Ли возвращается к истокам и становится одним из лидеров компартии Южной Кореи. В годы японского господства многие коммунисты вынуждены были сотрудничать с режимом, а потому часто закрывали глаза на сложное прошлое своих товарищей.

В 1946 году его арестовывают американские военные власти за покушение на Ли Сын Мана. Под пытками он принимает предложение работать с американской разведкой. Ли оказался для нее крайне ценным кадром. После того как Пак Хон Ён перешел на Север, Ли стал главой южнокорейских коммунистов.

В 1947 году его арестовывают в четвертый раз, теперь уже южнокорейские полицейские. После переговоров в тюрьме он дает согласие на вхождение в состав коалиционного правительства Юга вместе с представителями других

политических сил. Однако в 1948 году по приказу Пак Хон Ёна Ли переезжает на Север, где получает пост министра юстиции КНДР.

В 1950 году в московском аэропорту были задержаны американские агенты Алиса Хён и Ли Са Мин, имевшие при себе секретные военные планы за подписью Ким Ир Сена. Выданные в КНДР, вскоре они признались в связях с Ли Сын Ёпом. Алиса к тому же работала личной секретаршей Пак Хон Ёна. И хотя последний поручился за Ли Сын Ёпа и высокопоставленных партийцев не тронули, северокорейские спецслужбы стали разрабатывать их окружение. Возможно, именно опасность быть раскрытыми и подтолкнула Ли к намерению сместить Кима.

Работавший у американцев переводчиком в годы войны Ким Ён Сик, позднее написавший мемуары, прямо называет Ли Сын Ёпа американским агентом[43]. Со Дэ Сук отсчитывает историю заговора с сентября 1951 года, когда Ли Сын Ёп начал готовить военный переворот. Для этого он собирался использовать 4 тысячи курсантов специальной школы, готовившей кадры для партизанской борьбы на Юге. Преподаватели и ученики там были выходцами из РК, а руководство — близкими друзьями Ли. Заговорщики разделили между собой высшие посты: сам Ли Сын Ёп должен был стать секретарем компартии, а Пак Хон Ён — премьер-министром. Дата выступления была назначена на первую половину 1953 года, но заговор был вовремя раскрыт.

Многие исследователи утверждают, что никакого заговора на самом деле не было, а речь шла о банальной чистке — устранении конкурентов Кима с политической сцены. Такой же точки зрения придерживается А. Ланьков, который указывает на нереальность смещения Кима столь малыми силами, тем более во время войны и при нахождении в КНДР китайских войск.

Запутанное дело «банды Ли Сын Ёпа — Пак Хон Ёна» напоминает «дело Тухачевского» из советской истории. Существовал ли в реальности заговор генералов против Сталина или нет, мы не знаем. Есть только результаты весьма специфических судебных процессов, косвенные доказательства и диаметрально противоположные мнения историков.

Осведомленный в делах американских спецслужб Ким Ён Сик утверждает, что эта попытка ликвидировать Кима была не единственной. Полковник ЦРУ Ганс Тофти, руководивший специальным учебным лагерем в Корее, завербовал в США индейца — профессионального охотника, который за небольшую сумму согласился перейти через линию фронта и уничтожить северокорейского лидера. Правда, до Кореи он так и не добрался по неизвестной причине[44].

Война вступала в свой заключительный этап. Гарри Трумэн в

ноябре 1952 года проиграл президентские выборы. Причиной неудачи кандидата от демократов называли четыре «к»: коррупция, криминал, коммунизм, Корея. Генерал Дуайт Эйзенхауэр, сменивший Трумэна в Белом доме, в ходе предвыборной кампании обещал прекратить войну. Став президентом, он лично съездил в Корею, где убедился, что полномасштабное наступление без гигантских усилий и жертв невозможно, и стал искать пути к разрешению надоевшего всем конфликта.

Подобные настроения разделяли и в Москве. В конце марта 1953 года в Пхеньяне получили письмо от Совета министров СССР под председательством Георгия Маленкова, в котором рекомендовалось дать положительный ответ на предложение генерала Кларка об обмене ранеными и больными военнопленными и продолжить переговоры о скорейшем заключении перемирия. Ким Ир Сен «пришел в сильное возбуждение» и поддержал предложения советской стороны. В апреле первоначальный обмен пленными был проведен, однако затем в переговорах снова возникли сложности.

Чтобы сделать противника более сговорчивым, американская авиация по приказу генерала Кларка начала уничтожать на Севере посевы риса, бомбя дамбы и плотины, регулирующие сброс воды на поля. В ответ китайско-северокорейские войска начали новое наступление по всему фронту.

Но главным препятствием для заключения перемирия оставался Ли Сын Ман. Старик требовал продолжения войны до победного конца, а в противном случае угрожал вывести свои войска из подчинения ООН. Более того, Ли начал новую политическую кампанию под лозунгом создания Великой Кореи, которая должна была включать в себя помимо самого Корейского полуострова часть территорий Китая и СССР. Сложилась парадоксальная ситуация: на переговорах стороны боролись не столько друг с другом, сколько с Ли Сын Маном. А вскоре он и вовсе предпринял шаг, едва не сорвавший переговоры, — отдал приказ открыть двери лагерей для военнопленных, позволив выйти на свободу всем, кто этого хотел. Из плена бежали порядка 25 тысяч человек.

«В состоянии ли командование ООН контролировать южнокорейское правительство и армию?» — издевательски интересовались после этого северяне на переговорах. Американцы начали шантажировать Ли, пригрозив в одностороннем порядке вывести войска из Кореи. Одновременно китайско-северокорейская коалиция начала последнее наступление, направленное в основном на позиции южнокорейских войск, под

лозунгом: «Убить курицу, чтобы испугать обезьяну». Наступление завершилось успешно — врезавшийся на 15 километров в позиции КНА и КНД выступ был очищен от противника. Ли был вынужден объявить, что не будет препятствовать заключению перемирия, хотя сам его не подпишет. Свое согласие он обставил целым рядом условий: американские войска должны были остаться на Юге, а США продолжить подготовку местной армии и выделить деньги на восстановление экономики страны.

После этого встал вопрос, принимать ли Ким Ир Сену личное участие в его подписании. Дело в том, что деревня Панмунчжон находилась на территории, контролируемой союзниками. И, учитывая настрой Ли Сын Мана, вполне можно было ожидать провокаций. В Кремле Киму советовали лично не участвовать в церемонии. В Пекине, наоборот, считали, что Пэн Дэхуай и Ким должны ехать туда вместе.

В итоге 27 июля 1953 года перемирие было заключено. Участниками церемонии стали Нам Ир и американский генерал Уильям Харрисон. Подписи Ким Ир Сена и Пэн Дэхуая, не приехавших в Панмунчжон, также стоят под документом. Южнокорейская сторона от подписи отказалась.

Войска противоборствующих сторон должны были отойти на два километра от линии соприкосновения, образовав Демилитаризованную зону (ДМЗ). Она и сегодня разделяет два корейских государства, являясь самой укрепленной границей в мире.

Военнопленные, желавшие вернуться обратно, немедленно возвращались сторонами друг другу. Судьбу тех, кто возвращаться не пожелал, решала специальная комиссия, состоявшая из представителей нейтральных стран.

И, наконец, планировался созыв специальной мирной конференции для заключения мирного договора.

28 июля Ким Ир Сену было присвоено звание героя КНДР. Чуть ранее он стал маршалом, а Чхве Ён Гон — первым вице-маршалом республики. В обращении к нации Ким назвал перемирие «великой исторической победой, завоеванной корейским народом в результате трехлетней героической борьбы за свободу и независимость, против объединенных сил иностранных интервентов и предательской клики Ли Сын Мана». Он особо подчеркнул, что противник имел серьезное техническое превосходство: «Американские империалисты, провоцируя войну в Корее, рассчитывали на то, что корейский народ не сможет противостоять их вооруженным силам, в особенности — воздушным силам… И в этом они жестоко просчитались. Они не смогли сломить наш народ, устрашить его своей военной

техникой. Война в Корее еще раз показала, что техника не является единственным решающим фактором победы, что для завоевания победы недостаточно одного только преимущества в военной технике. Одним из важнейших факторов победы является высокое морально-политическое состояние, боевой дух армии и народа как на фронте, так и в тылу»[45].

Каковы были итоги войны для КНДР и Ким Ир Сена лично?

Основная задача боевых действий — освобождение Юга от режима Ли Сын Мана и объединение страны под эгидой Севера — была не решена в силу вмешательства более мощного противника, коалиции ООН во главе с США. Вместе с тем независимость КНДР удалось отстоять (хотя и с внешней помощью). По итоговому соглашению Северная Корея потеряла малозаселенный горный район на юго-востоке, но на юго-западе приобрела куда более обжитые территории, в частности — город Кэсон с окрестностями, а также получила целиком Ондинский полуостров, выровняв границу на этом направлении и приблизив ее к Сеулу. Так что формально КНДР осталась в плюсе.

Политически за годы войны Ким укрепил свою власть в стране и в партии. Этому способствовало падение влияния Советского Союза на корейские дела из-за неучастия непосредственно в боевых действиях. Если до 1950 года контроль СССР над КНДР был тотальным, то за время войны он существенно ослаб. Разумеется, сказалась и смерть Сталина с последующим установлением в Москве коллективного руководства. Власти Китая во внутреннюю политику КНДР не вмешивались. Таким образом, Киму удалось избавиться от внешней опеки.

Ким Ир Сен удачно использовал военные годы для устранения своих могущественных соперников, занимавших высшие ступеньки в партийной иерархии. Лидеры советской и местной фракций Хо Га И и Пак Хон Ён потеряли свои посты. Тактически грамотные действия Кима позволили вывести их за скобки во внутрипартийной борьбе. Другие фракционеры уже не были столь опасны.

С другой стороны, людские и материальные потери КНДР были неисчислимы. Было уничтожено порядка 9 тысяч промышленных предприятий, 600 тысяч жилых домов. Все города страны и почти все поселки лежали в руинах. Погибло до 1,5 миллиона мирных жителей и несколько сотен тысяч военнослужащих.

Что касается общих итогов войны, то здесь данные и мнения историков разнятся вплоть до диаметрально противоположных.

В обоих корейских государствах официально утверждается,

что победило каждое из них, сохранив свою территорию, независимость и специфику развития. Суммируя эти точки зрения, С. Курбанов считает, что войну выиграли и КНДР, и РК.

Позиция большинства американских историков (например, У. Стьюка): войну выиграла западная коалиция во главе с США. Обычно подчеркивается тот факт, с какой оперативностью ООН отреагировала на событие и вступила в конфликт, а также — широкая поддержка союзников (16 государств-участников).

По мнению К. Асмолова и авторов книги «Корея в огне войны», победителей в ней не оказалось вообще. Своих целей не достигла ни одна из сторон, при этом по количеству разрушений и жертв (общее число которых приближается к пяти миллионам) ограниченный Корейским полуостровом конфликт немногим уступал мировой войне.

Глава седьмая
«НЕ ЗАВИДУЕМ НИКОМУ НА СВЕТЕ»

Война закончилась, но решающие битвы были еще впереди. Нужно было восстанавливать страну из руин и пепла. На пленуме ЦК ТПК в августе 1953 года Ким Ир Сен изложил свое видение создания новой экономики Севера. Он поставил задачу провести социалистическую индустриализацию. Вождь потребовал в кратчайшие сроки восстановить Хванхэсский (имени Ким Чака) металлургический завод, Сончжинский и Кансонский сталелитейные заводы, Хыйчхонский, Раквонский и Пукчжонский машиностроительные заводы, чтобы дать народу сталь, железные трубы и машины. В сельском хозяйстве планировалось провести кооперирование. Все это предполагалось делать с опорой на собственные силы. «Некоторые работники трубят о нехватке материалов, но в то же время нисколько не задумываются над тем, как мобилизовать и использовать внутренние ресурсы для преодоления этой нехватки, — отчитывал он партхозактив. — Видимо, такие люди ждут, когда лес, железо и другие материалы и сырье явятся к ним в канцелярию и попросят эффективно использовать их».

Пленум принял план трехлетнего послевоенного развития и восстановления народной экономики. Ким Ир Сен вновь воспользовался проверенными сталинскими рецептами. Как и советский лидер в конце 1920-х — начале 1930-х годов, он решил бросить основные силы на создание базы самостоятельного развития — предприятий тяжелой промышленности, с упором на ВПК. То, что КНДР по размерам и природным условиям несопоставима с СССР, его ничуть не смущало. Он уже привык мыслить масштабно.

Север переживал мощный общественный подъем, основанный на массовом энтузиазме и традиционной трудовой этике корейцев. Терминология военных лет была перенесена на экономическое строительство. Приехав на Пхеньянскую текстильную фабрику, Ким внушал ткачихам, что строительство фабрики тоже бой и его нужно осуществить так же, как били врага во время войны. Металлургический завод в Хванхэ он назвал «высотой 1211» в деле экономического строительства. Именно тогда в КНДР появилась традиция проведения «трудовых вахт» и «скоростных боев», в ходе которых люди работали по пять-шесть часов дополнительно к основному времени. Предполагалось, что даже из ограниченных возможностей

промышленного оборудования при помощи массового энтузиазма можно получить больше продукции. Звучали призывы «отвергнуть пассивность, консерватизм и техническую мистику в строительстве».

Немалую роль сыграла помощь СССР и Китая. Сразу после августовского пленума Ким Ир Сен съездил в Москву. Его принимали Георгий Маленков и Никита Хрущев, соперничавшие друг с другом за пост лидера государства и наперебой учившие корейского лидера, что делать. Предложения Маленкова, носившегося с идеей развития сельского хозяйства и легкой промышленности, сразу ему не понравились. Хрущев был явно хитрее и перспективнее. Ким внимательно выслушал обоих, поблагодарил товарищей из КПСС за ценные советы, получил кредит в огромную по тем временам сумму — 1 миллиард рублей сроком на два года и отбыл в Пхеньян. Помимо денег СССР оказывал народной Корее помощь в восстановлении Супхунской ГЭС на Амноке, металлургических заводов в Чхончжине и Нампхо, поставлял потребительские товары и продукты питания. Китайцы, в свою очередь, строили школы, дороги и мосты, восстанавливая Корею «со своим рисом и цементом».

За три года КНДР показала поразительные успехи. Промышленное производство выросло в 1,5 раза по сравнению с довоенными показателями. Было восстановлено более 240 крупных предприятий и построено более 80 новых. Трехлетний план был выполнен за 2 года и 8 месяцев.

В сельском хозяйстве при создании кооперативов, однако, возникли проблемы, сравнимые с эксцессами коллективизации в СССР, хотя и не столь катастрофичные по масштабам. В сезон 1954/55 года при проведении государственных закупок зерна партийные работники преувеличили объемы урожая, а затем начали силовым путем выбивать из крестьян недостающие центнеры. Все это привело к тому, что в 1955 году многие районы страны голодали. В провинции Чаган селяне ели траву и кору деревьев. Правительству пришлось принимать меры. Закупки зерна были прекращены, крестьянам предоставлялись продовольственные и семенные ссуды. За «перегибы» и «головокружение от успехов» на апрельском пленуме ЦК ТПК 1955 года получил выговор председатель Госплана Пак Чхан Ок. При этом к концу года уже более 50 процентов крестьян состояли в сельхозкооперативах, то есть кооперация шла по плану.

В том же апреле 1955 года Ким Ир Сен выступил с программной статьей «Все силы на борьбу за объединение и независимость Родины, на строительство социализма в северной части республики». Ее прозвали «Апрельскими тезисами», хотя по

основному посылу она напоминала речь другого классика марксизма — о построении социализма в отдельно взятой стране. Он призвал укреплять в военном и экономическом отношении «демократическую базу северной части страны», с тем чтобы эта база стала решающей силой для завоевания единства и независимости Кореи. Строительство социализма на Севере было объявлено «непременным требованием общественного развития», предполагалось «преобразовать на социалистический лад» ремесленное хозяйство, частную мелкую торговлю и оставшиеся в экономике «капиталистические элементы». Эти задачи предстояло решить в ходе первой пятилетки (1957–1961 годы).

На фоне успехов и проблем строительства новой экономики обострялась фракционная борьба в ТПК. В августе 1953 года начался суд над группой Ли Сын Ёпа, устроенный по канонам классических сталинских процессов против врагов народа. Им вспомнили все, включая даже сеульские репрессии 1950 года: «Клика Пак Хон Ёна — Ли Сын Ёпа, наемных агентов американских империалистов, сколотив в Сеуле "комиссию по обследованию земель" и другие террористические группы, убила из-за угла многочисленных патриотов и партийцев, всячески препятствовала проведению политики нашей партии»[1].

Все подсудимые признали себя виновными и принесли показательное покаяние.

— Какое бы суровое наказание мне ни определил суд, я приму его с радостью. Если бы у меня было две жизни, то отнять их обе — и то мало было бы! — говорил один из них.

— Изо всех сил боритесь с американским империализмом, который сделал вашего отца врагом Родины! — восклицал другой, обращаясь к своим детям.

Большинство подсудимых были приговорены к длительному тюремному заключению либо расстреляны. Вскоре был арестован и приговорен к смертной казни и сам Пак Хон Ён. Суд по его делу прошел уже менее заметно. В дальнейшем же от проведения громких публичных процессов в КНДР отказались, и зачастую судьбу исчезавших с политической сцены людей проследить стало невозможно.

«Так ликвидирована клика Пак Хон Ёна и Ли Сын Ёпа, пробравшаяся в партию, — констатировал впоследствии северокорейский автор. — Эта шайка наемных шпионов американского империализма и контрреволюционных элементов ультралевыми фразами и действиями в пользу врага причинила огромный ущерб делу революции в Южной Корее, а перебравшись в Северную Корею, она всячески клеветала на партию и замыслила даже вооруженное восстание в поддержку "нового

наступления американских империалистов"»[2].

Следующим объектом атаки стали представители советской фракции. В конце 1955 года на пленуме ЦК ТПК Ким произнес речь «Об изжитии догматизма и формализма и установлении чучхе в идеологической работе», направленную против низкопоклонства вообще и перед СССР в частности. Жесткой критике были подвергнуты лидер советской фракции Пак Чхан Ок и его соратники. Речь представляла собой законченную политическую программу, которую удалось реализовать на практике. Она особенно интересна тем, что содержала формулировку идей чучхе, которые очень скоро станут официальной северокорейской идеологией. Сам термин «чучхе» обычно переводят как «самостоятельность», «самобытность», «опора на собственные силы» или «человек — хозяин всего».

Ким говорил о чуждых корейцам формах прямого копирования советской действительности. В Министерстве обороны на стенах висят пейзажи Сибири, а не прекрасных гор Мехян и Кымган. В красных уголках на предприятиях помещают фото советских заводов и их производственные показатели, а не картины восстановления промышленности КНДР. И даже в школах вместо классиков корейской литературы висят портреты Пушкина и Маяковского.

— Почему «Нодон синмун» копирует заголовки из «Правды»? — спрашивал он. — Почему даже оглавление печатается на западный манер в конце книг, а не в начале, как принято в Корее?

Отдельно Ким отметил ситуацию во время войны, когда советская и китайская фракции спорили о методах ее ведения. Какая разница, ешь ли ты правой рукой или левой, ложкой или палочками? Как бы ты ни ел, ты не можешь пронести мимо рта. Стоило ли во время войны спорить о методах? Любой метод хорош, если способствует укреплению армии!

В несколько завуалированной форме прозвучала критика советской политики разрядки и мирного сосуществования капиталистической и социалистической систем. Мол, товарищи, возвратившиеся из СССР, говорят, что раз Союз идет по пути снятия напряженности, и Корея должна убрать лозунги против американского империализма. Это ошибка: антиамериканская борьба корейского народа ничем не противоречит борьбе советского народа за разрядку напряженности.

Эта речь совпала с судьбоносными событиями в СССР. 25 февраля 1956 года в закрытом докладе на XX съезде КПСС новый советский лидер Никита Хрущев раскритиковал культ личности Сталина. Бог соцлагеря, которому клялись в верности не только

народы СССР, но и других стран, был повержен. И грохот от его падения был слышан во всем мире. Хрущев, сам того не понимая, заложил бомбу замедленного действия под коммунизм в целом. Легитимность власти, опиравшейся на революционную традицию и учение Маркса — Энгельса-Ленина — Сталина, была подорвана. Если критиковали самого «отца народов», то уж любого из лидеров социалистических стран, создававшихся по сталинской модели, можно было также обвинить в насаждении культа личности, репрессиях, политических ошибках и отстранить от власти.

Доклад Хрущева среди прочих иностранных гостей слушала и делегация ТПК во главе с Чхве Ён Гоном. По возвращении в Пхеньян Чхве доложил о его содержании. Ким был обескуражен. Как человека традиционной восточной культуры его волновала не столько критика Сталина (тоже, впрочем, непонятная и неприятная), сколько расшатывание сложившегося порядка. «Рыба начала гнить с головы, из Москвы, — подумал он. — Советские начальники сработали на руку пхеньянским фракционерам. Теперь-то эти низкопоклонники поднимут голову!»

О своем недовольстве он умолчал. И на III съезде ТПК весной 1956 года (где, кстати, в качестве главы советской делегации присутствовал Леонид Брежнев) сам раскритиковал культ личности. Правда, имелся в виду культ… покойных Пак Хон Ёна и Хо Га И.

Нужно было увидеть своими глазами, что происходило в братских социалистических странах. Летом 1956 года Ким Ир Сен отправился в большое турне, чтобы ознакомиться с новой ситуацией. Он отсутствовал в Корее с начала июня до середины июля 1956 года, посетив девять государств и дважды остановившись в Москве.

В Кремле у него состоялся неприятный разговор с Хрущевым, который изложил ему замечания о некоторых недостатках работы ТПК[3]. По всей вероятности, речь шла все о том же культе личности и жесткой кадровой политике, раздражавшей Москву. О масштабной экономической помощи, на которую рассчитывали корейские товарищи, им договориться не удалось.

Увиденное в поездке, особенно в Польше и в Венгрии, где чувствовалось явное напряжение, а вскоре после его визита произошли антиправительственные выступления, производило самое серьезное впечатление. Первоначальный вывод подтверждался: рыба гнила с головы.

«Коммунистические лидеры Восточной Европы сами во всем виноваты, — говорил он своим коллегам по ЦК. — В Польше нет

твердого руководства в партии, к тому же слишком много рассказали народу о XX съезде. То же самое и в других странах. Только в Албании и Румынии у власти стоят замечательные товарищи, твердые коммунисты Энвер Ходжа и Георге Георгиу-Деж».

Ким Ир Сен обладал великолепной политической интуицией, которая не подвела его и в этот раз. Действительно, руководство в Албании и Румынии было самым твердым, про-сталинским во всей Восточной Европе. И в дальнейшем эти страны поддерживали самые тесные дружеские отношения с КНДР. А когда Энвер Ходжа скончался в 1985 году, Тирана приняла соболезнования Кима, в отличие от телеграмм советских и китайских «ревизионистов», которые были отправлены обратно.

Пока Ким Ир Сена не было в Пхеньяне, за его спиной созрел очередной заговор.

Жарким летним днем 14 июля 1956 года в посольство СССР в КНДР пожаловал гость — начальник Департамента стройматериалов при Кабинете министров Ли Пхиль По. В самом визите чиновника такого рода ничего необычного не было, в те времена они еще часто захаживали в гости к советским товарищам. Тем более что планировалось строительство нового комплекса зданий для посольства. Посол в тот момент на месте отсутствовал, и Ли принял поверенный в делах А. Петров.

На улице стояла изнурительная духота, но в самом здании было прохладно. Ветерок раздувал занавески на окне кабинета. Пожимая руку корейцу, Петров почувствовал пот на его ладони. Пока гость произносил необходимые формальные слова приветствия, говорил о делах, стало видно, что он сильно взволнован. В конце разговора, вытирая лицо платком, он вдруг резко и быстро начал говорить, как с трибуны:

«Политика Ким Ир Сена не заслуживает доверия партии. Культ личности приобрел невыносимый характер. Слово Кима является законом, он нетерпим, не советуется ни с кем. Он насаждает свой культ личности, собрал вокруг себя подхалимов и прислужников, которые смотрят ему в рот, а честных партийцев устраняет из руководства. Он натащил всюду своих маньчжурских партизан — полуграмотных крестьян. Как они могут руководить страной? Теперь уже он говорит, что и Корею освободили его партизаны, а как же Советская армия?

А кем он окружил себя? Один лизоблюд Хан Соль Я (глава Союза писателей) чего стоит! Это очень плохой человек. Его надо убить за одну книгу "История"! И Пак Чхан Оку еще много нужно сделать, чтобы искупить свою вину. Он же первым назвал Кима незаменимым, поднял его до небес. Он — создатель культа

личности Кима!

От Кима нужно избавляться. Для этого имеется два пути. Путь первый — сменить нынешнее руководство ЦК и правительства. Ким Ир Сен на это не пойдет, его преступления слишком велики. Есть и второй путь — насильственный переворот, это трудный и долгий путь, связанный с жертвой, но это революционный путь. Нас поддержат революционные элементы, китайские добровольцы, весь корейский народ… скоро мы начнем действовать…»

Ли перевел дыхание и остановился, тяжело дыша. Петров плеснул себе тепловатой воды в стакан из стоявшего на столе графина, выпил. Не в силах усидеть на месте, встал со стула и подошел к окну. «Вот еще этого не хватало на мою голову, — думал он. — И почему именно сейчас, когда посол уехал? Что теперь сказать ему? Что написать в Москву? А если Киму известно об этом визите и это проверка с его стороны?»

Человек с безликой фамилией Петров принадлежал к новому поколению советских дипломатов, пришедшему на смену военным, вроде Штыкова, ковавших своими руками основу социалистического Корейского государства. Теперь на их месте оказались обычные клерки, которые боялись шаг ступить без разрешения из Москвы. Впрочем, и Корея уже была не та. Уже давно минули те времена, когда Штыков лениво бросал в телефонную трубку: «Ким, загляни в посольство, нужно кое-что обсудить»…

Ли Пхиль Гю пристально смотрел на Петрова и ждал реакции. Ждал слова Москвы, которая благословит заговорщиков или похоронит их. Нужно было выходить из положения. Петров решил уйти от ответа: «Советую вам хорошенько все обдумать. Я обязательно проинформирую о нашей беседе московских товарищей».

Вскоре оппозиционеры потянулись в посольство один за другим. Пришли вице-премьер, лидер «яньаньцев» Чхве Чхан Ик, министр строительства Ким Сын Хва, министр торговли Юн Кон Гым. Становилось ясно, что решающую атаку оппозиция намерена предпринять на предстоящем пленуме ЦК ТПК. В дальнейшем планировался переход к модели «коллективного руководства». Председателем ЦК ТПК мог стать Чхве Чхан Ик, а премьер-министром — Пак Чхан Ок.

Нельзя сказать, чтобы эти люди, осмелившиеся бросить вызов «великому вождю», сильно выделялись в партийной верхушке. Они были обычными функционерами ТПК. Как и их коллеги, они активно участвовали в предыдущих чистках, помогая устранению конкурентов из других, а часто — и из собственных — фракций.

Пак Чхан Ок приложил руку к падению Хо Га И, с тем чтобы в будущем занять его место. Он же был одним из главных участников атаки на «местную» фракцию в 1952 году. Более того, многие участники заговора негативно относились еще и друг к другу. Например, Чхве Чхан Ик — к Пак Чхан Оку, и наоборот, о чем оба оповещали представителей советского посольства. И только ненависть к Киму заставила их на время забыть разногласия.

И вот наступил решающий день. 30 августа в Пхеньяне открылся пленум ЦК ТПК. Устраиваясь в кресле президиума и оглядывая зал, Ким Ир Сен думал: все ли сделано верно? Не забыл ли он чего-то? Он заранее получил полную информацию о состоянии дел и успел подготовиться к генеральному сражению.

Как будто все в порядке. Дата пленума была перенесена с начала августа на конец месяца. За это время с колеблющимися членами ЦК была проведена «работа»… Вот и делегаты стали рассаживаться в зале. Как и было предусмотрено, каждый предатель сидит в окружении верных людей. Теперь точно ясно. Их всего несколько человек, этих выродков. Шанса у них нет. Большинство — стойкие партийцы, верные ему, вождю…

Ким удовлетворенно откинулся на спинку кресла.

В повестке дня пленума стояли два вопроса: об итогах поездки правительственной делегации в СССР и страны народной демократии и о состоянии и мерах улучшения здравоохранения в стране. Однако Чхве Чхан Ик, выйдя на трибуну, бросил вызов:

— Ты сосредоточил в своих руках всю власть, с тобой стало трудно работать. Ты проводишь индустриализацию, когда люди голодают. Надо использовать помощь братских стран на улучшение жизни трудящихся!

— Такая политика проводится в Южной Корее, где американская и иная помощь идет на подачки населению, — парировал Ким. — Мы этого не хотим, и народ этого не хочет. Партия не должна исходить в своей политике только из потребностей сегодняшнего дня, чего хочет Чхве Чхан Ик. В этом он не получит поддержки у народа!

Шквал аплодисментов потряс зал.

— Ура! Ура товарищу Ким Ир Сену! Позор раскольнику Чхве Чхан Ику! Вон из партии! — кричали возбужденные делегаты.

Пытался выступить министр торговли Юн Кон Гым. Говорил об установлении культа личности, о том, что к руководству допущены безответственные личности, а в партии господствует полицейский режим. Впрочем, его мало кто услышал. В зале поднялся топот и свист.

— Ублюдок! — кричали с мест. Точно так же встретили и

речь Пак Чхан Ока.

Ким Ир Сен взял заключительное слово: «Я был слишком добр к фракциям и их приверженцам, а в особенности — к Чхве Чхан Ику. Отныне фракционная деятельность в партии должна быть запрещена. Предлагаю вывести Чхве Чхан Ика и Пак Чхан Ока из состава ЦК ТПК, а их приспешников исключить из партии!» Партбилеты взмыли вверх над головами…

В довершение издевательства над оппозицией Чхве и Пак получили новые назначения — заместителя директора деревообрабатывающего завода и заведующего свинофермой в отдаленной провинции. Таким образом, разгром был полным. И трудно было предполагать иной исход. План оппозиции изначально был нереалистичным. У Кима было твердое ядро сторонников в ЦК ТПК. В рядах самих заговорщиков единство отсутствовало, не было очевидного лидера, вокруг которого оппозиция могла сплотиться. Она надеялась на вмешательство Москвы и Пекина, где нарастало недовольство Ким Ир Сеном, но этот расчет не оправдался.

В отличие от стран Восточной Европы, где «десталинизация» проходила на волне массовых народных выступлений, корейская оппозиция не имела народной поддержки. О ее требованиях массы просто ничего не знали. К тому же «китайских» и «советских» корейцев не любили ни в народе, ни в номенклатуре. Против них работал фактор корейского национализма, грамотно использованный Кимом в ходе этих событий.

А вот как описывают события 1956 года северокорейские авторы:

«Антипартийные, контрреволюционные фракционные элементы, которые длительное время вели подрывную работу внутри партии, теперь под покровительством внешних сил предпринимали атаки против партии, используя трудную и сложную обстановку. "Машина не дает каши", "Следует ли развивать тяжелую промышленность, когда так трудна народная жизнь", — болтали они, выступая против основной линии нашей партии на экономическое строительство, и требовали пустить в потребление все заработанное»[4].

«В развитии революции сложилась трудная, сложная ситуация. Именно в тот момент антипартийные, контрреволюционные фракционеры, выжидавшие удобного для себя шанса, стали поднимать голову. На августовском (1956 год) пленуме ЦК партии они в открытую выступили против партии. Пленум разоблачил и решительно сорвал их происки. На пленуме шли обсуждения о результатах деятельности правительственной делегации, посетившей социалистические страны, о некоторых

ближайших задачах партии, об улучшении народного здравоохранения. А антипартийные контрреволюционные фракционеры, выдвигая нелепые вопросы, не имеющие никакого отношения к повестке дня, начали нападать на партию. Ветераны антияпонской революции и другие участники пленума дали решительный отпор их яростному вызову. Эти отщепенцы, разоблаченные и разгромленные на пленуме, оказались не просто фракционерами, а злейшей антипартийной контрреволюционной шайкой, ставящей целью свергнуть партию и правительство в сговоре с империалистами США»[5].

Впрочем, история на этом не закончилась.

Когда пленум завершился, возбужденные произошедшими событиями делегаты группами стали расходиться по домам. И только исключенные из партии оппозиционеры остались одни. Никто не подавал им руки, не подходил побеседовать. Вокруг словно образовался вакуум. Судьба их, казалось, была предрешена.

Вечером Юн Кон Гым и Со Хви пришли домой к Ли Пхиль По. У ворот уже была выставлена охрана, хотя формально арестованными они не считались. «Нужно бежать отсюда в Китай, — бросил Ли. — Там наши друзья по "Яньани", теперь стоящие у руля компартии. Мы пойдем к председателю Мао, все расскажем ему, и он сместит зарвавшегося Кима. Он не посмеет возражать самому "великому кормчему"! Я уже обо всем позаботился».

Благополучно покинув дом через черный ход, беглецы сели в автомобиль еще одного известного «яньаньца», Ким Кана, и покинули город. Машину трясло на ночной дороге, за окнами была непроглядная тьма. Пассажиры молчали, с тревогой прислушиваясь, нет ли погони. Но все было тихо. Никто не ожидал столь дерзкого шага, не думал, что осужденные на пленуме партийцы посмеют бежать из Пхеньяна.

Утром они свернули с дороги на проселок и вскоре в предрассветном тумане увидели берег реки Амнок. Там, дальше, лежал вожделенный Китай. И тут — как раз кстати — на реке показалась рыбацкая лодка. «Эй, плыви сюда! — закричал Ли. — Перевези нас на остров, разведи костер и налови свежей форели, мы хотим устроить пикник».

Пожилой рыбак, увидев каких-то больших начальников в костюмах, приехавших на автомобиле, тут же исполнил все, о чем его просили. Перевез их на остров, развел костер и отправился за рыбой. Каково же было его удивление, когда, вернувшись со свежим уловом, он увидел, как начальники, подвернув штаны и взяв в руки ботинки, переходят вброд на китайский берег. Через

несколько часов подоспела и погоня. Но было уже поздно. Беглецы были на дороге в Пекин, где и получили убежище.

О реакции Ким Ир Сена на эти события написал в своих мемуарах албанский лидер Энвер Ходжа, в то время побывавший в Корее с визитом:

«"После того, как я зачитал доклад, — сказал нам Ким, — два члена Политбюро и некоторые другие члены Центрального комитета заявили, что идеи XX съезда и вопрос о культе личности у нас, в Корее, не получили должной оценки, что не ведется последовательная борьба против культа личности и т. д.".

"У нас, — сказали они на пленуме, — не отмечается экономических и политических результатов в соответствии с платформой XX съезда, Центральный комитет окружен неспособными людьми".

"Одним словом, — отметил дальше Ким Ир Сен, — они атаковали линию руководства, его единство. Против них, — заключил он, — поднялся на ноги весь Центральный комитет".

— Как вы обошлись с ними? — спросил я.

— Их раскритиковал пленум, и все, — ответил Ким Ир Сен и добавил: — Сразу же после этого они сбежали в Китай.

— В Китай?! А что они там сделали?

— Наш Центральный комитет объявил их антипартийными элементами, и мы направили китайскому руководству письмо, в котором требовали их немедленного возвращения нам. Помимо прочих ошибок, они совершили и тяжкий проступок — бегство. Китайские товарищи не вернули их нам. Они находятся там и по сей день.

Мы открыто сказали Ким Ир Сену, что хотя мы и не в курсе вопросов, поднятых теми двумя членами Политбюро, и не нам судить о ваших делах, все же, поскольку вы рассказали нам об этом вопросе, мы считаем, что событие является серьезным»[6].

Дело действительно принимало серьезный оборот. Пхеньянские события вызвали негативную реакцию в Москве и Пекине. Это было связано как с тем, что в ходе чистки пострадали ориентированные на СССР и Китай высокопоставленные функционеры, так и с тем, что излишняя самостоятельность Кима не пришлась по нраву «старшим братьям».

Посол КНДР в СССР, «яньанец» Ли Сан Чо, кипя от негодования после поражения оппозиции, которой он сочувствовал, написал на имя Хрущева длинное письмо. В нем он перечислял «грехи» Кима, за которые его нужно немедленно сместить: «Необходимо выразить свое нет положению, при котором Ким Ир Сена называют Корейским Лениным и Корейским Мао Цзэдуном. В стране усиливается культ личности

Ким Ир Сена. В чем отличие старой системы правления, при которой "король олицетворяет свое государство", от придуманной кимирсеновскими подхалимами? Понятно, что именно документы XX съезда КПСС, касающиеся критики культа личности, являются для него "спящим тигром", поэтому он относится к этим документам с ненавистью. Ким Ир Сен ставит себя выше и важнее других, он страдает самовлюбленностью. С этим надо покончить»[7].

Тезисы Ли нашли понимание в ЦК КПСС. Было принято решение начать «работать» по Ким Ир Сену в контакте с китайскими товарищами. В середине сентября открылся VIII съезд компартии Китая. Советскую делегацию на нем возглавлял Анастас Микоян. Опытнейший партийный чиновник как раз специализировался на проблемных ситуациях в соцстранах. То есть выступал своего рода «антикризисным менеджером» Москвы. Во время визита Микоян несколько раз встречался с Мао и обсуждал с ним корейский вопрос. По воспоминаниям советских дипломатов, Председатель был тогда весьма резок: Ким, мол, войну дурацкую проиграл, вообще действует бездарно, его надо убрать. Похожей позиции придерживался и Хрущев, возжелавший сместить всех «сталинистов» с высших постов в странах соцлагеря.

В итоге было решено отправить в Корею прямо со съезда КПК совместную делегацию, которая должна была рассмотреть сложившуюся там ситуацию. С советской стороны ее возглавил Микоян, а с китайской — Пен Дэхуай. По прибытии гостей в Пхеньян Ким Ир Сен не встретил их, продемонстрировав таким образом свое отношение к визиту. Но принять делегацию пришлось. А что еще оставалось делать? Как он сам потом отмечал: «Когда прилетели товарищи Микоян и Пен Дэхуай, разве мы могли их отослать обратно, хотя они приехали и без приглашения? Надо считаться с авторитетом этих партий».

Микоян держал себя в Пхеньяне весьма высокомерно и пренебрежительно, за что был награжден корейскими товарищами кличкой Митхкунен (Задница). «Сейчас пойду, сделаю этому Киму втык, чтоб не задавался, — бодрился старый сталинский нарком. — Что он вообще о себе думает? Захочу, и не будет его здесь! Секретарь, тащи бумагу сюда, будем проект об отставке составлять».

По подсчетам советско-китайской делегации, чтобы сместить Ким Ир Сена на внеочередном пленуме ЦК ТПК, не хватало четырех голосов. В то же время Ким держал рядом с Пхеньяном дивизию лично преданного ему генерала О Де У, которая готова была начать действовать в случае неблагоприятного развития

событий[8]. Генерала потом прозвали за это Амулетом кимирсеновского режима. А Микоян и Пен отказались от своих далекоидущих планов и лишь потребовали, чтобы решения августовского пленума были отменены, а все оппозиционеры восстановлены в партии на прежних должностях.

Энвер Ходжа тогда пришел к выводу, что Ким Ир Сена «зажали в тиски» и «нагнули», с тем чтобы «на хрущевский манер настроить его расстроенные струны». Но он недооценил его как политика.

Формально согласившись с требованиями представителей «братских партий», Ким и не подумал реализовывать их на практике. Никто из высокопоставленных оппозиционеров (официально реабилитированных) реально восстановлен на своих постах не был. На протесты послов СССР и КНР он честно отвечал, что решения сентябрьского пленума были приняты под давлением советско-китайской делегации и выполнять их он не имеет никакого желания.

Одновременно был отстранен от должности опальный посол в Москве. Однако Ли Сан Чо не горел желанием повторить судьбу фракционеров и попросил убежище в СССР. Оно было ему предоставлено с личного одобрения будущего генерального секретаря ЦК КПСС, а тогда — главы Международного отдела ЦК Юрия Андропова. Правда, Ли запретили вести политическую деятельность, общаться с корейской диаспорой и жить в Москве или Ленинграде. Остаток жизни он провел в Минске, занимаясь научными изысканиями.

Тем временем Кремлю стало не до Кореи. 4 ноября СССР ввел войска в Венгрию для подавления восстания против руководства местной компартии. В отличие от китайцев, обвинивших Москву в великодержавном шовинизме, Ким Ир Сен этот шаг поддержал: «Мы получили нужные уроки от событий в Венгрии и Польше. Империалисты пытаются расколоть социалистический лагерь и оторвать от СССР отдельные страны социализма».

Вскоре после этого в СССР был отозван антикимирсеновски настроенный посол Василий Иванов (достойный шеф своего заместителя Петрова). «Он пытался сместить Ким Ир Сена, — со смехом рассказывал сам Ким его преемнику Александру Пузанову. — Однако в результате Иванов был переведен на другую работу, а Ким Ир Сен продолжает руководить партией»[9].

А в 1957 году в СССР произошло еще одно событие, использованное для укрепления северокорейской «вертикали власти». Выступление «антипартийной группы Молотова, Маленкова, Кагановича и примкнувшего к ним Шепилова» против Хрущева закончилось поражением «старой гвардии». Казалось бы,

крах проверенных сталинских кадров и триумф Никиты Сергеевича, недолюбливавшего корейского лидера, должен был отрицательно сказаться на его позициях, но не тут-то было.

Ким Ир Сен в беседе с советским послом одобрил действия Хрущева по предотвращению фракционной деятельности в партии и отметил, что события в Москве являются большой школой для Северной Кореи, что надо беречь единство партийных рядов. С другой стороны, заметил он, многие в ТПК не могут понять, как это в КПСС могла появиться антипартийная группировка, и теперь КНДР уже не стоит относиться к СССР как к старшему брату. Говоря о своей «антипартийной группировке», Ким сообщил, что Пак Чхан Ок и Чхве Чхан Ик собирались свергнуть партию и правительство. Они якобы планировали сделать Чхве Чхан Ика премьер-министром, Ким Ду Бона — председателем партии, а Ли Сан Чо — министром иностранных дел. Самого Кима собирались устранить, совершив теракт. Так что с этими людьми надо разобраться по всей строгости закона.

Кампания против фракционеров развернулась с новой силой на пленуме ЦК ТПК осенью 1957 года. На сей раз жертвами чисток стали председатель Верховного народного собрания Ким Ду Бон (впоследствии разжалованный в комбайнеры) и заместитель премьер-министра, советский кореец Пак Ый Ван. «Ты не Ыйван, ты — Иван, проклятый низкопоклонник!» — кричали ему во время выступления на пленуме.

Основной доклад делал Ким Чхан Ман, отвечавший в ТПК за пропаганду и идеологию. «У нас были и есть люди — любители прилета самолетов… Они не ориентируются на свою партию, а слепо верят другим. Напрасно они ждут прилета самолетов, больше их не будет», — глумился он, вспоминая визит Микояна и Пэна. А председатель профкома Кансонского сталелитейного завода попросту просил прислать к ним «негодяев-фракционеров, чтобы бросить их в электропечь». Чхве Чхан Ик и Пак Чхан Ок были арестованы, как и многочисленные (настоящие и мнимые) их сторонники на разных уровнях партийной иерархии. Заподозренные в причастности к оппозиции должны были публично говорить о своих грехах и каяться перед партией на собраниях и идеологических проверках.

Вместе с тем, вопреки бытующим представлениям о «людоедском северокорейском режиме», чистки были не столь кровавыми, как в сталинском СССР. Они касались в основном верхушки ТПК, а не рядовых членов партии. Обвинение в причастности к фракционной деятельности не влекло за собой обязательный арест или физическое уничтожение. Как правило, тем, кто хотел уехать из страны в СССР или Китай, давали это

сделать. И поэтому конец 1950-х годов ознаменовался массовым отъездом на родину советских корейцев.

Ни СССР, ни Китай, между которыми уже назревал серьезный конфликт, заступаться за «своих» корейцев на сей раз не стали. Желая заручиться поддержкой Кима, на совещании коммунистических партий в Москве в 1957 году Мао даже принес ему извинения за вмешательство во внутренние дела КНДР.

Некоторые осложнения между Москвой и Пхеньяном вызвала лишь настоящая охота, которую северокорейские «чекисты» устроили на студентов, отказавшихся возвращаться в согретую солнцем чучхе родную страну. Невозвращенцами, как водится, оказались представители творческих профессий. В конце 1957 года последовала примеру посла Ли Сан Чо и получила политическое убежище в СССР группа будущих работников киноиндустрии — учащихся ВГИКа во главе со сценаристом Хо Ун Бэ. Если с фактом бегства посла северо-корейцам скрипя зубами пришлось смириться, то этого они стерпеть уже не могли. Хо попытались захватить и вывезти в Пхеньян. Но он сбежал из посольства, выбравшись на волю через окно туалета.

Зато со второй попытки все получилось. В 1959 году остаться в Союзе захотел аспирант консерватории Ли Сан Гу. Советские чиновники долго отговаривали его от этого шага, пока однажды корейские товарищи не запихали Ли в машину прямо возле памятника Петру Чайковскому и не увезли в посольство, а затем в КНДР. История наделала много шума. «И с тех пор Чайковский так там и остался изумленный, с разведенными руками», — говорит об этом случае московский фольклор.

Советское правительство отреагировало довольно жестко, направив в Пхеньян ноту протеста. Корейцы были вынуждены извиниться и отозвать домой проштрафившегося посла. В беседе с Пузановым Ким только развел руками: «Как все это нехорошо!»[10] Но главным следствием этой истории стало резкое сокращение количества северокорейских студентов в советских вузах.

Последний эпизод фракционной борьбы в КНДР имел место в 1966 году. Среди бывших партизан существовала небольшая «капсанская» фракция, объединявшая тех, кто не участвовал непосредственно в боевых действиях, а отвечал за снабжение отряда Кима. Капсанец Пак Кым Чхоль предложил всю ту же старую программу оппозиции: преимущественное развитие легкой промышленности, улучшение жизни народа, сокращение расходов на оборону. Вместе со своими соратниками он был объявлен фракционером. Пак был снят со своего поста, дальнейшая его судьба неизвестна.

В вопросе о том, чтобы было бы, если бы оппозиция в КНДР

победила, единства нет, равно как и в спорах о том, что случилось бы, если бы в СССР восторжествовали сторонники Льва Троцкого или Николая Бухарина.

В любом случае можно уверенно предположить, что создать и сохранить столь прочную систему власти, которая существует в КНДР, вряд ли удалось бы. Коллективное руководство прямо вело к жесткой внутрипартийной борьбе, которая ослабила бы страну. Кроме того, неприязнь значительной части номенклатуры, да и простых людей к корейцам «советским» и «китайским» заложила бы мину под существовавшую систему.

Есть версия, что в случае избрания Чхве Чхан Ика председателем ЦК ТПК серьезно усилилось бы влияние Китая с возможным последующим проведением реформ по образцу того, что делал Дэн Сяопин. Однако при этом забывают такие важные аспекты проблемы, как несопоставимость природных и людских ресурсов Китая и Кореи или невозможность предсказать, чем обернулась бы, скажем культурная революция в корейских условиях.

Сам Ким Ир Сен считал победу над фракционерами одним из основных своих достижений в качестве лидера государства: «Борьба с фракционностью, которую мы вели, была весьма сложной и тяжелой. Откровенно говоря, эта борьба нашей партии, хотя и была борьбой против внутренних врагов, оказалась не менее трудной, чем Отечественная освободительная война против американских империалистов»[11].

Вторым важнейшим достижением Ким Ир Сена после ликвидации фракционности, с которой он так долго боролся, стало постепенное избавление от опеки СССР и Китая при сохранении их военной и дипломатической поддержки, а также экономической помощи. В непростой обстановке нарастания противоречий между двумя «старшими братьями» по соцлагерю ему удавалось балансировать между ними, ведя страну своим курсом.

К Никите Хрущеву Ким Ир Сен изначально относился весьма прохладно. Советский лидер раздражал его и критикой культа личности, и разрядкой с Западом, и попытками вмешательства в дела ТПК. Кроме того, он заподозрил Хрущева в попытках ограничить самостоятельность Кореи. Поэтому, несмотря на уговоры, КНДР отказалась от вступления в Совет экономической взаимопомощи (СЭВ), куда к началу 1960-х годов входило большинство социалистических стран и на деятельность которого советское руководство возлагало особые надежды.

«Советские руководители изобрели нечто новое — СЭВ, включили в него страны Восточной Европы и, держа в своих руках

бразды правления их экономикой, навязывали им ими же составленные экономические планы, — вспоминал он в начале 1990-х годов. — И, как следствие, промышленность и сельское хозяйство этих стран оказались в зависимости от Советского Союза и, в конце концов, все они с развалом СССР нашли свою гибель. В 1956 году Хрущев предложил мне вступить в СЭВ, но мы не пошли на это… Хрущев предложил мне войти в СЭВ и пользоваться электроэнергией, выработанной на этой [Братской] ГЭС, но я отказался. Ведь в условиях, когда рубильник источника электроэнергии в руках советских людей, они могут отключить сеть, и наша страна будет переживать крайние трудности с электроэнергией. Поэтому я не пошел на предложение Хрущева и взял направление на широкое строительство у себя электростанций собственными силами»[12].

Но больше всего Кима разозлила отмена государственного визита советского лидера. С 1958 года он начал осторожно зондировать почву насчет возможного приезда делегации ЦК КПСС на высшем уровне, а впоследствии — и подписания договора о дружбе и сотрудничестве между СССР и КНДР. Хрущев в ответ направил письмо с обещанием лично приехать в Пхеньян.

Ему демонстрировали различные знаки уважения. Начались срочный перевод и издание речей Никиты Сергеевича на корейском. Планировался грандиозный прием, во время которого гостя должны были приветствовать до миллиона жителей Пхеньяна и окрестностей. И даже любимый злак советского лидера не был обойден стороной. Ким предложил своему старому другу Штыкову, работавшему первым секретарем Приморского крайкома КПСС, развернуть соревнование по урожайности посевов кукурузы. (Правда, когда он попросил бывшего совпосла помочь с семенами, Штыков был вынужден отказать, объяснив, что не имеет для этого полномочий.)

Все было тщетно. Визит постоянно откладывался. В октябре 1959 года оба лидера встретились на 10-летии Китайской Народной Республики в Пекине. Хрущев приехал туда вскоре после визита в США, воодушевленный встречей с президентом Дуайтом Эйзенхауэром. Предложения по тайваньской проблеме, которые он обсуждал в Вашингтоне и привез в Пекин, вызвали гнев китайского руководства, увидевшего в них измену союзным обязательствам. В итоге, пребывая в не вполне трезвом и адекватном состоянии, Хрущев окончательно разругался с Мао. Ким Ир Сен во время двусторонней встречи выразил поддержку позиции СССР, но и это не помогло.

В 1980-е годы он вспоминал об этом эпизоде в беседе с советскими дипломатами: «Дело прошлое, неприятное, но надо

вспомнить. В свое время Хрущев обещал посетить КНДР, и мы объявили это народу. Все коммунисты начали изучать его биографию и труды. Потом Хрущев поехал в Пекин. Я сказал ему, что через несколько дней жду его в Пхеньяне. Он ответил: "Я только что был в Штатах и после встречи с Эйзенхауэром не смогу дурно высказываться о США". Я не знал, что сказать нашим коммунистам…»[13]

В итоге союзнический договор был-таки подписан в 1961 году в Москве. Он был весьма удачным для КНДР. Первым пунктом там стояло обязательство оказать военную или иную помощь в случае, если одна из сторон подвергнется нападению. Тем самым Север в значительной степени обезопасил себя от возможности агрессии со стороны Юга. Кроме того, прямо из Москвы, не поставив в известность об этом советское руководство, Ким Ир Сен поехал в Пекин, где подписал точно такой же договор с КНР, получив тем самым двойные гарантии безопасности.

Однако он не был уверен в решимости советских товарищей выполнять договоренности. Особенно насторожил его Карибский кризис и вывод советских ракет с Кубы под давлением США. А что, если такая же ситуация возникнет с Кореей? — задавался он вопросом. Северокорейская печать все чаще критиковала концепцию мирного сосуществования двух систем. «Нодон синмун» писала об ошибочной политике «одного человека» (Хрущева) и обвиняла советскую верхушку в заговоре с целью свержения руководства КНДР. А один из пленумов ЦК ТПК прямо осудил СССР за ревизионизм.

Симпатии Кима были скорее на стороне Китая. В начале 1960-х он поддерживал все инициативы Пекина и копировал многое из китайской политической практики. Северокорейские газеты перепечатывали китайские материалы с критикой СССР. Так, в мае 1960 года пресса КНДР перепечатала китайскую статью «Да здравствует ленинизм!», содержащую критику КПСС за то, что она «исказила учение Ленина о неизбежности войн, пока существует капитализм».

В СССР в 1964 году сменилась власть. Со второй попытки удалось сместить Никиту Хрущева, и его место с подачи партийного аппарата занял еще молодой и статный Леонид Брежнев. В условиях все ухудшающихся отношений с Китаем новое руководство стало налаживать контакты с КНДР. В 1965 году в Пхеньян приехала советская делегация во главе с Алексеем Косыгиным. Корейцам простили долги и возобновили поставки военной техники, кроме того, именно с этого времени начались работы по созданию ядерного реактора в Йонбене.

А в мае 1966 года состоялся тайный саммит «Брежнева и

Кима на Дальнем Востоке. Зачем двум лидерам понадобилось встречаться вдали от посторонних глаз и что они обсуждали? Достоверно это до сих пор неизвестно. Скорее всего, говорили о «китайском вопросе». Поднебесная бурлила — там как раз начиналась Великая пролетарская культурная революция. На улицах вывешивались плакаты: «Разбить собачьи головы Брежнева и Косыгина», на партийных пленумах и в студенческих аудиториях обсуждали советских ревизионистов и их китайских приспешников. Все это тревожило Москву, которая нуждалась в КНДР как в твердом региональном союзнике.

Косвенное подтверждение этому факту дает программа поездки. Ким Ир Сена решили ублажить по высшему разряду. Сперва они с Брежневым слетали на самолете в Хабаровск и посетили базу в Вятском. Ким не мог сдержать волнение при виде Амура и мест, где провел молодость. Официальные переговоры прошли на следующий день на борту ракетного крейсера «Варяг». Флотский офицер Сергей Турченко вспоминал, как это было:

«Утром 21 мая к парадной сходне ракетного крейсера подошел белоснежный катер командующего флотом, над которым развевался флаг Верховного главнокомандующего Вооруженными силами СССР. С его палубы молодцевато спрыгнул на первую ступеньку сходни еще достаточно молодой тогда Леонид Ильич.

Вскоре к крейсеру пришвартовался еще один белоснежный катер. Леонид Ильич раскрыл объятия поднявшемуся по сходне человеку азиатской наружности в сером пальто и кепке. Моряки сразу узнали Ким Ир Сена, портреты которого в то время нередко публиковались в советской печати.

Гостям вручили традиционные флотские подарки: тельняшки и бескозырки. Леонид Ильич тут же отдал кому-то из сопровождавших шляпу и с треском натянул бескозырку — она оказалась маловатой. «Все, товарищи, — пошутил генсек, — шляпу выбрасываю. Буду носить только бескозырку!» Шутка всем показалась удачной. Под смех и аплодисменты Брежнева проводили в отведенную для него каюту.

Ким Ир Сен с благодарностью принял пакет с тельняшкой и бескозыркой. Но кепку снимать не стал. Обошелся без шуток. Лишь приветливо улыбался, обводя взглядом стоящих на палубе моряков»[14].

В течение нескольких часов крейсер кружил по заливу Петра Великого между поросшими лесом сопками острова Русский и промзонами окраин Владивостока. Сперва гостю показывали боевые стрельбы «Варяга». Ким был в восторге: по его глазам было видно, как он хотел получить такие ракеты. Ему как бы намекали, что для надежных друзей СССР все возможности

открыты.

Затем Ким и Брежнев уединились в каюте командира, переоборудованной под салон переговоров. Туда им был подан обед: борщ и макароны по-флотски. Обошлись без переводчиков, поскольку русский язык со времен Вятского Ким не забыл. Переговоры на военном корабле в открытом море считаются самыми надежно защищенными. Даже если кто-то попытается их прослушать, шум двигателей не позволит. Вдали от ненужных китайских и прочих ушей два лидера беседовали несколько часов. Затем улетели каждый в свою столицу.

В целом их отношения теплотой не отличались. Леонид Ильич воспринимал амбиции вождя КНДР с подозрением. Он постоянно напоминал Киму, что не нужно создавать напряженность в отношениях с Югом и думать о силовом воссоединении страны. Одной войны, мол, уже достаточно. Тот, в свою очередь, продолжал считать, что руководство СССР морально одряхлело, переродилось и недостаточно поддерживает революционный корейский народ.

Неизвестно, насколько встреча на «Варяге» повлияла на отношение Ким Ир Сена к Китаю, но вскоре все испортили сами китайцы. По мере развития культурной революции студенты-хунвейбины стали проявлять интерес и к корейским делам. Однажды они подогнали репродуктор к берегу Амнока и стали через границу призывать Кима покаяться в ошибках. А во время его визита в Пекин в 1967 году группа молодежи стала выкрикивать в его адрес оскорбления: его обозвали «жирной контрреволюционной свиньей, которая живет в пяти дворцах», обвинили в тяге к роскоши, насаждении культа личности, а также в том, что в Корее не произошло ничего похожего на культурную революцию.

Этот эпизод взбесил Кима. «Что может быть хуже, чем вмешательство во внутренние дела? Почему другие страны опять учат нас жить? О чем вообще думает Мао, когда его страна скатывается в хаос?» — думал он, глядя на рисовые поля за окном вагона, увозившего его из охваченного смутой Пекина в спокойный родной Пхеньян.

Кимирсеновский маятник качнулся со стороны Китая в сторону СССР и застыл посередине. С этих пор в Северной Корее китайский «догматизм» клеймили наряду с советским «ревизионизмом» и соблюдали равноудаленное отношение к обеим великим державам социалистического мира.

В условиях, когда связи с внешним миром были сведены до минимума, оставался один путь развития — использование внутренних ресурсов и главным образом человеческого фактора.

На первых порах это давало впечатляющие результаты.

В конце 1956 года на Кансонском сталелитейном заводе Ким Ир Сен дал старт движению «Чхоллима» — аналогу стахановского соцсоревнования в СССР и начавшейся чуть позже политики «большого скачка» в Китае. «Мы должны делать десять шагов, когда другие — один шаг, а когда те пробегают десять шагов, мы — сто, — говорил он рабочим. — Страна сможет выпрямить спину, если вы дадите 10 тысяч тонн стального проката сверх плана».

«Чхоллима» — корейский Пегас, мифический крылатый конь, преодолевавший огромные расстояния. Никто не мог его укротить, поэтому он улетел в небо. «Товарищ, а ты уже на коне? Устремимся вперед темпами "Чхоллима"!» — неустанно призывали из репродукторов на улицах и по радио пропагандисты. Данные, приводимые в северокорейской литературе относительно темпов «Чхоллима», и вправду выглядят несколько фантастически. Кансонские сталевары, согласно им, прокатили 120 тысяч тонн стали на блюминге с расчетной производительностью 60 тысяч тонн. Рабочие металлургического завода имени Ким Чака не отставали: выплавили 270 тысяч тонн чугуна на оборудовании мощностью 190 тысяч тонн. А столичные строители якобы завершали сборку конструкций одной квартиры за 14 минут.

В апреле 1961 года в Пхеньяне открылся монумент «Чхоллима», символизирующий успехи движения. Крылатый конь высотой 14 метров и длиной 16 метров размещен на высоком каменном постаменте. Ким участвовал в проектировании памятника, указав, что всадников должно быть двое: мужчина с красным письмом ЦК ТПК в руке и женщина со снопом риса.

Движение «Чхоллима» по сути своей обозначало приоритет духа над техникой. Символично, что такое же название получила молодая сборная КНДР по футболу, сотворившая настоящую сенсацию на чемпионате мира 1966 года. Северная Корея стала членом Международной футбольной федерации — ФИФА — лишь в 1958 году Большинство игроков сборной даже не были профессионалами, а были отобраны из отраслевых команд различных предприятий и воинских частей. Напутствуя их перед отъездом на чемпионат мира в Англию, Ким Ир Сен призвал выиграть хотя бы один матч. Это они и сделали: уступив Советскому Союзу и сыграв вничью с Чили, северокорейцы выбили из группы сборную Италии. Автором единственного гола был типографский рабочий Пак Ду Ик. А в четвертьфинале «Чхоллима» атаковала португальцев, забив им три гола, но все же уступила в итоге со счетом 3:5.

Впоследствии в СМИ и в литературе о КНДР появилась информация, что якобы все игроки сборной были репрессированы и посажены в тюрьму за пьянку после выигрыша у итальянцев, кроме Пака, которого всего лишь отправили работать лесорубом в отдаленную провинцию. Но эти измышления опроверг режиссер-документалист Даниэл Гордон, разыскавший семерых футболистов сборной спустя почти 40 лет и снявший фильм «Игра их жизней». А Пак и вовсе стал на родине национальным героем. В 2008 году именно ему доверили нести олимпийский факел перед играми в Пекине и передавать его китайской стороне.

Тот успех северокорейской сборной так и остался непревзойденным. На чемпионате мира 2010 года, где вновь играла «Чхоллима», ей не удалось выйти из группы. И вновь в СМИ появились слухи. Сначала о том, что футболисты якобы сбежали и попросили убежища. Потом, когда стала очевидна их нелепость, — о том, что все они отправлены в лагеря. Вскоре, правда, игроки и тренер сами это опровергли.

В том же ключе, что и движение «Чхоллима», была выдержана теория трех революций — идеологической, технической и культурной, которую Ким Ир Сен выдвинул, выступая на митинге по поводу 10-летия КНДР. Хотя в Корее и создано социалистическое общество, революцию необходимо продолжать вплоть до построения коммунизма. Она трансформируется в три части, из которых важнейшей является идеологическая. «Для построения социалистического общества следует не только ликвидировать источники эксплуатации и установить социалистические производственные отношения, но и создать прочную материально-техническую базу социализма и социалистически преобразовать сознание самих людей», — утверждал он.

Ким, как креативный и энергичный лидер, постоянно ездил по стране, встречался с людьми, старался все контролировать сам. Как он выражался, «что бы я ни делал, я не могу чувствовать себя легко, если не держу всю ситуацию в руках». Ему было дело до всего, от варки чугуна до съемок фильмов и от строительства квартир до ловли рыбы. Частенько он оставался в отдаленном колхозе или на заводе на несколько дней, чтобы непосредственно управлять процессом, давать ценные указания и вдохновлять работников. Это называлось «руководство на месте».

Ким проводил в поездках по стране порядка двадцати дней в месяц. Северная Корея — страна небольшая, и в течение года он стремился посетить каждую провинцию. Информация о таких поездках тщательно фиксировалась, а затем распространялась северокорейской пропагандой.

Вот характерный пример, рассказ о руководстве на месте утиной фермой:

«Родной вождь, посетивший Кванпхоскую утиную фабрику, посоветовал изучить различные методы обработки утятины. Он заботился о том, чтобы все люди ели утиное мясо с аппетитом. Он рекомендовал, как лучше вести засолку утиных яиц, как лучше эксплуатировать коптильную фабрику.

После осуществления любимым вождем руководства на месте работники утиной фабрики сразу же стали применять в порядке опыта различные способы обработки утиного мяса. Здесь неотложно приступили к строительству коптильной фабрики и оснащению ее оборудованием.

Спустя несколько дней они получили узорчатый кувшин, заполненный солеными утиными яйцами. Это был образец утиных яиц, засоленных в резиденции великого вождя.

Собравшись вокруг кувшина с солеными утиными яйцами, работники фабрики погрузились в глубокое раздумье. Они до слез были тронуты отеческой любовью родного вождя, который, несмотря на столь большую занятость, лично прислал этот кувшин с солеными утиными яйцами. Все понимали, что это было прислано для того, чтобы научить работников утиной фабрики готовить для народа вкусные яйца. От волнения собравшиеся глотали горячие слезы.

Они чувствовали всеми фибрами души счастье — жить и трудиться под руководством уважаемого вождя, который, желая в достатке снабдить народ вкусными пищепродуктами, лично занимался засолкой утиных яиц.

Воодушевленные примером великого вождя работники утиной фермы с еще большим рвением принялись за обработку утятины и яиц. Они наладили производство разных видов соленых яиц и консервов. Преодолев неудачи, они наладили также выпуск разнообразных вкусных копченостей.

Получив первую порцию копченостей, используя новое оборудование и применив новый метод, работники фабрики послали их в первую очередь дорогому вождю. Прошло несколько дней. И вот первые образцы продукции, посланные в подарок родному вождю, неожиданно были возвращены обратно. Упаковка и ящики были те же самые. Работники фабрики подумали, что их продукты не передали родному вождю из-за плохого их качества и вернули обратно.

Но, внимательно разобравшись, они нашли на каждом образце записки, собственноручно написанные родным вождем: "Очень вкусно, хорошо посолено", "Вкусно, хорошо посолено", "Не вкусно, недосолено", "Недосолено", "Невкусно", "Удачно".

Он лично попробовал каждый из посланных ему образцов и сделал замечания на листках бумаги. Все присутствующие, вглядываясь в собственноручно написанные любимым вождем записки, застыли в безмолвии»[15].

Зимой 1960 года Ким Ир Сен в течение двух недель руководил на месте работой крестьян в селе Чхонсан и придумал метод «Чхонсанри». Основа его заключается в том, чтобы вышестоящий орган всегда помогал нижестоящему, руководитель — подчиненным. Он должен идти в низы, всегда сам вникать во все подробности работы и быта крестьян, отдавая приоритет идеологической работе.

В следующем году, приехав на Тэанский электромеханический завод неподалеку от Пхеньяна, Ким изобрел Тэанскую систему работы. Он сделал вывод, что руководство экономикой и особенно промышленностью нельзя доверять профессиональным экономистам, так как они действуют на основе расчетов, не учитывая фактор энтузиазма народных масс. Нужно мобилизовать людей так, чтобы они делали невозможное, а это может сделать только партия под руководством вождя. Предприятию не нужен единовластный директор, которого следует заменить коллективным руководством. Управление на заводе должно быть комплексным с упором на идеологическую работу. А обеспечение материалов и потребностей работников должно по возможности производиться за счет своих резервов. Таким образом, метод «Чхонсанри» и Тэанская система работы закрепили жесткий контроль партийных органов над промышленностью и сельским хозяйством.

Так в 1950—1960-е годы сложились основы кимирсеновской экономики. Метод «Чхонсанри» и Тэанская система работы даже прописаны в Конституции КНДР. Характерной особенностью этой модели является почти полное отсутствие материальных стимулов. Северокорейцы должны работать за идею, а не за деньги.

В это же время в стране началось массовое производство виналона — волокна корейского образца. Это прочное, износо- и светостойкое синтетическое волокно используется для производства тканей, одежды, рыболовных сетей, брезента, швейных нитей и других товаров. Виналон был изобретен корейским ученым-химиком Ли Сын Ги в 1939 году в Японии. После освобождения страны Ли вернулся на родину и занимался научной работой, однако был уволен из университета из-за несогласия с политикой американской администрации. В начале Корейской войны он переехал на Север, где, несмотря на военное время, ему были предоставлены все условия для работы по

получению синтетического волокна. «С одной стороны, я был удивлен, с другой — счастлив. Я был счастлив узнать, что всего за пять лет Корейская Народно-Демократическая Республика смогла подготовить квалифицированный технический персонал для промышленного изготовления спирта из карбида. Это означало, что у нас заложена твердая основа для продолжения исследований по внедрению виналона в промышленное производство, а именно этим я и собирался заниматься», — вспоминал Ли.

В горах провинции Рянган химику выделили огромную пещеру, в которой разместилась его лаборатория и проходили научные эксперименты. Они увенчались успехом: в 1956 году Ли получил опытный образец виналона. После этого началось строительство виналоновой фабрики в Хамхыне. Ким Ир Сен решил превратить город в центр химической промышленности. По его указанию там были сосредоточены основные исследовательские учреждения по химии и создан филиал Академии наук КНДР, который и возглавил Ли Сын Ги. В 1961 году фабрика имени 8 февраля вступила в строй и выдала первую продукцию.

Виналон по праву считается образцовым чучхейским изобретением. Во-первых, он изобретен корейцем, а вся производственная цепочка создана и функционирует в КНДР. Во-вторых, сырьем для выпуска виналона являются антрацит и известняк, которые не надо импортировать, а можно легко взять буквально из-под ног. Таким образом, виналон от начала и до конца делается по принципу опоры на собственные силы. И хотя в мире этот материал был вытеснен более практичным нейлоном, в Северной Корее его делают до сих пор.

Научные заслуги Ли Сын Ги в 1960-х годах получили признание во всем мире, в том числе и в Советском Союзе: он стал лауреатом Ленинской премии и иностранным членом Академии наук СССР. Ким Ир Сен очень ценил Ли за практическую связь науки с производством, умение внедрять свои разработки в жизнь и не раз приводил его в пример коллегам-ученым.

«Если им [ученым] не давать никаких исследовательских заданий и не контролировать, то сколько ни жди, их уровень не повысится, — отмечал он, выступая перед ответственными работниками здравоохранения, — нельзя будет также знать, чем они занимаются целый год. Как-то товарищ Ли Сын Ги говорил, что сейчас ученые сидят и читают книги, но толком нельзя понять, то ли они по-настоящему занимаются, то ли думают о чем-то постороннем. И он предложил давать ученым научные

задания, и если те не выполнят их, то не давать им рис и деньги»[16].

Возможно, именно такая судьба постигла автора чучхейского открытия номер два — системы «кёнрак». В 1961 году профессор Ким Бон Хан путем наблюдения в микроскоп человеческого тела обнаружил в нем, помимо знакомых нам кровеносной, лимфатической и нервной, четвертую систему организма. Это «кёнрак» — система микроскопических каналов в человеческом теле, осуществляющих его целостность и связь с внешней средой. Профессор полагал, что именно «кёнрак» лежит в основе методов лечения восточной медицины (в частности, иглоукалывания).

Все это тоже звучало весьма по-чучхейски: кореец сделал открытие, подтверждающее эффективность традиционной корейской медицины. Об этом доложили Ким Ир Сену, и он направил Ким Бон Хану специальное поздравление: «Горячо поздравляю Вас с великим научным достижением, открытием субстанции кёнрак… Весь корейский народ высоко оценивает Ваш подвиг и гордится им как великим достижением в развитии науки нашей страны… Ваша преданность партии и народу демонстрирует благородный облик красных ученых, выпестованных нашей партией».

«Великое открытие», «великий перелом в решении основных проблем биологических наук», «революция в развитии медицины» — так писали об этом в корейской печати. В Пхеньяне был создан специальный институт по изучению системы «кёнрак». Книгу Ким Бон Хана перевели на многие языки, включая русский, о ней заговорили в медицинских кругах. Были выпущены даже специальные почтовые марки с портретом профессора.

Однако советские ученые-цитологи сочли «великое открытие» фальшивкой. Доктор биологических наук Владимир Александров вспоминает, как от имени Научного совета по проблемам цитологии при АН СССР составил отзыв о вздорности учения о «кёнраке» и опасности заражения им советской науки. «Мы не можем безразлично относиться к тому, что в дружественной нам КНДР биология и медицина калечатся лжеучением Ким Бон Хана. Слишком свежи в нашей памяти трудные для нашей биологии годы, к счастью, ушедшие в прошлое», — сказано в документе[17]. (Любопытно, что Александров и другие «подписанты» этого документа, напоминающие о «трудных для биологии» сталинских годах, оформили свое обращение именно в стилистике доноса, свойственной тому времени.)

Отзыв был направлен в ЦК КПСС. Вероятно, информация вскоре легла на стол и товарищам из ЦК ТПК. Вскоре институт «кёнрака» прекратил свое существование, Ким Бон Хан пропал с

публичной арены, а кампания по пиару четвертой системы организма свернута. Но не навсегда.

«Ким Сук Ён — профессор, доктор наук, заслуженный врач, работает в НИИ иглоукалывания и прижигания Академии корёсских медицинских наук. В ходе многочисленных исследований точек акупунктуры, используемых в иглотерапии в рамках теории "кёнрак" (сосудистая система), ее коллективу удалось составить новую схему нервных каналов (меридианы)», — пишет в 2010 году журнал «Корея» в статье «Героиня корёсской медицины КНДР». Таким образом, судьба чучхе-открытия номер два так и не прояснена до конца, и, вероятно, мы еще услышим о «кёнраке».

…В начале 1960-х годов экономика КНДР продолжала бурно развиваться. По официальным данным, пятилетка была выполнена досрочно. Промышленное производство выросло в 3,5 раза, а среднегодовой рост составил 36,6 процента. В 1960 году в КНДР было произведено 9,7 миллиарда кВт. ч электроэнергии, 600 тысяч тонн чугуна, 700 тысяч тонн стали. В мире экономисты левой ориентации заговорили о северокорейском экономическом чуде. Побывавший в Пхеньяне Че Гевара был в восторге и заявил, что Корея является для Кубы образцом в вопросе послевоенного восстановления экономики. «Мы познакомимся и изучим успехи и опыт, приобретенный замечательным корейским народом в его борьбе против империализма США, и расскажем о них нашему правительству и народу», — говорил Че журналистам.

Однако посол ГДР в КНДР Рихард Фишер отмечал, что «желание корейских друзей опережает их возможности». И хотя цифры производства стали и чугуна впечатляли, планы опередить по промышленному производству Японию оставались нереальными. Да и перекосы в развитии были очевидны: если база в виде тяжелой промышленности была создана и работала, то с легкой промышленностью и сельским хозяйством все обстояло далеко не так радужно. А главное — уровень жизни населения оставался по-прежнему весьма низким.

При этом Северная Корея в экономическом развитии тогда значительно опережала Южную. Многие беженцы, перешедшие во время войны на Юг, жалели о своем решении. Ставка Ли Сын Мана на развитие легкой промышленности (приоритет «трех белых промышленных производств» — мукомольного, сахарного и хлопкового) оказалась в целом провальной. Южная Корея в это время находилась на уровне отсталых африканских государств. Ее называли «страной соломенных крыш». В стране не было ни одного многоэтажного дома, только четверть жителей Сеула пользовались канализацией. 40 процентов трудоспособного

населения были безработными. Половину бюджета страны составляла помощь США, процветала коррупция, обогащался лишь небольшой слой чиновничества и олигархии. Росло недовольство властями.

В 1960 году состоялись президентские выборы, результат которых был сфальсифицирован в пользу Ли Сын Мана. Это вызвало взрыв возмущения. По всей стране начались демонстрации протеста, перераставшие в стычки с полицией и войсками, в которых особенно активную роль играли студенты. Эти события получили название Апрельской революции. В результате народных выступлений Ли был вынужден отказаться от власти и уехать на Гавайи.

После его ухода Южная Корея оказалась ввергнута в состояние анархии. Правительства, сменявшие друг друга, были не в состоянии контролировать ситуацию. И тогда на сцену вышли военные во главе с генерал-лейтенантом Пак Чон Хи.

Судьба Пака весьма причудлива и содержит немало удивительных поворотов. Он родился в 1917 году на самом юге Корейского полуострова в небогатой крестьянской семье. Несмотря на это, он сумел получить образование и некоторое время работал школьным учителем.

В 1940 году происходит первое перевоплощение: забросив учительство, Пак идет служить в японскую армию. Затем поступает в Военную академию в Маньчжурии, где показывает столь высокие успехи, что получает лично из рук императора Пу И золотые часы и отправляется на обучение в Японию. Оттуда он возвращается лейтенантом Масао Такаги, сменив корейское имя на японское, и принимает активное участие в боевых действиях в Северо-Восточном Китае.

В Южной Корее популярна легенда, что в бою он сталкивался с Ким Ир Сеном и его партизанами. Точных сведений об этом историкам неизвестно, но сам факт, что два будущих лидера Севера и Юга еще задолго до освобождения страны находились по разные стороны линии фронта, выгладит вполне символично.

После войны, несмотря на чистки «прояпонского элемента», Пак поступает служить в южнокорейскую армию, где происходит второе перевоплощение: молодой офицер неожиданно увлекается левыми идеями, создает коммунистическую ячейку и принимает участие в восстании 44-го полка, отказавшегося подавлять народный бунт на острове Чечжу.

После ареста Пака вместе с другими офицерами приговаривают к смертной казни, и тут происходит третье перевоплощение: он начинает сотрудничать со следствием и выдает всех известных ему коммунистов, включая родного брата.

После этого Ли Сын Ман по совету своих американских консультантов прощает его. Пак начинает службу в армейской контрразведке, занимаясь чистками левых и прочих неблагонадежных элементов.

В войне 1950–1953 годов Пак проявляет себя как один из лучших боевых командиров. После заключения перемирия он проходит стажировку в США, а к началу 1960-х годов занимает пост заместителя командующего 2-й армией. После военного переворота 1961 года Пак становится лидером страны. «У меня было такое чувство, как будто я принял дела обанкротившейся фирмы», — говорил он потом, оценивая ее состояние. Он будет править 18 лет, до своей гибели в 1979 году.

По характеру Пак был человеком военной закалки — жестким, требовательным к себе и другим и даже аскетичным. Рассказывают, что, даже встав во главе государства, он продолжал питаться рисом пополам с просом и подкладывал в туалетный бачок кирпич, чтобы ограничить потребление воды. Подобно римскому сенатору Юлию Агриколе, он до конца жизни возделывал небольшой участок земли в родном селе.

Такой же скромности Пак требовал и от подчиненных. Однажды на приеме он устроил публичный разнос чиновникам, жены которых явились на него с бриллиантами: «Откуда в нашей бедной стране вы взяли деньги на эти побрякушки! Чтобы я больше такого никогда не видел!»

Он внимательно следил за своими подчиненными. После смерти Пака в его сейфе нашли досье на людей из ближайшего окружения, написанное каллиграфическим почерком[18].

16 мая 1961 года в стране произошел военный переворот. Несколько тысяч солдат по приказу своих командиров-заговорщиков вошли в Сеул и, согласно классической ленинской методике, заняли почту, телеграф, радиостанции, издательства и здания органов власти. Они объяснили свои действия тем, что «настало время дать руководство нации», и обещали после наведения порядка в стране уйти от власти и провести демократические выборы.

Однако Пак Чон Хи, возглавивший Военно-революционный комитет, отнюдь не собирался уступать кому-либо руководство страной. Два года он правил в качестве военного диктатора, а в 1963 году выдвинул свою кандидатуру на президентских выборах и победил.

«Мы сделаем то же, но лучше и быстрее», — заметил он, посмотрев фильм об экономических успехах Севера. И действительно, он вошел в историю как человек, который сумел превратить одну из беднейших стран Азии в стабильное

государство с самостоятельной экономикой. Как отец южнокорейского экономического чуда.

Чудо стало возможным благодаря жесткому управлению экономикой в ручном режиме: была резко усилена роль государства, введено централизованное планирование. В практику вошли пятилетние планы, правительство контролировало внешнюю торговлю и предпринимало протекционистские меры для защиты отечественного производителя. Согласно новой концепции экономического развития, Корея должна была создавать производства, ориентированные на экспорт, стать своеобразным сборочным цехом для других стран. С этой целью правительство выделило из множества корпораций-«чеболь» десять самых перспективных и обеспечило им режим наибольшего благоприятствования в обмен на поддержку государственных преобразований в экономике. Это и были ставшие впоследствии знаменитыми «киты» южнокорейского бизнеса — корпорации «Samsung», «Hyundai», «Gold Star» (будущая «LG Electronics») и др.

Новая экономическая политика принесла свои плоды. В конце 1960-х годов ежегодный прирост валового национального продукта составил 9,7 процента. Доля тяжелой промышленности возросла и составила одну треть от общего объема производства. Южнокорейской экономике удалось избавиться от тотальной зависимости от помощи США. К середине 1970-х годов Юг догнал и перегнал Север по уровню промышленного развития[19].

Почему КНДР не смогла пойти таким же путем? Ссылки на традиционную неэффективность экономики в странах соцлагеря здесь вряд ли уместны, поскольку есть примеры Китая и Вьетнама, успешно развивших у себя ту же модель «экспортной экономики», что и Республика Корея. Можно говорить о целом комплексе причин, как субъективных, так и объективных. К первым относится упорное стремление Ким Ир Сена строить самостоятельную экономику на основе группы А — «производства средств производства». Уже в 1980-е годы, когда успехи Юга стали очевидны и руководству Севера, он говорил о том, что там создана порочная модель, слишком зависимая от продажи товаров в другие страны. Ко вторым — отсутствие даже потенциальных рынков сбыта для продукции северокорейских предприятий, так как КНДР находилась в международной изоляции, причем куда более жесткой, чем другие страны коммунистического блока. Оставались трудовая этика корейцев и налаженные связи внутри соцлагеря, благодаря которым экономика поддерживалась на плаву и даже развивалась вплоть до начала 1990-х годов.

Южнокорейские экономические реформы осуществлялись жесткими административными методами. Как и Ким, Пак старался все контролировать, вникать во все сферы жизни, постоянно осуществлял руководство на месте различными производствами во время многочисленных поездок по стране.

Режим Пака носил авторитарный характер. Он не боялся применять силу против политических противников, репрессировал левых активистов и зажимал политические свободы. Периодически проходили массовые кампании по выявлению шпионов, существовал запрет на свободное перемещение по стране и, например, на владение коротковолновыми радиоприемниками. (Похоже, что эти меры тоже были позаимствованы с Севера.)

Идеологически это обосновывалось тем, что демократия западного типа для Кореи не подходит, она должна существовать на базе здорового национализма. В этой части режим Пака тоже имел много общего с режимом Кима. Достаточно отметить, что он ввел в употребление термин «чучхесон» — национальный субъективизм, очень близкий по своей сути к идеям чучхе.

Отношения двух корейских государств в 1960-е годы развивались довольно драматично. Поначалу Ким с интересом следил за Паком. На фоне Ли Сын Мана он выглядел человеком волевым, национально ориентированным и готовым к неожиданным решениям. Когда Пак подал сигнал о готовности к переговорам, он получил положительный ответ. В Сеул был отправлен заместитель министра торговли КНДР, который должен был осуществлять связь. Однако о тайных переговорах узнали американцы. Северокорейский связной сначала был арестован, а затем казнен по обвинению в шпионаже, после чего переговоры были свернуты.

Чем дальше, тем больше Пак демонстрировал, что является ничуть не меньшим антикоммунистом и проамериканским политиком, чем его предшественник. Корейские солдаты по его приказу отправлялись на помощь американцам воевать во Вьетнам. Созданную при нем спецслужбу, не мудрствуя лукаво, назвали ЦРУ. В Сеуле не раз проводились международные встречи лидеров стран Азии — противников коммунизма. Для него было важно, чтобы Республика Корея стояла в авангарде этого движения. Прямо было объявлено о том, что делается ставка на борьбу с «красной чумой» до победного конца и объединение страны силой.

В ответ Ким Ир Сен, находясь под впечатлением вьетнамских событий, где партизаны Хо Ши Мина успешно громили проамериканское правительство Юга страны, решил сделать

ставку на рост недовольства, формирование левого подполья и дестабилизацию ситуации в Республике Корея.

В 1968 году элитное подразделение спецназа получило задание: штурмовать Голубой дом — президентскую резиденцию в Сеуле — и постараться уничтожить Пак Чон Хи. Группа бойцов, переодетая в форму солдат армии Юга, перешла границу возле Кэсона. По дороге к Сеулу они наткнулись на лесорубов, которых, однако, не убили, проявив неожиданный гуманизм, а отпустили, взяв с них слово, что они будут молчать. Лесорубы тут же сообщили «куда следует». В столице была поднята тревога, органы власти взяты под усиленную охрану.

Добравшись до Сеула, спецназовцы строем двинулись к президентскому дворцу, рассчитывая, что благодаря форме опознаны не будут, но были остановлены за 800 метров до него на полицейском посту. В ходе проверки документов началась перестрелка. Несмотря на перевес в силах на стороне охраны, северокорейцы упорно сопротивлялись и ликвидировали превосходящее число противника. У южан было убито 66 и ранено 68 человек, из числа диверсантов погибли 28 бойцов. Один был взят в плен и впоследствии, отбыв срок, стал священником в одной из сеульских церквей, один пропал без вести, и еще одному удалось-таки бежать обратно в КНДР, где впоследствии он получил генеральский чин. Отметим, что согласно северокорейской версии, к данной операции Пхеньян непричастен, а проводил ее местный партизанский отряд.

Пак Чон Хи горел желанием отомстить. Разрешения на масштабную операцию возмездия от США он не получил, но начал втайне готовить диверсионную группу для убийства Ким Ир Сена. Она состояла то ли из военных, то ли из приговоренных к смерти заключенных, которым нечего было терять. 31 человек — как и в северокорейском отряде — усиленно тренировались на острове Сильми. Однако в начале 1970-х годов проект был отменен. По трагической иронии судьбы после этого история в точности повторилась. Несостоявшиеся диверсанты перебили охрану и двинулись в Сеул, потребовав встречи с Паком. Уже в городе они вступили в бой силами безопасности. Большая часть группы была убита, а оставшиеся в живых расстреляны по приговору трибунала. В 2003 году в южнокорейском прокате вышел боевик «Сильмидо», посвященный этим событиям.

Напряженность на Корейском полуострове достигла апогея, когда через два дня после попытки штурма Голубого дома, 23 января 1968 года, у берегов КНДР был захвачен американский разведывательный корабль «Пуэбло». Это небольшое судно под видом океанографических работ возле восточных берегов Кореи

вело наблюдение за военными объектами и судами, определяло расположение радарных установок, прослушивало радио с целью выявления армейских и флотских командных пунктов. Корейские моряки штурмовали «Пуэбло», убив одного и ранив двоих американцев, и взяли команду из 84 человек в плен.

Капитан Ллойд Бучер, отправляясь в поход, имел приказ ни при каких обстоятельствах не сдавать корабль в плен. В принципе он имел возможность при попытке захвата открыть кингстоны, чтобы «волны морские прославили одни геройскую гибель "Пуэбло"», как 64 года назад другого корабля у тех же корейских берегов. Однако, как впоследствии показал капитан на разбирательстве в США, судно было очень старым и даже затопить его было не так-то просто. К тому же большая часть команды даже не имела представления об истинном характере действий корабля, при этом отсутствовало его прикрытие со стороны сил ВМФ и авиации.

«Пуэбло» был отбуксирован в Вонсан, а моряков провели сквозь строй негодующих горожан, бросавших в них камни и выкрикивавших оскорбления, и отправили в лагерь. (Не забудем, что только 15 лет назад кончилась война, во время которой американцы стерли Вонсан с лица земли — а среди экипажа были и ее ветераны.)

«Часа в два ночи, — рассказывал потом Ким Ир Сен приехавшей в Пхеньян советской делегации, — звонит мне начальник Генерального штаба и сообщает: "Я захватил американский корабль". Я ему говорю: "Зачем ты это сделал?" Он мне рассказал обстоятельства, что шпионский корабль, замаскированный под шхуну, зашел в наши воды территориальные. Разведка сработала, и мы, когда захватили, увидели, что все это американское»[20].

Вождь лукавил перед советскими гостями. Вряд ли решение о захвате «Пуэбло», болтавшегося у корейских берегов уже много дней, могло приниматься без его санкции. Зато эта версия позволяла объяснить, почему СССР узнал обо всем не напрямую, а через третьи руки, от американцев: события-де развивались слишком быстро.

Инцидент вызвал большой резонанс. Мало того что «Пуэбло» был буквально нашпигован современной разведывательной техникой, он еще и оказался первым захваченным военным кораблем США начиная с 1807 года. Это была настоящая пощечина гордости американцев от крохотного коммунистического государства. Президент Линдон Джонсон потребовал немедленного освобождения судна и членов экипажа. Северная Корея настаивала на извинениях за вторжение в

территориальные воды. Однако в Вашингтоне пойти на такой шаг не захотели. К берегам КНДР был направлен Седьмой флот США, началась мобилизация армейских резервов. А Пак Чон Хи призывал американцев поскорее ударить по Пхеньяну.

Советский посол Николай Судариков в этот момент находился в Москве. После консультаций с Брежневым 23 января он вылетел во Владивосток с секретным пакетом для Ким Ир Сена. Оттуда военным самолетом его неожиданно для корейцев (воздушное пространство страны было закрыто) перебросили в Пхеньян. Суть послания заключалась в том, что СССР из-за «Пуэбло» объявлять войну США не будет. На встрече с Сударикoвым Ким объяснял, что корейское руководство намерено было быстро урегулировать инцидент, но это невозможно в связи с угрозами американцев. А выступая на приеме по случаю дня Корейской народной армии, в своем стиле пообещал «ответить на "возмездие" американских империалистов возмездием, а на тотальную войну — тотальной войной».

К войне стали готовиться всерьез. В Пхеньяне открывали законсервированные бункеры и бомбоубежища, объявляли воздушную тревогу, применяли светомаскировку и настойчиво предлагали советскому посольству переехать под землю. Неожиданно правительство КНДР запросило Москву о помощи всеми возможными средствами, в том числе военными, если Северная Корея окажется в состоянии войны, как то было предусмотрено договором о дружбе и сотрудничестве между двумя странами. Худший сюрприз для советского МИДа сложно было придумать. Дипломаты в высотке на Смоленской площади провели немало бессонных ночей, придумывая, как выйти из ситуации, чтобы СССР не был втянут в новый конфликт в Корее.

Ким Ир Сена пригласили приехать в Москву. Он отвечал, что не может оставить страну в такой момент. Поехал министр обороны Ким Чан Бон, который был принят Брежневым. Леонид Ильич разъяснил ему советскую позицию: договор, мол, носит сугубо оборонительный характер и служит «инструментом мира» на Корейском полуострове. Выполнение его представляется очень сложным в условиях, когда общемировой тенденцией является предотвращение войны. Что касается «Пуэбло», то СССР считает полезным не затягивать конфликт и поскорее выдворить команду корабля в США.

В Пхеньяне, разумеется, были недовольны. Однако вида не показывали. Советским специалистам отдали разведывательные приборы с «Пуэбло», включая ценнейший криптотелеграф «KW-7 Orests» на изучение. Разложив на столах прямо в здании посольства чертежные листы, они не торопясь знакомились с

новинками американского ВПК.

Следовать совету Брежнева Ким Ир Сен не спешил. Он решил заняться перевоспитанием «империалистов» в соответствии с чучхейскими принципами: они должны были, во-первых, признать факт совершения ошибки, во-вторых, принести извинения и, в-третьих, дать гарантии ее неповторения. С командой «Пуэбло» проблем не возникло. Они «раскаялись» уже через несколько дней после захвата судна. А вот с Белым домом дело затянулось.

Переговоры о судьбе экипажа «Пуэбло» продолжались почти год. В итоге американская сторона принесла КНДР извинения и гарантировала, что подобное не повторится.

«В прошлом году империалисты США в течение 11 месяцев продолжали всеми силами упорствовать, но им все равно пришлось принести извинения и дать слово больше не вторгаться в наши территориальные воды, — констатировал Ким Ир Сен в новогоднем обращении к нации. — Итак, мы оставили у себя "Пуэбло" как трофей, а экипаж выслали за пределы страны… К каким бы ухищрениям ни прибегали США, им не скрыть от народов мира неопровержимый факт, что они сами принесли корейцам извинительный акт и пали перед нами на колени»[21].

Уже в 1990-е годы неожиданно для всего мира «Пуэбло» обнаружился в Пхеньяне, совершив тайный переход вокруг Корейского полуострова. Сейчас судно стоит на реке Тэдон. Оно превращено в музей — «средство антиамериканского воспитания», а экскурсоводом на корабле работает старший полковник Ким Чжун Рок, командовавший его штурмом. Копия документа с извинениями американской стороны выставлена там на всеобщее обозрение.

В 1969 году произошел еще один подобный инцидент. На сей раз корейцы сбили американский разведывательный самолет «Е-121М», совершавший облет побережья.

Два эти эпизода очень любимы пхеньянской пропагандой, с их помощью иллюстрирующей превосходство Кореи над США и духа над техникой. В рассказе «Электронно-вычислительная машина подвела американцев» говорится:

«Американские империалисты старались выбраться из трудного положения, в котором они оказались во время инцидентов с «Пуэбло» и с самолетом-шпионом… Главари американского империализма лезли из кожи вон, стараясь с помощью электронных вычислительных машин разгадать стратегические намерения президента Ким Ир Сена путем анализа разведданных, собранных по всем каналам… Однако результаты остались без изменений. Абсурдной была сама попытка американских империалистов, бешено ведущих

разбойничью агрессию и войну, проникнуть в тайны искусной и непревзойденной стратегии президента Ким Ир Сена. Волк жестокий, но он не может разумно мыслить. Сам факт, что американские империалисты возлагали единственную надежду на электронные вычислительные машины, не только стал предметом новых насмешек. Это был очередной фарс, инфицированный скатывающимися в пропасть янки на глазах у всего мира. Он явился ярким доказательством процесса дегенерации мозга империалистов»[22].

«Не завидуем никому на свете!» — так звучал новый государственный девиз. Песню с таким названием в обязательном порядке разучивали в яслях и детских садах, на заводах и в воинских частях, в шахтах и партийных кабинетах. Ким Ир Сен вел свой народ вперед особым путем, который чем дальше, тем больше становился непохожим ни на какой другой в мире.

Глава восьмая
ЗОЛОТОЙ ВЕК ЧУЧХЕ

«Родной вождь, уже глубокая ночь, пора спать!» — механический голос, внезапно раздавшийся в кабинете, заставил Ким Ир Сена вздрогнуть от неожиданности. Солдаты одной из частей КНА прислали ему необычный подарок — настольную лампу, которая в полночь произносила эту фразу. Он открыл окно и ночной пхеньянский воздух, приятно холодя лицо, хлынул в комнату, пошевелив на столе листы с набросками к отчетному докладу для партийного съезда.

В первые годы у власти молодой лидер Северной Кореи зачитывал на митингах выступления, написанные советскими военными и его консультантом Григорием Меклером. С конца 1940-х годов он стал регулярно выступать с речами во время разъездов по стране и различных мероприятий в столице. Говорил он много и охотно. Со временем у него сложился собственный оригинальный стиль публичных выступлений.

Отчетный доклад партийному съезду — особый жанр. Это обращение *urbi et orbi,* к партии, стране и миру, в котором подводятся итоги развития Кореи и даются указания, как жить в будущем. Уже завтра, после того как он спустится с трибуны съезда под несмолкаемый гром аплодисментов, рабочие Канге, крестьяне Мигока и докеры Вонсана на собраниях будут зачитывать его вслух, разбирать отдельные пассажи и клясться выполнить поставленные задачи. В Москве, Вашингтоне, Пекине, Сеуле и Токио журналисты, политики и сотрудники спецслужб будут внимательно, словно под лупой, изучать каждое слово лидера КНДР.

Мысль Кима, что язык есть мощное оружие революции и строительства социализма, в этом случае особенно актуальна. Доклад должен быть выдержан в определенных традициях, в консервативном стиле. Начиная с 1950-х годов и до конца жизни он выстраивал такие речи из нескольких тематических блоков, по одной и той же проверенной схеме.

1. Экономический блок. Общий отчет о «триумфальном шествии корейского социализма». Начинается он непременно с любимой «группы А», тяжелой промышленности, и обязательно сопровождается множеством цифр: процентов выплавки стали, производства чугуна, станков, машин и т. д. Затем идут легкая промышленность, сельское хозяйство и транспорт.

2. Идейно-политический блок. Здесь идет речь об успехах в

развитии образования, науки, культуры, воспитании «преданных партии и вождю кадров» народа и партийцев, борьбе с низкопоклонством, ревизионизмом и идейной распущенностью.

3. Оборонный блок. Постулируется, что задача номер один — безопасность государства и его вождя. Говорится о необходимости укреплении армии и ВПК, подъема революционного духа народноармейцев ввиду постоянной внешней угрозы.

4. Объединение Родины. В этом блоке речь идет о южнокорейских трудящихся, живущих под гнетом империалистов, протестных движениях в РК, мирных инициативах Пхеньяна по вопросу объединения Кореи. (Со временем обязательным в этой связи стало упоминание о работе «Чхонрена» — ассоциации корейских граждан в Японии.)

5. Международное сотрудничество. Об отношениях со странами социализма, развивающимися государствами и мировым революционным движением. Обличение американского империализма и японского милитаризма.

После перечисления достижений и проблем намечалось, что нужно делать в дальнейшем по каждому тематическому блоку.

V съезд ТПК открылся в помпезном Дворце съездов Мансудэ в ноябре 1970 года. Отчетный доклад Ким Ир Сена начинался с раздела «Великие итоги». Он констатировал, что в стране проведены социалистическая индустриализация и культурная революция, установлено «правильное сочетание диктатуры с демократией», а также осуществлено «вооружение всего народа и превращение всей страны в крепость». Ким по-прежнему обильно использовал военную фразеологию и дал понять, что никакой «разрядки» от КНДР ждать не стоит. С трибуны съезда он призвал остерегаться «ревизионистского идеологического течения — войнофобии».

В экономике был провозглашен курс на три технические революции с главными задачами: сократить различия между тяжелым и легким, сельскохозяйственным и промышленным трудом, а также избавить женщин от бремени домашнего труда. Одной из задач ставилось равномерное повышение благосостояния народа.

В начале 1970-х годов Северная Корея законодательно закрепила особый чучхейский характер государственности и путь развития. Система власти обрела стройные законченные черты. Ким Ир Сен выстроил ту общественную модель, которая виделась ему единственно правильной.

Новая Конституция КНДР была принята Верховным народным собранием в 1972 году. Если ее предыдущая редакция, которую

лично вычитывал и правил Сталин, носила типовой характер для стран «народной демократии», то теперь все поменялось. Конституция-72, наоборот, подчеркивала, что Северная Корея стоит особняком среди других государств в мире.

Основной закон открывался портретом Ким Ир Сена. Статья 1 провозглашала КНДР суверенным социалистическим государством, статья 2 — революционным государством, а статья 3 утверждала, что страна руководствуется идеями чучхе. В тексте Основного закона были законодательно закреплены и другие изобретения Кима, такие как движение «Чхоллима», метод «Чхонсанри», Тэанская система работы, три технические революции. Отменялась частная собственность и одновременно ликвидировалась налоговая система. Наконец, раздел «Права и обязанности» начинался так: «Права и обязанности граждан КНДР основываются на принципе коллективизма. Один за всех и все за одного»[1].

Важнейшей новацией стало введение поста президента КНДР. Он становился первым лицом государства и главнокомандующим вооруженными силами. Президента положено было избирать на четыре года Верховным народным собранием. На этот пост, естественно, был избран сам Ким Ир Сен, совместив его с должностью генерального секретаря ТПК.

Ким объяснял необходимость введения поста президента следующим образом: «В прошлом я, являясь генеральным секретарем ЦК партии, работал одновременно Председателем Кабинета министров. Будучи занят вопросами экономики, я не мог тогда уделять должного внимания партийной работе. И в партийной работе неизменно оставались пробелы, пользуясь которыми сомнительные личности насаждали внутри партии нездоровые идейки. И я подумал тогда: генеральному секретарю ЦК партии надо сосредоточиться главным образом на партийной работе и одновременно на разработке направлений экономической политики партии и ее линии в хозяйственном строительстве. Что же касается управления хозяйственными делами, то за это нужно непосредственно отвечать работникам соответствующей отрасли. Я решил учредить пост президента и вместе с тем ввести должность премьера Административного совета, отвечающего за экономическую работу. После учреждения поста президента я, являясь одновременно генеральным секретарем ЦК партии и Президентом государства, занимался главным образом партийной работой и основными государственными делами, разработкой направлений экономической политики и некоторыми другими проблемами, а все конкретные текущие экономические дела взял на себя

премьер.

Главная цель учреждения поста президента и поста премьера Административного совета состояла также в том, чтобы поручить ведение дел молодому работнику, способному с размахом вести работу. Мне, человеку немолодому, трудно руководить делами, в том числе и выезжая на места — так, как я мог делать раньше…»[2]

Со Дэ Сук выделяет несколько факторов, которые подвигли вождя стать президентом. Во-первых, этот статус был нужен ему для того, чтобы увереннее чувствовать себя на международных переговорах как главе государства. Во-вторых, в связи с завершением фракционной борьбы отпала необходимость активно заниматься партийными делами. В-третьих, после того как многие из его соратников-партизан постарели или ушли из жизни, он хотел опереться на новых людей — молодых технократов и подбирал такие кадры в государственные органы власти. Наконец, в-четвертых (и это самое главное), Ким хотел еще раз подчеркнуть преобразование КНДР из сателлита крупнейших соцстран в полностью самостоятельное, независимое государство.

Государственную модель, созданную Ким Ир Сеном, описывают и оценивают по-разному. Японский ученый Харуки Вада назвал ее «партизанским государством». История знает немало случаев, когда партизаны, с оружием в руках боровшиеся против оккупантов или собственных буржуазных правительств, брали власть в свои руки. Так было, например, в Китае, на Кубе и во Вьетнаме. Однако в КНДР эта модель была реализована в самом последовательном и радикальном виде. По модели партизанского отряда была организована жизнь целого народа.

На первом месте у партизана стоят вопросы безопасности и самообороны. Он помнит, что находится в кольце врагов, ему постоянно угрожает опасность. И Ким Ир Сен всегда уделял военному делу приоритетное внимание, заявляя, что корейцы должны «в одной руке держать ружье, а в другой — серп и молот», провозглашая курс на «превращение всей страны в крепость» и требуя сражаться с врагом по принципу «один на сто».

Партизан имеет привычку довольствоваться малым. Он может неделями не иметь пищи, долгое время не спать, жить без обычных человеческих удобств. И хотя официально в КНДР озвучивались лозунги о необходимости повышения уровня жизни населения, на первое место потребление никогда не ставилось, особенно в сравнении с такими императивами, как патриотизм. Подчеркивалось преимущество аскетизма, неприхотливости в быту: корейцы должны жить скромно, как подобает людям революционной эпохи.

Для партизанского отряда характерны замкнутость, культ внутреннего единства, непримиримость по отношению к предателям. И Северная Корея стала одним из самых изолированных от внешнего мира государств, где культивировались национальная сплоченность и ненависть к врагам.

В партизанском государстве господствуют идеи самостоятельности — чучхе. По имени их создателя идеи чучхе еще называют кимирсенизмом (этот термин ввел в употребление Ким Чен Ир). Изначально они воспринимались как марксизм в корейской трактовке. Однако исследователи уже давно отметили, что своими корнями чучхе уходит глубоко в дальневосточную конфуцианскую традицию.

Это слово использовалось корейскими мыслителями начиная с XVIII века. Как отмечает С. Курбанов, основной принцип чучхе: «…человек является хозяином всего и решает все», точно соотносится с конфуцианским каноном «Сяо цзин», где сказано: «…человек является самым ценным в природе Неба и Земли»[3]. А девиз Кима «поклоняться людям, как Небу» происходит из учения «Чхондогё», где исповедовался принцип «человек является не чем иным, как Небом».

Чучхе ставит во главу угла человеческое сознание и волю, способные преобразовать мир. Идея находится на первом месте по отношению к материи. Особый упор делается на воспитание личности. Предполагается, что с помощью просвещения и правильного подхода к человеку возможно в корне изменить его, создать новую, улучшенную породу людей.

От конфуцианства в идеях чучхе был воспринят и принцип иерархичности. Наверху иерархии находится вождь, принимающий решения, затем партия, передающая их массам, и народ, исполняющий указания. При этом нация мыслится как одна большая семья, а вождь — как любящий отец.

Однако неверно было бы воспринимать чучхе как законченную философскую и теоретическую систему. Это не набор догматов, а скорее определенное мировосприятие, изложенное в текстах Ким Ир Сена и Ким Чен Ира. Оно носит практический характер, помогая осуществлять управление государством. Выдвижение идей чучхе было весьма практичным шагом. Для небольшой страны, многие века зависевшей от больших держав и недавно избавившейся от колониального гнета, стремление к самостоятельному развитию без оглядки на других было абсолютно естественным и пользовалось полной поддержкой в обществе. Появление собственной идеологии подчеркивало значимость КНДР как одной из ключевых стран

социалистического лагеря. А сам Ким с таким идейным багажом мог уверенно называть себя теоретиком мирового уровня.

Одной из важнейших составляющих чучхе является тезис о ключевой роли вождя в жизни государства. С начала 1970-х годов в северокорейских учебных заведениях преподается курс «вождеведения». Юным корейцам объясняют, что если физическое тело они получают от родителей, то социально-политическую жизнь дает вождь — Ким Ир Сен (а после него — Ким Чен Ир). Для возвеличивания вождя была разработана специальная титулатура. Ким Ир Сена именовали «Великий Вождь», «Легендарный герой — Солнце нации», «Непобедимый стальной Полководец», «Солнце нашего народа», «Маршал-отец», «Величайший герой XX столетия», «Выдающийся руководитель международного коммунистического движения», «Светоч объединения», «Политический деятель мирового масштаба», «Гений теории и практики руководства».

В каждом доме и квартире висят портреты обоих Кимов. При пожаре или наводнении в первую очередь полагается спасать именно их, а потом уже все остальное имущество.

Любопытно, что корейская традиция портретопочитания имеет корни не столько в сталинском СССР и маоистском Китае, сколько в Японии конца XIX — начала XX века. В Советском Союзе 1930-х годов героем становился механизатор, спасавший горящий трактор. Но на того, кто бросился бы выносить из горящего дома портрет Сталина, посмотрели бы как на не вполне нормального человека. В Японии же после революции Мейдзи стали копировать европейцев, у которых были парадные портреты монархов. Но так как микадо — особа священная, были изготовлены только одна фотография императора Мацухито и один канонический портрет маслом. Их копии нельзя было купить, они лишь преподносились от имени государства отличившимся людям. В присутственных местах, в учреждениях и школах день начинался с поклонения в пояс портретам, на ночь они закрывались ставнями. При стихийных бедствиях чиновники обязаны были выносить их в первую очередь. Сегодня в Японии этой традиции уже нет, а вот в КНДР она по-прежнему жива.

Начало другому своеобразному способу выражения любви к вождю положил президент Индонезии Ахмед Сукарно, который в 1965 году преподнес Ким Ир Сену лиловый цветок — новый сорт орхидей, названный его именем. Вскоре в КНДР началось массовое разведение кимирсенхвы. С 1988 года к ним добавилась и кимченирхва — выведенная японским поклонником любимого руководителя ярко-красная бегония, цветущая круглый год. А в Пхеньяне стали проводить специальные фестивали цветов обоих

вождей.

К. Асмолов отмечает, что Ким Ир Сен, будучи по характеру человеком веселым и общительным, относился к своему культу с долей юмора, воспринимая его как своего рода служебную необходимость. Однажды на одном из официальных обедов с участием делегации из СССР, когда подали первое блюдо, оказалось, что все выбрали какой-то суп, а Ким Ир Сену принесли борщ. Кто-то из советских гостей спросил: «А почему вы едите что-то отдельное?» «Ну я же вождь!» — рассмеялся он в ответ.

Ким полагал, что вождь должен не только постоянно вникать во все аспекты жизни людей, но и пытаться изменить их самих к лучшему. Предметом его интереса было все, вплоть до физических данных корейцев и их гастрономических привычек, которые он предлагал исправить. Так, он неоднократно говорил о том, что низкорослым от природы корейцам нужно стараться подрасти на несколько сантиметров.

А в одной из речей указывал, что нация должна начать питаться по-новому: «Нужно изменить характер питания населения. Кажется, у нас больше людей с больным желудком, чем в других странах. Это связано с тем, что наш народ очень любит соленую, горькую, кислую, холодную и твердую пищу… Корейцы веками употребляли в пищу соленые, острые и кислые блюда, поэтому эту привычку трудно искоренить в течение года или двух. Думаю, что нужно будет рассчитывать лет на десять, чтобы изменить традиции питания»[4].

Для решения этого вопроса предлагалось централизованно выдавать на обед в столовых хлеб (который корейцы почти не едят) и одновременно сократить количество приправ и соевых соусов в рационе трудящихся. Впрочем, эти задачи оказались не под силу даже великому вождю. Корейцы по-прежнему в основном невысокого роста и любят острую и соленую пищу. И вот уже Ким Чен Ир, инспектируя Хамхынский завод удобрений, в 2010 году говорил о вреде острой и соленой пищи, после чего приказал сократить ежедневный паек соли для рабочих с 10 до 3 граммов.

Что такое социализм корейского образца по мысли Ким Ир Сена? «Все люди, обеспеченные гарантированной работой в соответствии с их способностями, трудятся с полной отдачей на общество и самих себя и, не задумываясь о проблемах питания, одежды и жилья и не зная различий между бедными и богатыми, живут равномерно, — рассказывал он в интервью. — Благодаря действующей у нас системе бесплатного обязательного обучения и бесплатного медицинского обслуживания весь наш народ учится в соответствии со своим желанием и способностями, живет

долго, не болеет и пользуется всеми благами социалистической культурной жизни… Все граждане состоят в определенных общественных и политических организациях и живут богатой и полнокровной общественно-политической жизнью, испытывая любовь и доверие коллектива»[5].

КНДР значительно ближе других соцстран подошла к реализации коммунистического идеала — построению безденежных отношений. С начала 1960-х годов в стране была введена карточная система. Основные продукты (рис, соя, ячмень, кукуруза) стали распространяться централизованно, так же как и одежда, обувь и другие непродовольственные товары. Жилье предоставляется государством бесплатно, население оплачивает только коммунальные услуги. К системе всеобщего бесплатного образования перешли с 1959 года (с 1972-го введена обязательная одиннадцатилетка), а здравоохранения — и вовсе со времен Корейской войны.

Кстати сказать, Ким Ир Сен был большим поклонником корейской медицины — сам, особенно в пожилом возрасте, любил лечиться народными средствами, вроде женьшеня, и не раз приглашал попробовать эти методы иностранных гостей. Он даже специально распорядился преподавать в медвузах такую «реакционную» философию, как древнее учение о противоположных началах и пяти стихиях, поскольку иначе студенты просто не поймут старинные трактаты. В стране развивали параллельно западную и традиционную (корёсскую) медицину, основанную на рефлексотерапии и траволечении. Студентов обучают по той или другой системе, так же присваиваются научные звания, а больной сам решает, у кого ему лучше лечиться.

Публицист М. Антонов утверждает, что, узнав о ликвидации налоговой системы в КНДР, правительство СССР пребывало в шоке. Попытки председателя Совета министров Алексея Косыгина просчитать, возможен ли подобный вариант в Союзе, к успеху не привели. Не меньшее впечатление на советских руководителей уже при Юрии Андропове произвела северокорейская программа массового строительства квартир площадью 150–200 квадратных метров и коттеджей на селе. «Никому их не показывайте, иначе пожнём бурю. Этого не может быть», — якобы сказал генсек про полученные материалы[6].

Впрочем, эти истории выглядят несколько фантастически. Все же Северная Корея в 1970-х годах была очень бедной страной, где уровень жизни был значительно ниже, чем в СССР и большинстве социалистических государств. Иначе и быть не могло при такой системе, где большая часть доходов уходила на оборону,

содержание армии, разного рода монументальные стройки и пропаганду. Не стоит забывать и о закрытости страны, не имевшей возможности развивать внешнеторговые связи, расширять экспорт и импорт товаров. С другой стороны, такой уклад жизни имел свои позитивные стороны, отчасти знакомые нам по временам СССР: отсутствие постоянного стресса из-за необходимости зарабатывать на жизнь и боязни обеднеть, более теплые отношения в человеческом коллективе, не завязанные на товарно-денежных отношениях, исчезновение таких явлений, как организованная преступность, безработица, беспризорность.

«Ваша страна, США, говорят, развитая капиталистическая страна, страна богатая, — рассказывал Ким Ир Сен делегации американских ученых. — Наша же страна не столь уж богата. Зато все у нас живут одинаково хорошо. В Америке есть и бездомные, которые ночуют под открытым небом, и нищие, которые, собирая милостыню, бродят по улицам. А вот в нашей стране нигде — ни в Пхеньяне, ни в провинции — не найдешь ни одного бездомного, спящего у дороги, ни одного нищего, просящего милостыню. И еще: у нас нет и плохо одетых людей»[7].

Стоит отметить, что сам вождь не был аскетом и имел немало усадеб по всей стране. В начале 1970-х годов для Кима построили огромную резиденцию в парковой зоне на окраине Пхеньяна — Кымсусанский дворец. Туда он переехал жить, там же проводил правительственные заседания и принимал иностранные делегации. Позже он стал принимать гостей в основном в загородном доме на берегу Японского (или Восточно-Корейского, как говорят в КНДР) моря.

Одной из характерных черт северокорейского социума стало постоянное вовлечение граждан в общественную жизнь и создание собственных внутренних механизмов контроля. Этим КНДР отличалась от СССР и других социалистических стран. Если в повседневной жизни советский человек был задействован в разных общественных организациях, от партии и профсоюзов до кружка любителей книги, то дома и в личной жизни он был предоставлен сам себе. Публичные проявления диссидентства государство пресекало, но на рассказанные на кухне анекдоты смотрело сквозь пальцы. В Северной Корее же еще с конца 1950-х годов стала создаваться система соседеких групп («инминбанов»), объединяющих обычно несколько домов в сельской местности или несколько подъездов в городе, функционирующая и по сей день. Это древний институт, подобные объединения существовали и в феодальной Корее. Главный принцип «инминбана» — коллективная ответственность. Если кто-то из его членов совершает проступок, наказание несут все. Глава

соседской группы («инминбанчжан») имеет право круглосуточного доступа в любое жилое помещение для проверки, содержатся ли в порядке портреты вождя, нет ли запрещенных предметов, вроде перебрасываемых южнокорейцами через границу радиоприемников и литературы. И даже для выезда в другой город нужно получить его разрешение. Помимо этого, члены «инминбана» вместе убирают и содержат придомовую территорию, а также регулярно проводят так называемые «собрания самокритики». На них каждый участник выступает, рассказывая о допущенных им ошибках, что затем подвергается всеобщему обсуждению. Такие же собрания проходят по месту работы или учебы. В 1970—1980-е годы житель КНДР должен был проводить в среднем по два часа в день на разного рода собраниях.

Особая система была создана для партийцев. Ким Ир Сен установил, что пятница каждой недели должна посвящаться физическому труду, который «не только полезен для здоровья человека, но и усиливает его революционную закалку». В субботу половина дня посвящена изучению политики партии в звеньях политзанятий. И один месяц в году — месячным политическим курсам, на основании которых члены ТПК «глубоко изучают линию и политику партии и самокритично анализируют недостатки в своих делах и жизни».

Еще один пример заимствованного из истории механизма контроля — жесткая социальная сегрегация. Впервые в конце 1950-х годов все население КНДР было разделено на три группы: враждебные силы, нейтральные силы и дружественные силы. К началу 1970-х годов дробление разрослось до 51 подгруппы. По данным А. Ланькова, те, кого отнесли к враждебным силам, но сами преступлений не совершили (например, бывшие кулаки, бывшие члены партии «Чхондогё» или активные буддистские и протестантские верующие), лишились права жить в городах и были выселены в отдаленные горные районы.

В условиях, когда общество во многом само контролирует себя, роль прямого государственного насилия является второстепенной. Но оно также всегда активно практиковалось. В арсенале наказаний самое тяжелое — смертная казнь, иногда осуществлявшаяся публично. В первую очередь она применялась к политическим преступникам, которые вообще выделялись в особую категорию по сравнению с уголовниками (как и в сталинском СССР). А. Ланьков утверждает, что, например, в ходе кампании 1957–1960 годов по борьбе со «злостными контрреволюционерами» было казнено 2500 человек[8].

Впрочем, расстрел всегда рассматривался скорее как

демонстративная мера. Основной упор в соответствии с принципами чучхе делался на перевоспитание в трудовых лагерях. В силу общей закрытости страны «северокорейский ГУЛАГ» окружала плотная завеса секретности с самого момента его создания в конце 1940-х годов. Основным источником информации о лагерях служат воспоминания бывших узников, которым впоследствии удалось бежать из страны.

Один из самых известных — Кан Чхоль Хван, написавший воспоминания о своем пребывании в «зоне революционизации» лагеря для политзаключенных Йодок с 1977 по 1987 год. Кан попал туда ребенком вместе со своей семьей, поскольку его дед был обвинен в государственной измене. В лагере была даже специальная школа, которую он окончил. Кан пишет о постоянном чувстве голода: пайка из кукурузы (500 граммов в день) не хватало, чтобы насытиться, и заключенные ловили и ели крыс и змей. Он описывает пытки, которым подвергали провинившихся, и публичные казни попытавшихся бежать (15 случаев за 10 лет). Естественно, особо важное место занимала идеологическая работа: в школе дети должны были зубрить биографию и выступления Ким Ир Сена. Так же как и на воле, в лагере проводились собрания критики и самокритики. Когда считалось, что человек перевоспитался, его отпускали на свободу.

Еще один способ наказания — понижение социального статуса. С этим нередко сталкивались функционеры ТПК, когда их за ту или иную провинность отправляли на перевоспитание на тяжелые работы на фабрику или в колхоз. Впоследствии они вполне могли вернуться на прежнюю должность.

В северокорейской литературе нередко встречаются рассказы о том, как человека, совершившего ту или иную ошибку, либо неблагонадежного социального происхождения, начинают несправедливо третировать особо рьяные партийцы. В одной из таких историй провинившегося партийного работника собираются «революционизировать» (не сообщается, что это такое, но, по всей видимости, имеются в виду те самые «зоны революционизации», о которых рассказал Кан Чхоль Хван) и увозят из дома. Родственники, проливая слезы, сообщают об этом Ким Ир Сену. Тот отдает приказ отменить наказание, и воссоединившееся семейство снова плачет — теперь уже от радости и благодарности к великому вождю.

Сам Ким не был кровожадным человеком. Как и свою роль вождя, он воспринимал такую Жесткую репрессивную систему как некую необходимую функцию. Он мог расплакаться, получив помощь от Сталина во время войны или обняв старого соратника по партизанской борьбе, но был беспощаден к тем, кого считал

преступниками против государства и собственного режима, а эти понятия он не разделял никогда.

…Приближалось 15 апреля 1972 года, день 60-летия Кима. Он был в хорошей форме и чувствовал себя моложе своих лет. И тем не менее в преддверии юбилея его все чаще посещали мысли о выборе преемника. «Я ведь не бессмертен. Скоро уже шестьдесят, и кто знает, что будет дальше, — размышлял он, глядя на клонящееся к горизонту солнце. — А что произойдет, когда меня не станет? Не появятся ли новые ревизионисты, не выползут ли из нор затаившиеся там Хрущевы — предатели Родины и социализма? Нет, я должен предотвратить это».

Ким взял трубку: «Соедини меня с Чен Иром». Вскоре на другом конце провода раздался его взволнованный голос:

— Да, отец. Что-то случилось?

— Ничего, сынок. Погода хорошая, не хочешь ли прогуляться? Заодно осмотрим и новый памятник.

— Конечно, отец.

Через пару минут в дверь осторожно постучали: «Дорогой вождь, машина подана». Ким надел поверх френча легкое демисезонное пальто и спустился вниз по лестнице. Машина помчалась по улице, проехала пару кварталов и остановилась у широкой лестницы.

При появлении Ким Ир Сена сидевшие на корточках и что-то обсуждавшие рабочие, вместо того чтобы класть плитку возле монумента, вскочили на ноги и схватились за носилки. «Ну как дела, как идет работа? Всем довольны?» — подошел к ним с улыбкой Ким. «Спасибо, вождь-отец, у нас все хорошо», — отвечали они, вытянувшись в струнку. Впрочем, один молодой парень, смущаясь от волнения, протянул ему листок бумаги. Зная о том, что Ким любит лично руководить на месте на городских объектах, многие пхеньянцы носили в карманах записки, которые могли в случае встречи с вождем передать ему. Рабочий жаловался, что в прошлом месяце вместо риса ему выдали кукурузу, и просил выделить дополнительный паек для семьи, в которой только что родился первенец. Он отдал записку подошедшему Ким Чен Иру: «Нужно разобраться, в чем дело. Негоже обижать наших героических строителей — гордость нации. Предлагаю выдать кукурузу вместо риса ответственным работникам Пхеньянского горкома партии, ответственным за выдачу продуктов. Пусть знают, как живет народ. Выделите ему паек и накройте от меня праздничный стол по случаю рождения мальчика. Он появился на свет в счастливую эпоху. Дети — короли страны, тем более дети рабочих, мы должны делать для них все».

Отец и сын стали подниматься по лестнице. Перед их глазами на холме Мансу раскрылась величественная картина. Грандиозная, 22-метровая бронзовая статуя вождя, простирающего руку над своей столицей. За ней — мозаичное панно, изображающее священную гору Пэкту. Ниже волнами вздымающиеся мраморные красные флаги и скульптурные группы, изображающие антияпонских партизан, солдат, крестьян и рабочих. Ким смотрел на все это и думал о том, что после его смерти этот памятник не будет снесен, подобно статуям Сталина в СССР и в Восточной Европе. Об этом должен позаботиться стоящий рядом Ким Чен Ир.

Ким Чен Ир родился в 1942 году. Его детство, хотя он и был сыном вождя, не было спокойным и безоблачным. Большой травмой для мальчика семи лет от роду стала смерть матери. Вскоре началась Корейская война, и вместе с сестрой его эвакуировали в Китай. Несколько лет он не виделся с отцом. После возвращения домой учился в пхеньянской начальной школе № 4 и средней школе № 1.

В 1960 году Ким-младший поступил в университет имени своего отца, который окончил через четыре года, защитив диссертацию на тему «Место и роль уезда в социалистическом строительстве» и получив диплом по специальности «политэкономия». Теоретические знания он закреплял, проходя трудовую практику на Пхеньянском заводе ткацкого оборудования.

Партбилет члена Трудовой партии Кореи Ким Чен Ир получил в 1961 году, а по окончании института началась его партийная карьера. В аппарате ЦК ТПК он занимал должности инструктора, заместителя заведующего, а затем — заведующего отделом ЦК. Уже в это время его начинали готовить к тому, чтобы в будущем возглавить страну. Ким Чен Ир сопровождал отца во время руководства на месте, на встречах с дипломатами, в поездках по стране и за рубеж, занимался обеспечением его безопасности.

В 1965 году Ким Ир Сен отправился с визитом в Индонезию и взял с собой сына. Когда президент Сукарно поинтересовался, какую должность занимает «молодой командующий», он отвечал: «Это мой главный адъютант, ответственный за охрану моей безопасности, и я сам, безусловно, подчиняюсь ему».

Но главной сферой ответственности Ким Чен Ира в ЦК партии была культура и, в частности, кинематограф. С 1964 года он руководил работой Корейской студией художественных фильмов, курировал создание фильмов «Море крови», «Судьба охранника», «Цветущее село» и многих других лент. Работая над

ними, он выдвинул «теорию зерна» («под зерном в литературе и искусстве понимается… идеологическая суть жизни») и разработал «метод скоростного боя» в художественном творчестве. Существует немало рассказов о бессонных ночах, которые младший Ким проводил с актрисами, объясняя им, как правильно создать на экране тот или иной образ. Киноиндустрия КНДР под его руководством делала заметные успехи. А фильмы с тех пор остались одним из главных увлечений Кима-младшего, который считается знатоком мирового кинематографа, не пропускающим ни одной интересной новинки.

После кино Ким Чен Ир переключился на оперу. Согласно официальной биографии, он создал жанр новой революционной оперы, внедрив в нее песенные куплеты, панчхан (хор за сценой), хореографические номера, народные музыкальные инструменты в оркестре и новые декорации. (Правда, как уже было сказано, свои пять революционных опер появились в Китае во время культурной революции, на несколько лет раньше, чем в Корее).

Решение для начала поставить молодого командующего на культуру оказалось на редкость удачным. Ким Чен Ир с молодости расширил кругозор и развил вкус, что выгодно отличало его от первых лиц Советского Союза, которые, начиная с Никиты Хрущева, в этой сфере ничего не понимали и оставались людьми глубоко невежественными. А потому в конечном итоге и превратились в объект насмешек и предмет для анекдотов сперва для интеллигенции, а потом — и для всего народа.

В начале 1970-х годов Ким-младший уже лично обеспечивал подготовку к 60-летнему юбилею отца. По его инициативе были учреждены орден Ким Ир Сена, Кимирсеновская премия, введено награждение часами с его факсимиле, обязательное для всех ношение значков с изображением вождя.

В 1974 году Ким Чен Ир был избран членом политического комитета ЦК ТПК и официально объявлен преемником Ким Ир Сена. Вопрос был внесен в повестку дня тремя бывшими антияпонскими партизанами — секретарями ЦК ТПК Ким Иром, О Чжин У и Рим Чхун Чху. «Все участники пленума единодушно предложили во имя завершения корейской революции выдвинуть секретаря Ким Чен Ира к руководству нашей партии. Я тоже так думаю, — сказал по этому поводу Ким Ир Сен. — Размышления ваши и генерального секретаря сошлись в одной точке. Я разделяю ваше мнение». Сам Ким Чен Ир отвечал: «Я один из солдат, осуществляющих революционное дело вождя».

С этого времени начинается формирование культа Ким Чен Ира, как это было раньше с его отцом. Если Ким Ир Сена именовали «великим вождем», то Ким Чен Ира — «любимым

руководителем» или «центром партии». Стали появляться песни и стихи о нем, многочисленные рассказы, повествующие о его гениальности с малых лет. Одна из таких историй рассказывает, как девятилетний Чен Ир спас отца от происков фракционеров во время войны.

«Машина подъехала к перекрестку. Какой-то боец из охраны поднят руку, указывая направление в сторону большака.

Водитель повернул было машину, но товарищ Ким Ир Сен, задумчивый и серьезный, тихо приказал:

— Не сворачивайте на большак, поедем по этой дороге… Тут Ким Чен Ир промолвил:

— Ну что вы стоите? Полководец сказал, что надо ехать по проселку. Сделаем так, как он велел.

…Вдруг появились несколько десятков американских бомбардировщиков. Они сбросили свой смертоносный груз на большую дорогу, по которой как раз и должна была проехать машина.

…Когда вражеские самолеты скрылись из виду и товарищ Ким Ир Сен сел в машину, Чен Ир тихо сказал офицеру:

— Странно. Похоже, что враги налетели, заранее зная о нашем маршруте.

Немного подумав, он добавил, что надо усилить охранную службу, предвидя все случаи, следует еще лучше охранять Верховного, ибо никто не может поручиться за то, что в наши ряды не проник враг.

Как стало затем известно, бомбардировка дороги в тот день была совершена в результате коварных замыслов контрреволюционной шпионской группировки Пак Хон Ёна и Ли Сын Ёпа, вступивших в прямой сговор с американскими империалистами»[9].

Ким Ир Сен считал процесс введения Ким Чен Ира во власть главным делом всей своей жизни, поскольку «основой продолжения дела партии является правильное решение вопроса преемника политического вождя». При этом официально речь о передаче власти по наследству не шла. А при обосновании такого решения подчеркивались различные его заслуги и достоинства.

«Оценивая товарища Ким Чен Ира, я говорю, что говорю, что для государства и народа он — верноподданный, а в семье — любящий верный сын, — рассказывал Ким своему другу принцу Камбоджи Нородому Сианук. — В принципе выражения "верноподданный" и "любящий" происходят из феодально-конфуцианских канонов. Но эти выражения нельзя считать плохими. Преданность государству, верность родителям — качества похвальные. Это признается всеми на свете»[10].

Между тем к этому времени у Ким Ир Сена уже появились и другие дети. В середине 1960-х годов он женился во второй раз на одной из работниц правительственного аппарата Ким Сон Э. (По некоторым данным, Ким Чен Ир мачеху сильно невзлюбил.) Она родила ему двух сыновей и дочь. Конкуренцию Ким Чен Иру сводные братья составить не могли и не пытались. Оба были отправлены на дипломатическую работу. Ким Ён Ир умер в 2000 году в статусе советника северокорейской миссии в Берлине, а Ким Пхен Ир долгое время работал послом в Польше.

Внешнеполитический курс КНДР в 1970-е годы был направлен на поиск новых союзников. В это время произошел настоящий прорыв признаний КНДР в Европе: первой была Мальта (лейбористское правительство Доминика Минтоффа), затем — Финляндия, Швеция и т. д. На сей раз акцент был сделан на сотрудничество со странами третьего мира и государствами — участниками Движения неприсоединения. Доклад Ким Ир Сена V съезду ТПК вообще не содержал традиционных реверансов в адрес СССР. Зато был сделан акцент на солидарность народов Азии, борющихся с американским империализмом, общий фронт против которого проходит через Корею, Китай, Вьетнам, Лаос и Камбоджу. «Народы революционных стран Азии, палестинский и другие сражающиеся арабские народы, народы Африки и Латинской Америки призваны четвертовать американских империалистов», — был сделан недвусмысленный вывод[11].

Казалось, что скоро так и произойдет. Уже в 1975 году вьетнамские коммунисты разгромили американские войска, а в соседней Камбодже власть захватили красные кхмеры товарища Пол Пота. (Впрочем, вскоре две новые коммунистические страны Азии вступили в войну друг с другом.) Китай и Северная Корея были единственными государствами, с которыми правительство Пол Пота поддерживало отношения. В 1977 году он совершил визит в Пхеньян, где получил звание героя КНДР. А северокорейские «специалисты» отправились в камбоджийские джунгли — помогать ему строить социализм и тренировать малолетних бойцов армии красных кхмеров. С другой стороны, Кима связывали давние дружеские отношения с принцем Камбоджи Нородомом Сиануком, вынужденным бежать из страны от новой власти. Сианук нашел убежище в КНДР и долго жил на роскошной вилле в северокорейской столице.

В мае 1975 года Ким Ир Сен выехал в большое международное турне, посетив Румынию, Алжир, Мавританию, Болгарию и Югославию. В Алжире он получил докторскую степень местного университета. Но самым результативным стал визит в Белград. Югославский лидер Иосип Броз Тито,

разругавшийся с Москвой еще во времена Сталина, вместе с Гамаль Абдель Насером и Джавахарлалом Неру стал основателем Движения неприсоединения (ДН). В условиях конфликтов, раздиравших соцлагерь, Ким решил примкнуть к «неприсоединившимся». Его усилия увенчались успехом: в том же 1975 году Северная Корея была принята в ДН, в то время как многочисленные попытки Южной Кореи вступить в него результата не принесли.

Развитие контактов с третьим миром привело к появлению в КНДР весьма экзотических персон. Раз в несколько месяцев толпы пхеньянцев выстраивались по дороге от аэропорта в город и, размахивая цветами, приветствовали очередного африканского диктатора. Среди них были такие известные личности, как президент Заира Мобуту Сесе Секо, эфиопский лидер Менгисту Хайле Мариам, император Центральноафри-канской Республики Жан Бедель Бокасса. Чем беднее страна, тем звучнее титулы и тем помпезнее награды. Чернокожий император Бокасса надел на шею Кима роскошный орден Бокасса, выпущенный в честь операции Бокасса.

Ким Ир Сен призывал их всех бороться с доминационизмом больших государств, предложив развивать сотрудничество между развивающимися странами «по линии Юг — Юг». В рамках такого сотрудничества корейцы начали осуществлять ряд проектов в Африке, в том числе по орошению почвы. Этому посвящен рассказ «Чтобы облегчить муки народов Африки».

«Когда президент Танзании посетил нашу страну, вынашивалось мнение соответствующих работников ознакомить его с горами Мехян и заводами Хичхонского района. Узнав об этом, товарищ Ким Ир Сен сказал:

— Нецелесообразно показывать людям, приехавшим в нашу страну с целью ознакомиться с развитием сельского хозяйства, горы Мехян и заводы Хичхонского района. Надо им показывать промышленность, связанную с сельским хозяйством.

Чтобы помочь Танзании в решении вопроса с водой, товарищ Ким Ир Сен вместе с президентом этой страны и сопровождающими его лицами посетил Енпхунское водохранилище, туковый завод и завод водоподъемных машин, ознакомил их с трубчатыми колодцами и искусственными водоемами. Он объяснил президенту Танзании, что сразу же после освобождения Кореи была построена Пхеннамская ирригационная система. Для этого был мобилизован весь народ. И тут же добавил:

— Раньше я говорил, что "удобрения — рис, а рис — это социализм". Теперь к этому надо плюсовать "воду к

удобрениям". — Президент восхищался словами.

Товарищ Ким Ир Сен сказал гостю, что во время антияпонской партизанской борьбы он был командующим Корейской Народно-революционной армией, в дни войны против американских империалистов — Главнокомандующим Корейской Народной армией, а теперь является главнокомандующим сельскохозяйственным фронтом. В связи с этим он спросил гостя:

— У вас нет желания быть президентом сельского хозяйства?

Президент Танзании согласился с этим. В зале, где они беседовали, находился большой глобус. Прервав свой рассказ, товарищ Ким Ир Сен внимательно посмотрел на глобус и сказал:

— Для Танзании нужны источники воды, чтобы решить эту проблему, а у вас, видимо, много больших озер. Необходимо построить водные каналы для подачи воды. Эту проблему можно решить, мобилизовав весь народ. — За эти проникновенные слова гость выразил ему глубокую благодарность»[12].

Всего в конце 1970-х годов КНДР оказывала содействие 21 африканскому государству общим объемом около 300 миллионов долларов. Военная помощь направлялась в Алжир, Ливию, Мозамбик, Мадагаскар, Заир, а также Организации освобождения Палестины, УНИТА в Анголе, Эритрейскому национальному фронту. Развивались контакты с Конго и Бенином. В Африке работали более 1,5 тысячи корейских военных и советников.

Лидер Зимбабве Роберт Мугабе был настолько впечатлен выучкой военных КНА во время визита в Пхеньян, что подписал договор об отправке более ста корейских инструкторов для создания спецподразделения в своей стране. В 1981 году была сформирована «пятая бригада» особого назначения численностью 5 тысяч человек, главной целью которой была охрана президента. Тренировали ее 106 корейских инструкторов. Бригада с легкостью расправлялась с мятежами и выступлениями против власти Мугабе. «У меня нет лучшего друга, брата и союзника, чем президент Ким Ир Сен», — констатировал он.

В рамках сотрудничества со странами Азии и Африки не делалось особых различий между коммунистическими и националистическими партиями: главное, чтобы выступали за независимый мир. КНДР активно дружила с Пакистаном, поддерживала Иран во время конфликта с Ираком, продавала оружие Сирии. Северокорейские пилоты и инструкторы (20 и 19 человек) участвовали в войне Судного дня против Израиля на стороне Египта, сионизм был объявлен одной из форм доминационизма.

Сотрудничество с третьим миром принесло свои плоды. Во-первых, участники Движения неприсоединения выступили с

поддержкой ряда северокорейских инициатив в Организации Объединенных Наций. Так КНДР впервые удалось навязать ООН, с которой она формально находилась в состоянии войны, свою игру.

Во-вторых, на целый ряд правителей, преимущественно в Африке, северокорейский режим произвел самое серьезное впечатление. Особенно востребованы были специалисты КНДР по постановке массовых мероприятий, парадов и шествий, а также художники и скульпторы. Следы их работы запечатлены на Черном континенте. Не случайно именно в Африке, в Мали, в 1969 году появился первый кружок по изучению идей чучхе, положивший начало одноименному международному движению. (А вскоре началась активная популяризация кимирсенизма за рубежом.) К концу 1970-х годов действовало более 800 таких кружков в шестидесяти странах.

В отношениях двух Корей в начале 1970-х годов едва не случился прорыв. Было опубликовано совместное заявление Севера и Юга. Стороны согласовали принципы объединения Кореи, которое должно было произойти «самостоятельно, без вмешательства извне, мирным путем и на основе великой национальной консолидации».

Но далее вновь начались расхождения. Пак Чон Хи выступил с предложением о раздельном вступлении двух Корей в ООН по образцу ФРГ и ГДР. Ким Ир Сен был категорически против. Он аргументировал это тем, что Германия в прошлом была агрессивным милитаристским государством и после войны была разделена две части, чтобы такого не повторилось. Корея же никогда не совершала агрессии против другой страны, была колонией и получила освобождение. И потому не должна оставаться в расколотом состоянии. Он предложил свой план — устранение конфронтации, налаживание сотрудничества, созыв Великого национального собрания из представителей Севера и Юга и вступление в ООН объединенной Кореи.

Переговоры прервало покушение на южнокорейского президента в 1974 году, в ходе которого погибла его жена. В Пака стрелял студент из Японии, который, как сочли на Юге, был причастен к деятельности северокорейских организаций. В 1975 году произошел еще один серьезный инцидент. На линии безопасности 38-й параллели были убиты двое пересекших ее американских солдат. После этого диалог был в очередной раз заморожен.

На Юге по-прежнему боялись войны с Севером и возлагали главные надежды на Америку.

А в США президент Ричард Никсон искал новые пути

взаимодействия с азиатскими государствами. В 1972 году он нанес визит в Пекин. Ким Ир Сен прокомментировал это в соответствии с конфуцианской традицией. Мол, раз он поехал к своему врагу, значит, признал свою слабость. Не Мао едет в Вашингтон, а Никсон «приполз на коленях» в Китай. Тем не менее визит достиг своей цели: в китайско-американских отношениях началось резкое потепление.

В соответствии с Гуамской доктриной Никсона Америка планировала снижать свое прямое военное вовлечение в дела региона и начала сокращать воинский контингент в Южной Корее. Это вызвало переполох в Сеуле. Было решено тушить пожар деньгами по методам, принятым в РК, где коррупция является одной из главных проблем. Южане решили попросту подкупить американскую элиту, что вылилось в итоге в грандиозный скандал «Кореягейт».

Ключевой его фигурой стал бизнесмен Пак Тон Сон, ведший активную светскую жизнь в Вашингтоне и организовывавший вечеринки и прочий приятный отдых для влиятельных лиц США. Когда Пака однажды задержали на таможне, у него нашли список с именами конгрессменов и чиновников Госдепартамента, около фамилий которых стояли суммы со многими нулями. Еще одним «героем» «Кореягейта» стал знакомый нам бывший узник северокорейского концлагеря Мун Сон Мён. К этому времени его церковь Объединения разрослась до настоящей бизнес-империи. Ее адептов обвинили в организации сексуальных оргий для элиты американской политики, для чего использовалась детская балетная труппа «Маленькие ангелы». Детям объясняли, что они, как патриоты, должны выполнять специальное задание, необходимое для процветания Кореи.

Верным союзником США и Южной Кореи стало еще одно государство — Япония. А вот у Северной Кореи отношения с соседней страной так и остались замороженными со времен оккупации. Северокорейская пропаганда не уставала подчеркивать, что «япошки» — исторические враги корейской нации, напоминая об ужасах оккупации. Даже в современном северокорейском фильме «Суперкрупные аморальные преступления» про японцев сказано: «…они насиловали наших женщин, убивали наших собак и вбивали гвозди в нашу землю». Подразумевается, что они совершили самое страшное — пытались убить дух Кореи, вбивая гвозди в определенные сакральные точки тела страны (своего рода негативный фэншуй — символическая практика освоения пространства).

Ким Ир Сен любил апеллировать к национальным чувствам, поминая японцам их истинные и мнимые прегрешения. «По

своему вкусу мясо коровы корейской породы занимает первое место среди всех вкусов говядины, — рассказывал он, давая указания о снабжении пхеньянцев продовольствием. — А японцы говорят, что у японской коровы самое вкусное мясо. Между тем порода коров, которую они называют японской, происходит от корейской породы. Как-то раз японцы подарили мне коров. Мы сделали анализ их крови и убедились в том, что она не отличается по своему составу от крови корейской породы. Это говорит о том, что японская корова произошла от корейской. В прошлом японские империалисты, долгое время оккупируя нашу страну, насильственно вывезли в свою страну бесчисленное множество коров. Теперь они развели корейских коров, отнятых у нас, и говорят, что это японская порода»[13].

Дипломатические отношения между странами после 1945 года так и не были установлены. Однако в Японии осталось немало корейцев, которые были вывезены в свое время на принудительные работы либо учились в местных университетах. Причем они по-прежнему подвергались дискриминации и не получили японское гражданство. Тогда им на помощь пришла Северная Корея. В 1955 году был создан «Чхонрен» — ассоциация корейских граждан в Японии. Большинство из полумиллиона японских корейцев получили гражданство КНДР, многие впоследствии вернулись на Родину. Одновременно «Чхонрен» в силу успешного ведения бизнеса диаспорой стал важным источником поступления средств для режима Кима.

Симпатии к идеям чучхе испытывали и чистокровные японцы из числа левацкой молодежи. В 1970 году радикалы из «Сэкигунха» (фракции Красной армии Японии) провели акцию возмездия за арест лидера организации «Такая сиоми». Вооруженные самурайскими мечами и автоматами молодые люди угнали самолет, следовавший по маршруту Токио — Фукуока. В результате переговоров они обменяли всех пассажиров на министра транспорта Японии и вылетели-таки в Пхеньян, где получили политическое убежище. На все требования выдать беглецов корейцы отвечали отказом.

Но некоторые жители Страны восходящего солнца оказывались в Стране утренней свежести отнюдь не добровольным путем. С 1977 по 1983 год северокорейские спецслужбы похитили нескольких японских граждан. Официально японские власти приводят цифру в 17 человек. Зачем это делалось — до сих пор точно неизвестно. По данным А. Ланькова, их использовали для подготовки секретных агентов при обучении языку и характерной манере поведения.

Во время визита японского премьера Дзюнъитиро Коидзуми в

Пхеньян в 2002 году Ким Чен Ир официально признал факт похищения и принес извинения. Он списал это на особо ретивых северокорейских «чекистов», а пятеро оставшихся в живых японцев были возвращены домой.

В октябре 1980 года в Пхеньяне открылся VI съезд ТПК. Партия к этому времени достигла численности более трех миллионов членов, охватив 17 процентов населения страны, что составляло самый большой процент в соцлагере. Ким Ир Сен более пяти часов читал отчетный доклад. Он предложил новый план объединения Кореи — создание Демократической Конфедеративной Республики Коре, которая должна была стать государством, не участвующим в военных союзах. (Специально было выбрано нейтральное название Коре, не ассоциировавшееся ни с Севером, ни с Югом.) Кроме того, он выдвинул программу взятия «десяти экономических высот» — резкого увеличения производства электричества, угля, стали, цемента. Все это планировалось сделать по-прежнему с опорой на собственные силы, за счет «революционизирования всего народа» и разворачивания «темпов восьмидесятых годов».

Темпы 1980-х годов отразились прежде всего в строительстве, возведении разного рода монументальных сооружений. В Пхеньяне были построены объекты, определившие сегодняшний облик города: Монумент идей чучхе (самая высокая в мире каменная башня — 170 метров с 20-метровым факелом наверху), Триумфальная арка в честь победы над Японией, Народный дворец учебы, Пхеньянский родильный дом, стадион имени Ким Ир Сена, водноспортивный комплекс Чхангван и многие другие. Но самой большой стройкой стало сооружение восьмикилометрового Западноморского гидрокомплекса в устье реки Тэдон на побережье Желтого моря для защиты прибрежных районов и Пхеньяна от наводнений и приливов. Предмет особой гордости Кима составляло то, что КНДР не взяла ни копейки денег за рубежом для осуществления таких масштабных проектов. Он считал, что с помощью кредитов империалисты хотят подчинить себе другие страны, а особенно часто ругал Международный валютный фонд: «…брать кредаты у МВФ — очень опасно, это все равно что самим надеть себе на шею петлю зависимости».

Тем временем на Юге происходили драматические события. Пак Чон Хи, по иронии судьбы, суждено было погибнуть вовсе не от пули северокорейца, чего он так боялся, а от рук начальника своей же разведки. Осенью 1979 года, когда начались массовые выступления против режима Пака, он пригласил к себе на ужин начальника ЦРУ Ким Чже По и накричал на него за отказ бросить

армию на подавление студенческих демонстраций. Взбешенный контрразведчик вышел из-за стола и вернулся с пистолетом. С возгласом: «Как вы можете терпеть такого червяка?» — он застрелил начальника личной охраны Пака, а затем и его самого. Вскоре Ким Чже Гю был арестован начальником службы безопасности Вооруженных сил Чон Ду Хваном. Именно этот человек стал пятым президентом Республики Корея и правил страной с 1980 по 1988 год.

Чон Ду Хван родился в 1931 году в горной провинции на самом юге Корейского полуострова. Решив делать армейскую карьеру, поступил курсантом в Корейскую военную академию, которую окончил в 1955 году. Как один из лучших учеников в 1959 году он получил право на стажировку в США, где прошел обучение ведению психологической войны в спецшколе. Именно он организовывал преследование боевиков, атаковавших в 1968 году Голубой дом в Сеуле. После этого Чон принял участие во вьетнамской войне, командуя одним из полков корейской дивизии «Белая лошадь». Затем работал начальником службы безопасности правительства.

В общем и целом Чон Ду Хван был похож на своего предшественника: военный, склонный к жестким методам и авторитарному руководству, правый политик и заядлый антикоммунист. Недаром северокорейские СМИ именовали его не иначе как «известный фашист» или просто «Иуда». На Юге выражались иначе: «11-й выпуск военной академии отодвинул от власти 8-й». Основное его отличие с Паком состояло в том, что тот принадлежал к более старшему поколению, которое учили японцы, а Чон получил американское военное образование.

Разборки в верхах вылились в бои на улицах Сеула. Сторонники Чон Ду Хвана победили. Однако множество корейцев вовсе не горели желанием от одного военного диктатора перейти под власть другого. По всей стране проходили демонстрации протеста, главную роль в которых играли студенты. Особенного размаха они достигли в городе Кванчжу, где в мае 1980 года митингующим удалось на несколько дней взять власть в свои руки.

Чон объявил, что за событиями в Кванчжу стоит Северная Корея, хотя никаких доказательств не было. В город были введены войска. С восставшими расправились крайне жестоко: людей давили танками и расстреливали прямо на улицах. Счет убитым шел на сотни, раненым и арестованным — на тысячи. «Бойня в Кванчжу» стала одним из ключевых эпизодов в современной истории, сравнимых с разгоном молодежи на площади Тяньаньмэнь в Пекине в 1989-м или «черным октябрем»

1993-го в Москве.

Вскоре Чон Ду Хван вступил в должность президента. А 9 октября 1983 года в Бирме на него произошло покушение. Во время визита южнокорейской делегации в Рангун был взорван мавзолей основателя современной Бирмы Аун Сана. Взрыв был такой силы, что погиб 21 и были ранены 26 человек. Сам Чон уцелел только потому, что опоздал к началу торжественной церемонии. В результате расследования, проводившегося бирманскими спецслужбами, было установлено, что виновны трое северокорейских граждан. Двое из них, оставшиеся в живых, были приговорены к смерти, а дипломатические отношения между Бирмой и КНДР разорваны.

Следующий подобный эпизод произошел в 1987 году. Над Андаманским морем близ той же Бирмы пропал лайнер, летевший по маршруту Багдад — Сеул. Вскоре полицией была задержана девушка Ким Хён Хи. После допросов она призналась, что пронесла на борт взрывное устройство, а затем сошла с самолета. И что действовала она по заданию северокорейских спецслужб.

Правда, немало вопросов вызвала ее дальнейшая судьба, Ким Хён Хи была приговорена к смертной казни, однако уже в 1990 году раскаялась и была освобождена. А затем поступила на работу в южнокорейскую разведку. Содержавшаяся тогда же в тюрьме студентка Лим Су Ген вспоминала, что эта узница в заключении свободно перемещалась по зданию тюрьмы. Поэтому С. Курбанов не исключает, что взрыв мог быть и южнокорейской провокацией.

…В Москве сменилась власть. На смену Леониду Брежневу пришел Юрий Андропов. Преемник Андропова на посту главы КГБ Владимир Крючков в своих воспоминаниях «Личность и власть» пишет: «В последние годы у меня было несколько встреч с нынешним лидером КНДР Ким Чен Иром. Он рассказывал мне о том, что его отец Ким Ир Сен в бытность лидером Северной Кореи неоднократно встречался с Андроповым и очень высоко отзывался о нем. Я вспоминаю, что в свою очередь и Юрий Владимирович неоднократно возвращался к своим встречам с Ким Ир Сеном, отмечал его высокий интеллект, организаторские способности. За его мягкой манерой общения, замечал Андропов, чувствовалась колоритная личность большого масштаба»[14].

Были у Ким Ир Сена в тогдашнем советском руководстве и весьма влиятельные недоброжелатели во главе с секретарем ЦК КПСС по идеологии Михаилом Сусловым. Хранитель устоев марксизма еще в 1955 году вместе с Вячеславом Молотовым написал докладную записку с критикой партийного руководства

КНДР, которое, по его мнению, дискредитировало марксизм. Особенно критично он отнесся к возвышению Ким Чен Ира и назначению его преемником. Однако в 1982 году Михаил Андреевич скончался, вслед за ним ушел в мир иной и Юрий Владимирович. Новым генеральным секретарем стал Константин Черненко.

И Ким Ир Сен вновь после долгого перерыва приехал в Москву. Инициатором приглашения был министр обороны СССР маршал Дмитрий Устинов. Он считал, что в условиях обострения отношений с США и Южной Кореей, после бойкота Олимпиады-80 в Москве и сбитого над советской территорией южнокорейского «Боинга» роль КНДР как регионального союзника усиливалась и необходимо было оживить двусторонние отношения. Встречавший Ким Ир Сена на границе командующий Забайкальским военным округом Станислав Постников по просьбе Устинова поинтересовался, поедут ли корейские спортсмены на Олимпиаду в США, которую бойкотировал СССР. «Думаю, они не будут участвовать», — отвечал Ким[15]. КНДР в итоге действительно поддержала советский бойкот.

Ким Ир Сен проехал через всю страну на своем специально оборудованном поезде. Эта поездка вызвала немало интереса у советских людей, а также спровоцировала волну сплетен. Например, о том, что корейский лидер якобы боялся летать на самолетах. Это не так. Ему просто хотелось посмотреть, как изменился Советский Союз. Кроме того, он ехал не один: привез с собой большую группу министров и руководящих работников учиться и знакомиться с советской действительностью.

Вот как описывал поездку сопровождавший корейского лидера генерал КГБ Михаил Докучаев: «Первое впечатление — вышел пожилой человек, очень симпатичный, дружелюбный, обнял, расцеловал. Прекрасный человек. Ким попросил усилить охрану, а она и так была очень сильной — мы мобилизовали все подразделения внутренних дел и воинские части по маршруту движения его поезда. Местные корейцы устраивали фантастические встречи Киму. Такого восторга я никогда не видел. С ним рядом всегда были летописцы — все его слова заносились на бумагу. Для истории. Поэтому он был немногословен, обдумывал свои слова, вдумчивый человек. Он стеснялся большой опухоли на своей шее и скрывал ее от телевидения. По пути Ким обыкновенно приглашал к себе обедать первого секретаря обкома, председателя облисполкома, начальников управлений госбезопасности и внутренних дел. Ким расспрашивал гостей об экономической ситуации, о возможности регионального сотрудничества. Тут же раздавал задания, кому

что делать. Вместе с ним были молодые партработники. В Москве он всех рассовал по ведомствам, поехал дальше в Восточную Европу, а на обратном пути забрал. Сам Ким занимал пять вагонов из четырнадцати: кабинет, спальня, вагон для физических упражнений, салон для пресс-конференций. Столовая в корейском стиле, только корейские блюда. Мы думали, давали нам собачье мясо или нет. Решили, что давали, но хорошо приготовленное. Ким умеренно пил спиртное. Любил овощные блюда, не отказывался от коньяка, водочки. Любил арбузы. Нам подавали арбузы без косточек — Ким сказал: это единственное, что мы взяли у японцев…»[16]

Вопрос о собачьем мясе прояснил обслуживающий Ким Ир Сена в Бресте официант Павел Белевец, который рассказал, что вождь возил за собой целый вагон с собаками, которых потом убивали и делали из них блюда специально обученные повара.

В Свердловске Ким Ир Сена принимал молодой, по меркам середины 1980-х, секретарь обкома Борис Ельцин. Сохранилось фото, где они стоят вместе на перроне. Ельцин готовил торжественный обед и баню для высокого гостя. Эта встреча оказалась первой и последней в их жизни.

А в Новосибирске Ким повстречался со своим старым знакомым Яковом Новиченко, спасшим его в далеком 1946 году при покушении. После ранения Якова комиссовали, и он вернулся домой, в село Травное. Там он работал в колхозе, у него родилось шестеро детей, пять дочек и сын. Как следует приняв на грудь, Новиченко любил рассказывать о своем подвиге, показывал подаренный вождем портсигар. Но ему не особенно верили, ведь никаких других наград он не получил.

Но когда стало известно о приезде высокого гостя, про Якова вспомнили и включили его в состав встречающей делегации. Новиченко подвели к Киму, тот заключил его в объятия, долго расспрашивал о жизни и пригласил приехать в Корею. С этого момента жизнь Якова изменилась кардинальным образом. Бывший младший лейтенант стал живым символом советско-корейской дружбы. В село потянулись журналисты и репортеры Центрального телевидения. О Новиченко даже сняли совместный советско-корейский фильм «Секунда на подвиг».

Вскоре он отправился в Пхеньян с супругой, сыном и двумя дочерями. Там он наконец получил заслуженную награду — орден Государственного Знамени КНДР II степени. В Корее Якову так понравилось, что он стал ездить туда регулярно: побывал в Пхеньяне пять раз. Сына брал с собой постоянно, дочек менял, а жену возить больше не стал. Ему казалось, что обычная сибирская доярка позорит его, не умея себя вести на официальных

мероприятиях. А приемы на высшем уровне ему устраивались каждый раз. Сочжу лилась рекой, звучали здравицы в честь вечной дружбы, дождь наград не прекращался. Новиченко стал Героем Труда КНДР, получил золотой орден Государственного Знамени I степени и медаль «Золотая Звезда» героя КНДР. Ким Ир Сен называл Новиченко не иначе как старым боевым другом и спасителем своей жизни, а Яков его — старшим братом. (Тот действительно был старше его на два года.) И закончили свои дни они оба в одном и том же возрасте — 82 года.

Результатом переговоров на высшем уровне в Москве стало списание долгов и потепление отношений между странами. Помимо СССР Ким посетил Польшу, ГДР, Чехословакию, Венгрию, Болгарию, Югославию и Румынию. Вернувшись из поездки, он сменил консервативный френч, который носил с 1940-х годов, на современный костюм-двойку.

Советские люди к тому времени подзабыли, что такое Северная Корея, и открывали ее для себя заново. Особый интерес вызвало появление на прилавках цветного журнала «Корея». Нашлось немало любителей специфической северокорейской стилистики, которые стали его коллекционировать. А только появившиеся советские панки подбирали в подъездах пятиэтажек на гитарах слова к песне Егора Летова:

Я купил журнал «Корея»,
Там тоже хорошо,
Там — то же, что у нас,
Там товарищ Ким Ир Сен.
Я уверен, что у них все то же самое,
И все идет по плану!

Вскоре дряхлый Константин Черненко умер, его сменил относительно молодой Михаил Горбачев. Малообразованный председатель колхоза со Ставрополья, получив высший пост великой страны, немедленно бросился в объятия лидеров «цивилизованного мира». Он был в восторге от того, что Рональд Рейган, Маргарет Тэтчер и Гельмут Коль воспринимают его на равных, жмут руку на приемах, хвалят и хлопают по плечу. Ким Ир Сен сперва счел это поведение хитрой тактической уловкой. «Горбачев предпринимает важные внешнеполитические акции. Мы приветствуем их, — говорил он министру иностранных дел СССР Эдуарду Шеварднадзе во время его визита в Пхеньян в 1986 году. — Очень хорошо, что вы возобновили диалог с Японией. Если удастся нейтрализовать ее — мы стабилизируем положение в Азии. В вашей партии отказались от политики закрытых дверей

и пошли на открытый диалог с противником. У нас есть пословица: если хочешь добить тигрят, надо идти в логово тигра. Вы идете в логово тигра, чтобы добить там тигрят[17].

На самом деле Горбачев не имел никакой внешнеполитической стратегии и вряд ли осознавал последствия своих поступков. Ким Ир Сен явно переоценил способности Михаила Сергеевича: это была не политика открытых дверей, а капитуляция.

Вскоре он совершил краткую поездку в Москву уже на самолете, чтобы познакомиться с новым советским лидером. Ему сразу не понравились происходившие в СССР перемены. Он полагал, что Корея не нуждается ни в перестройке, ни в реформах:

«В последнее время некоторые социалистические страны испытывают шатания то влево, то вправо, не имея четкой линии и политики в революции и строительстве социализма. Переживая временные трудности в ходе строительства социализма, эти страны не в состоянии отстоять революционные принципы марксизма-ленинизма и следуют курсом ревизионизма и реформизма… внедрение частной собственности означает путь к капитализму, а социализм, признающий только деньги, не есть социализм… Нам не следует заглядываться на ревизионистскую реформистскую политику, проводимую некоторыми странами. Надо жить от начала и до конца по-своему»[18].

В понимании Ким Ир Сена «жить по-нашему» означало быть верным идее «партизанского государства». По возвращении из тронутого перестроечным тленом СССР он отправился в провинцию Рянган, где лично обнаружил место Пэктусанского тайного лагеря в ущелье Собэк. Сейчас посещающим эти места туристам симпатичные девушки-экскурсоводы в партизанской форме рассказывают, что вождь несколько раз приезжал сюда ранее и говорил, что чувствует: место рождения Ким Чен Ира где-то рядом. Когда прошедший ураган повалил деревья в лесу, он, наконец, узнал место тайного лагеря.

Сама партизанская деятельность Ким Ир Сена и его отряда уже давно, со второй половины 1950-х годов, подавалась как идеал и обязательный пример для подражания всей нации. Воспоминания бывших антияпонских бойцов, апологетическая литература об их подвигах, соответствующие фильмы и спектакли выходили в огромных количествах. Школьники и студенты совершали многодневные пешие походы по местам историко-революционной славы. (Кстати, первый такой поход организовал со своими одноклассниками Ким Чен Ир в 1956 году.)

Теперь кампания вышла на новый уровень. Был выдвинут

лозунг: «Жить и бороться, как антияпонские партизаны!» Район гор Пэкту было решено превратить в «величественный музей под открытым небом». В тайном лагере были восстановлены домик семьи вождя и дом охраны. Возвышающаяся над ними гора получила название пик Чен Ир, а на ней выбита соответствующая надпись. (Вообще выбивать в горах огромные здравицы в честь вождей или их изречения давно стало традицией в КНДР.) В окрестных лесах стали появляться памятники на местах бивуаков партизан. Даже остатки костра или места полевых палаток стали экспонатами, а каждая походная стоянка круглосуточно охраняется военными. Стволы деревьев, на которых антияпонские борцы вырезали лозунги, тоже аккуратно сохраняют под специальными стеклянными колпаками. В документальном фильме «Великое руководство» рассказывается о подвиге семнадцати народноармейцев, которые погибли при пожаре, спасая эти надписи на деревьях.

Другой туристический комплекс с идеологическим подтекстом был создан в горах Мехян в 150 километрах от Пхеньяна. Это так называемая «Выставка дружбы между народами». Здесь в красивейшем горном ущелье расположился «Музей подарков товарищу Ким Ир Сену» (позже к нему прибавилась отдельная экспозиция с дарами Ким Чен Иру). Подарков за свою долгую жизнь Ким получил много: число экспонатов музея превышает 200 тысяч предметов, начиная с железнодорожного вагона от Сталина. Отдельно содержатся только животные, которых тоже часто дарили вождю. Их сразу передавали в Пхеньянский зоопарк.

Принцип «жить от начала и до конца по-своему» требовал жертв. Робкие попытки привлечь иностранные инвестиции и сделать Северную Корею чуть более открытой для внешнего мира, предпринятые в 1980-е годы, успехом не увенчались. Принятый Народным собранием КНДР закон «О совместном предпринимательстве» не работал. Инвесторы просто боялись работать с оказавшейся в изоляции страной. Едва ли не единственным реализованным проектом стало строительство гостиницы «Янгак» в Пхеньяне совместно с французской фирмой «Бернар Контрактинг».

С другой стороны, все заметнее становился экономический разрыв между Севером и Югом. Признанием успехов Сеула стала победа заявки Республики Корея на право проведения в 1988 году XXIV летней Олимпиады. Ким Ир Сен сразу же выдвинул красивую идею — провести соревнования, на которых корейские спортсмены выступили бы единой командой, на Севере и на Юге одновременно. Не дожидаясь окончательного решения, в

Пхеньяне начали возводить олимпийские объекты: был застроен с нуля современными высотными зданиями целый проспект — Кванбок (предполагалось, что там разместится Олимпийская деревня), построен самый большой в мире по вместимости стадион имени Первого мая на 150 тысяч зрителей и другие сооружения.

Но КНДР получила отказ от Международного олимпийского комитета из-за того, что две Кореи формально находились в состоянии войны. Решение обидное и несправедливое: непонятно, как по такой логике могла проводиться Олимпиада в формально воюющей Южной Корее? Пхеньян предлагал мирные инициативы, а от него ждали провокаций. Южнокорейская пресса писала о диверсантах, которые якобы должны были взрывать стадионы в Сеуле. И даже в строительстве Кымгансанской ГЭС на Севере заподозрили подготовку «операции по нанесению водного удара».

Своеобразным ответом Олимпиаде стал XIII фестиваль молодежи и студентов. Традиционно проводившийся в странах социализма форум впервые состоялся в Азии. Он проходил в Пхеньяне с 1 по 8 июля 1989 года с участием делегаций 179 стран. Для него и была задействована Олимпийская деревня и прочая инфраструктура. Главной героиней форума стала южнокорейская студентка Лим Су Ген. Агитируя за объединение страны, по окончании фестиваля она перешла границу в Панмунчжоне. На Юге Лим была арестована и получила пять лет тюрьмы.

Гости фестиваля, среди которых было немало студентов из СССР, вспоминают, что тогда специальным распоряжением власти запретили ношение джинсов. К иностранцам, правда, эти запреты не относились. В моде у корейцев была джампа — напоминающий военную форму зеленого цвета костюм на молнии, который носят без рубашки. Джампу еще называют «кимченировкой», поскольку первым ее стал носить любимый руководитель. Он запечатлен в этом костюме на многих фотографиях.

Пхеньянский фестиваль стал последним единым мероприятием социалистического мира. Уже во второй половине 1989 года один за другим стали рушиться коммунистические режимы в Восточной Европе, а вскоре с оглушительным грохотом развалился на части и некогда всесильный колосс СССР.

Глава девятая
ВЕЧНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

Последние годы пребывания Ким Ир Сена у власти стали временем нелегких испытаний. После относительно спокойного периода 1970—1980-х годов на закате жизни ему пришлось столкнуться с новыми острейшими проблемами. Крушение социалистического лагеря стало потрясением для всего мира и бросило вызов самому существованию КНДР.

Коммунизм в Восточной Европе «слинял в два дня», в течение 1989–1990 годов. Среди лидеров соцстран были и давние знакомые Кима — политические долгожители Тодор Живков в Болгарии, Эрих Хонеккер в ГДР и Николае Чаушеску в Румынии. Немалую роль в их падении сыграл Михаил Горбачев, который не только сам капитулировал перед Западом в холодной войне, но и вслед за этим инициировал «мини-перестройки» со сменой старого руководства на более «прогрессивное» в европейских компартиях, быстро приведшие к такому же результату.

Хонеккер — ровесник Кима, родившийся с ним в один год, — в октябре 89-го был отправлен в отставку на пленуме Социалистической единой партии Германии. Все это происходило с подачи Горбачева, который уже примеривал на себя лавры «объединителя немцев». Через месяц пала Берлинская стена, вскоре ГДР прекратила свое существование, а в январе 1991 года был выдан ордер на арест самого Хонеккера. Его обвиняли в гибели граждан ГДР, пытавшихся в разное время преодолеть стену и перебраться на Запад. Хонеккер лег лечиться в советский военный госпиталь. Оттуда его самолетом переправили в СССР, где Горбачев объявил его своим «личным гостем». Однако когда Германия потребовала выдать престарелого бывшего лидера СЕПГ, гостеприимство тут же сошло на нет. Кремль потребовал от бывшего союзника в трехдневный срок покинуть СССР. Хонеккер укрылся в чилийском посольстве. Позднее он был выдан Германии, отсидел там несколько месяцев в тюрьме и получил разрешение на выезд в Чили. Там он получил политическое убежище и впоследствии умер от рака.

«Россияне, по вашему мнению, намереваются зарабатывать деньги за счет Хонеккера, лидера бывшей демократической Германии, который сейчас лечится в Москве, — негодовал Ким Ир Сен в беседе с лидером шведских коммунистов. — Слышать это больно. Что можно сказать, видя, как, соблазняясь не столь уж тугим кошельком с долларами, продают товарища?

Недавно товарищ Хонеккер обратился к нам с просьбой о лечении у нас в стране. О его просьбе мне как-то доложили на рассвете. К четырем часам утра товарищ Ким Чен Ир позвонил мне и сказал, что у него есть о чем срочно доложить и что Хонеккер письменно сообщил о своем желании лечиться у нас. Я не мог больше думать ни о чем другом и тут же предложил сообщить Хонеккеру, что мы приветствуем его решение лечиться в нашей стране и создадим все необходимые условия для его лечения. Дав согласие на предложение Хонеккера, мы даже отправили свой самолет в Москву, чтобы привезти больного к нам. Однако россияне не захотели передать его нам, и мы не смогли привезти его к себе. Я давно и хорошо знаком с товарищем Хонеккером. Мы с ним ровесники, отношения у нас хорошие. Беспокоюсь о его судьбе. Страна погибла — и людям тоже суждена горькая участь»[1].

Рука Москвы была причастна и к уходу Тодора Живкова, 35 лет правившего Болгарией. В ноябре 1989 года пленум болгарской компартии принял его отставку. На этот шаг он пошел под давлением и угрозами поддерживаемых Горбачевым молодых соратников. Он был обвинен в расхищении государственных средств и ряде других преступлений. Суд приговорил Живкова к семи годам лишения свободы, однако в силу преклонного возраста и здоровья ему было разрешено жить под домашним арестом. Бывшего главного болгарского коммуниста не отправили в тюрьму, поскольку он оставался весьма популярным в народе. Скончался он в 1997 году в своем доме в Софии.

Самая трагическая участь постигла человека, которого называли «Великим кондукатором», «Гением Карпат» и «Дунаем мысли» — Николае Чаушеску. В декабре 1989 года он стал жертвой заговора в армейской верхушке. На фоне вспыхнувших в Бухаресте народных волнений он был арестован военными, судим наспех созданным трибуналом за один день и расстрелян вместе со своей женой Еленой.

Иначе развивалась ситуация в Китае. В том же 1989 году студенческие протесты на площади Тяньаньмэнь были подавлены с помощью армии. Поддержавший требования студентов генсек ЦК КПК Чжао Цзыян был пожизненно посажен под домашний арест. Таким образом, монополия компартии на власть была подтверждена. Ким Ир Сен, серьезно опасавшийся начала перестройки в Китае, жестокие действия в отношении студентов поддержал.

Тем временем отношения КНДР с Советским Союзом продолжали стремительно ухудшаться. Особенно неприятным сюрпризом для Пхеньяна стало взаимное признание СССР и

Республики Корея.

Летом 1990 года президенты Михаил Горбачев и Ро Дэ У «случайно» встретились в Сан-Франциско, во время визита советского лидера в США. В сентябре между странами были установлены дипломатические отношения. Горбачев нанес ответный визит в РК весной следующего года. Любопытно, что во время неформального общения Ро Дэ У передал высокому гостю из Москвы 100 тысяч долларов. Как объяснял сам экс-генсек, южнокорейский лидер сообщил, что это «взнос его семьи на благотворительность»[2]. С другой стороны, этот эпизод можно рассматривать как банальную взятку. Недаром южнокорейский президент (в отличие от Горбачева) после потери власти стал фигурантом многочисленных расследований о коррупции.

Под занавес 1991 года страна, благодаря которой Северная Корея появилась на карте мира, бесславно окончила свои дни. Лидер же новой России Борис Ельцин и слышать ничего не хотел о бывшем союзнике.

Во время визита в Сеул в 1992 году Борис Николаевич передал южнокорейской стороне целый ряд документов из советских архивов, касающихся подготовки и начала Корейской войны. (Как позже выяснилось, подборка была весьма специфической и пристрастной.) Кроме того, он заявил, что Союзный договор с КНДР от 1961 года «иссяк». Все это вызвало предсказуемо жесткую реакцию в Пхеньяне, где РФ стали рассматривать как одно из враждебных государств.

Поначалу Ким Ир Сен даже верил в возможность скорой революции в России и оказывал помощь российским коммунистам. Лидер «Трудовой России» Виктор Анпилов вспоминает, как во время кампании по защите мавзолея Ленина в 1991 году на него вышли сотрудники северокорейского посольства и передали посылку «от Пхеньянского комитета ТПК» — пять мощных мегафонов. А когда он сам оказался в столице КНДР и на одном из приемов встретился с Кимом, тот напутствовал его: «Думайте больше о единстве коммунистов. Мы верим, СССР возродится».

Главной причиной падения СССР, по его мнению, стало отсутствие правильного идейного воспитания и предпочтение идеалам социализма материальных ценностей. «КПСС почти не обращала внимание на идейное воспитание членов партии и беспартийных трудящихся. К тому же она подчеркивала только необходимость материального стимулирования, в результате чего люди стали скупердяями, знающими только деньги. Они не принимают во внимание ни партии, ни Отечества, ни народа. Люди думали лишь о своем благополучии, о том, как заработать

деньги, чтобы купить автомашину и дачу. А девушки хотели выйти замуж только за тех, у кого есть машина и дача. Идейно-духовное состояние людей оказалось на таком жалком уровне, и они не могли видеть реакционность "нового мышления", автором которого был Горбачев»[3].

На приеме по случаю 40-летия победы в Отечественной освободительной войне в 1993 году Ким Ир Сен обратился к герою Советского Союза Ивану Ляшенко, с которым был знаком еще с 1940-х годов:

— Как вас звать теперь, товарищем или господином?

— Товарищем, конечно, — удивился вопросу убеленный сединами ветеран.

— А где ваш партбилет? Чтобы носить звание «товарищ», надо иметь партбилет…

— Я храню его у себя…

— Тогда скажите мне, что привело к провалу СССР? Ведь у вас было 18 миллионов коммунистов.

— Видимо, наша партия плохо вела идейное воспитание людей, — окончательно смутился Ляшенко.

— Вот именно, — кивнул Ким и чокнулся с ним рюмкой сочжу.

Что касается стран Восточной Европы, корень их провала КимИр Сен видел еще и в слишком тесных связях с Москвой, которая, начав перестройку, потащила их за собой на дно. Диагноз знакомый: низкопоклонство. «Когда в СССР произносили "а", у них тоже можно было услышать "а", а когда первые произносили "б", и последние повторяли по их примеру — "б". Низкопоклонство перед Советским Союзом было до того губительным, что в одной из этих стран имели хождение разговоры, что когда в Москве шел дождь, люди в той стране, даже без дождя, ходили с зонтами. На самом деле страны Восточной Европы уподобились республикам Советского Союза… Мы делаем все, всегда стоя на собственных позициях, по своему образцу. Пусть в Москве идет дождь. Но если в нашей стране сияет солнце, зачем же нам ходить с зонтами и оглядываться на других?»[4]

В апреле 1992 года в столице КНДР прошел Пхеньянский форум революционных партий. Итоговую декларацию подписали более 70 коммунистических и левых партий разных стран, включая компартии США, Великобритании, Ирландии, Индии. Россию на форуме представляли ВКП(б) Нины Андреевой, РКРГТ, Союз коммунистов. Это была своего рода заявка на лидерство в мировом левом движении после падения коммунизма в СССР и Восточной Европе.

Она была изначально обречена на неудачу. Во-первых, возможности КНДР — небольшой страны, переживавшей к тому же период экономических трудностей, — уже в который раз не соответствовали ее амбициям. А во-вторых, преобладающим трендом в левом движении, особенно среди старых, и влиятельных партий во Франции, Италии и других странах, стало движение в сторону мягкого, социал-демократического варианта идеологии, то есть — в противоположную от твердокаменных идей чучхе сторону. Хотя при этом Пхеньян сохранил определенное влияние на левую среду через сеть кружков и обществ по изучению кимирсенизма во многих странах мира.

Из пусть и обособленной части коммунистического лагеря, претендовавшего на то, чтобы распространиться на всю планету, КНДР превратилась в изолированный от остального мира анклав. Для небольшого государства с экономикой, завязанной на страны соцлагеря, и прежде всего — СССР, разрыв традиционных связей стал настоящей катастрофой. Импорт из России в Северную Корею сократился на 50–75 процентов. Прекращение поступления нефтепродуктов (Москва предложила рассчитываться за них в валюте) привело к сворачиванию строек и остановке большинства предприятий. ВВП начал стремительно падать.

Зато политическая система КНДР оказалась вполне подходящей (а возможно — и единственно подходящей), чтобы выдержать испытания 1990-х годов. Ким Ир Сен смотрел на все происходившее с восточным спокойствием. «Пусть даже небо упадет на землю, мы не свернем с избранного пути» — таково было его кредо.

В 1990-е годы продолжался процесс продвижения Ким Чен Ира к вершинам власти. Причем шел он по армейской линии. В 1991 году Ким Чен Ир становится Верховным главнокомандующим КНА, в 1992-м — маршалом КНДР, в 1993-м — председателем Государственного комитета обороны. Ким Ир Сен, в свою очередь, к 80-летию получил чин генералиссимуса.

В 1992 году Ким Чен Иру исполнилось 50 лет. Юбилей отмечался широко и помпезно, а 16 февраля стало национальным праздником. По этому случаю отец написал торжественную оду:

На гребне горы Пэкту
Возвышается пик Чен Ира,
Огибая его, течет речка Собэк.
Как-то настало пятидесятилетие
Кванменсона, наряду с большой эрудицией
И полководческим искусством
Обладающего преданностью

И сыновней любовью.
От грома ликующих возгласов
Всего человечества,
Выражающего ему чувство почтения единое,
Содрогаются небо и земля!

В конце жизни Ким Ир Сен сделал примирительный жест в отношении некоторых умерших опальных партийцев. Например, приказал перезахоронить на Тэсонсанском кладбище прах тех из бывших партизан, кто был снят со своих постов в ходе чисток или погиб при странных обстоятельствах. Жест этот, разумеется, был адресован не самим покойникам, а членам их семей и детям, которые продолжали работать в органах власти. И призван был сплотить их вокруг Ким Чен Ира.

В 1992 году Верховное народное собрание приняло ряд изменений в Конституцию, которые должны были отразить новое положение страны в мире. В новой редакции Основного закона была закреплена руководящая роль ТПК и продекларировано, что «КНДР осуществляет всю свою деятельность под руководством Трудовой партии Кореи». Появилась и специальная глава «Оборона страны», в которой было зафиксировано «вооружение всего народа, превращение всей страны в крепость, превращение всей армии в кадровую и ее модернизация». Конституционный статус получил Государственный комитет обороны, ставший фактически ключевым органом власти в стране.

Из текста окончательно исчезли упоминания о марксизме-ленинизме, пролетарском интернационализме и диктатуре пролетариата. Все это было уже не актуально. Зато идеи чучхе именовались теперь «исконно корейскими руководящими идеями». Это отражало дальнейший дрейф идеологии в сторону национализма. Легитимация режима теперь исходила не столько из марксизма, сколько из древней корейской истории.

Известен тезис, что история — это политика, опрокинутая в прошлое. Для КНДР же история — это чучхе, опрокинутое в прошлое. В преклонном возрасте Ким Ир Сен, оставив текущие дела по управлению страной, стал все больше думать о вечном. Он активно пропагандировал «пятитысячелетнюю историю корейского народа» и развивал культ великих корейских правителей древности, среди которых особое место занял полулегендарный «отец нации» Тангун.

Согласно преданию, Тангун (Небесный князь) был сыном божества Хвануна. Он пожелал жить среди людей и сошел на землю на горе Пэкту. Там он встретил тигра и медведицу,

которые молили его превратить их в людей. Хванун дал им по стебельку полыни и по 20 чесночин и велел 100 дней не показываться на солнце. Тигр столь суровых испытаний не выдержал, а медведица превратилась в женщину и родила от Хвануна сына. Тангун основал государство Чосон со столицей в Пхеньяне. Он прожил на земле 1908 лет, после смерти вернувшись в мир духов.

Культ Тангуна был традиционно развит в Корее. Некоторые религиозные течения с начала XX века стали обожествлять его. Долгое время летоисчисление на Юге велось с начала правления Тангуна, а его день рождения является национальным праздником. В 1960-е годы фигуру «отца нации» для популяризации модернизации по-корейски использовал Пак Чон Хи.

В январе 1993 года Ким Ир Сен заявил, что следует правильно истолковывать биографию Тангуна и историю древней Кореи, которые извращались вследствие колонизаторской политики японских империалистов. Окрыленные словами вождя северокорейские археологи через месяц обнаружили неподалеку от Пхеньяна могилу Тангуна с останками самого Небесного князя и его жены. Их возраст был датирован в 5011 лет. (Ученые из других стран отнеслись к открытию скептически, однако их к экспертизе останков не допустили.)

Вскоре Ким встретился с археологами и реставраторами и произнес речь «О направлении реставрации могилы Тангуна». Он назвал раскопки могилы «великой победой отечественной археологии и огромной гордостью корейской нации» и подчеркнул, что из мифологического героя Тангун теперь превратился в историческую личность. Политическое значение их работы было четко разъяснено ученым: «Надлежащая реставрация имеет важное значение. Она продемонстрирует, что наша страна имеет древнюю пятитысячелетнюю историю, что наша нация — единокровная нация, в жилах которой течет кровь одних и тех же предков, уже с момента ее образования, и что столица революции Пхеньян исконная родина корейской нации, где и родился Тангун»[5].

Могила Тангуна была перенесена на новое место. Она расположилась в уезде Кандон, на сопке близ шоссе для удобства туристов, и была реконструирована «наилучшим образом» в соответствии с пожеланиями вождя. Он дал 47 конкретных указаний о том, как необходимо это делать, включая расположение гробов Тангуна и его жены, устройство каменных ворот в стиле древней Кореи и даже стола для жертвоприношений, которые, возможно, захотят совершить

паломники с Юга. Окончательный проект постройки новой гробницы Ким Ир Сен подписал за несколько дней до смерти. Открыта для посетителей она была уже осенью 1994 года. И действительно стала постоянным местом встреч делегаций Севера и Юга.

Аналогичным образом в 1990-е годы были «реконструированы» могилы основателей государств Когурё — Тонмена, и Коре — Ван Гона. Когурё в КНДР отдавали явное предпочтение среди множества государственных образований, существовавших на Корейском полуострове. Вероятно, потому, что оно возникло на Севере, столица располагалась в Пхеньяне, а в период процветания включало ряд земель на территории нынешнего Китая. (По вопросу о том, каким государством следует считать Когурё — корейским или китайским, идут оживленные споры между историками Поднебесной и обеих Корей.) Могилу основателя Когурё Тонмена превратили в пышный мавзолей, который только в 1993 году Ким посещал семь раз.

Коре же было первым единым государством на полуострове. И почести, оказываемые Ван Гону, должны были указывать на историческое значение предложений Ким Ир Сена по объединению страны. Как пишет северокорейский автор, узнав о реконструкции гробницы, благодарные потомки Ван Гона прислалипрезидентуКНДРпечатьшестисотлетнейдавностии родословную династии. Посмотрев на портрет Ван Гона, Ким громко засмеялся: вижу перед собой удивительного красавца! И заявил, что, поскольку этот человек был объединителем Кореи, он выступит с предложением назвать будущее государство Демократической Конфедеративной Республикой Коре.

Печать Ванов — лишь один из многих символов преемственности. Другим таким символом выступает, к примеру, белая сорока. «В последнее время в районе Пхеньяна наблюдалось появление белой сороки, — рассказывал Ким археологам, реконструировавшим гробницу Тонмена. — И я тоже недавно ее видел. Иные товарищи, опасаясь, что сорока улетит, предлагали поймать ее и сделать из нее чучело. Я не согласился и посоветовал наблюдать за птицей, чтобы установить, как долго она будет жить. Велел также сфотографировать эту птицу и снять ее на видеопленку. О появлении белой сороки оповещали газеты, сопровождая информацию фотоснимками. Так как белая сорока — редкая птица, которую мы видели впервые, я дал задание орнитологам Университета им. Ким Ир Сена и Центрального зоопарка справиться о ее происхождении и выяснить, была ли она когда-нибудь в нашей стране. В начале сведений на этот счет не было, а потом в исторических записках "Личжосиллок" нашли

упоминание о том, что на десятом году правления короля Сечжо над уездом Коксо провинции Чолла пролетела белая сорока и что правитель провинции направил королю доклад и поздравил его по этому поводу. В докладе говорилось, что благодаря проводимой королем успешной политике, проникнутой гуманизмом и справедливостью, всюду в стране наблюдаются счастливые приметы, и именно в это время была замечена веселая белая птица, следующая за человеком. Увидев ее и просто услышав о ней, люди от мала до велика пускались на радостях в пляс. Белая сорока снова появилась у нас через 500 лет, или немногим более, после того как ее видели во время правления короля Сечжо. Она летала и садилась у обочины дороги, по которой я ходил каждый день»[6].

Все это должно было подчеркнуть тезис, что КНДР является правопреемником наиболее могущественных государств на полуострове, алично Ким Ир Сен — продолжателем дела легендарных правителей прошлого Кореи. Впрочем, вскоре он пошел еще дальше: «По экспертизам археоптерикса, найденного в нашей стране, эта древнейшая птица жила, увы, 150 миллионов лет назад. Получив доклад о находке окаменелых останков этой птицы, я очень обрадовался и предложил назвать ее "корейским археоптериксом". Это дает нам основание сказать, что наша страна является очагом возникновения не только человека, но и птиц»[7]. В XXI веке эти тезисы вождя были отражены в фильме «Корея славится древней историей», где рассказывается о «птеродактилях, взмывавших в синее небо Пхеньяна» и о том, что именно на территории нынешней столицы КНДР произошел от обезьяны и прошел основные стадии эволюции человек.

Другая область исторических изысканий Ким Ир Сена касалась его собственной биографии до освобождения страны. В конце жизни он все чаще вспоминал партизанские годы и своих погибших товарищей по оружию. На балконе Кымсусанского дворца была установлена подзорная труба, в которую он подолгу рассматривал могилы своих соратников на Тэсонсанском кладбище.

Перешагнув восьмидесятилетний рубеж, он начал работать над мемуарами «В водовороте века». «Моя жизнь началась встречей с двадцатым веком и шла вместе с ним, оставившим невиданный в жизни человечества глубокий отпечаток и вызвавшим крупные перемены на политической карте мира. Она, эта моя жизнь, и есть в миниатюре история нашей Родины и нашей нации», — написал он в предисловии к ним в апреле 1992 года. Это чистая правда. Вряд ли кто-либо другой из правителей в XX веке мог в большей степени претендовать на то, чтобы быть

судьбой нации.

Восемь томов мемуаров охватывают период с 1912-го до осени 1945 года. Ким довольно откровенно описал свою биографию, так что северокорейским историкам пришлось срочно менять некоторые устоявшиеся концепции. К примеру, признать его пребывание в 1941–1945 годах на советском Дальнем Востоке.

Помимо истории, сферой приоритетного внимания Ким Ир Сена оставались вопросы внешней политики. Прежде всего это были межкорейский диалог и отношения с Соединенными Штатами. У него с сыном возникло на этой почве своеобразное разделение труда: «Я занимаюсь в основном внешними делами, а товарищ Ким Чен Ир — внутренними».

Падение соцлагеря вынудило искать новые подходы в отношениях с Сеулом. В 1991 году между Севером и Югом было заключено Соглашение о перемирии, ненападении, сотрудничестве и обменах, а также подписана Декларация о безъядерном статусе Корейского полуострова. Пхеньян и Сеул впервые официально признали существование друг друга и обязались не применять силу. В том же году КНДР была принята в ООН.

Тем временем на Юге произошли, казалось, благоприятные для диалога перемены. В 1993 году к власти пришел Ким Ён Сам — бывший оппозиционер, диссидент, активный участник движения против диктатур Пак Чон Хи и Чон Ду Хвана. По оценке С. Курбанова, это был первый президент Республики Корея, избранный демократическим путем и не имевший отношения к диктатуре или военным. В своей речи во время инаугурации он обратился лично к Ким Ир Сену с предложением сотрудничества и сближения двух Корей.

В ответ Ким выступил с очередными инициативами по объединению под названием «Программа по великой консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов». Она включала в себя следующие пункты:

1. Путем великой консолидации всей нации создать независимое, мирное и нейтральное единое государство. (Конфедерацию с двумя региональными правительствами на Севере и Юге.)

2. Добиться сплоченности на основе любви к нации и духа национальной самостоятельности.

3. Добиться сплоченности на основе принципов сосуществования, сопроцветания и обеспечения общих интересов и подчинения всего великому делу воссоединения Родины.

4. Сплотиться, прекратив всякие политические диспуты, поощряющие раскольничество и противоборство между

соотечественниками.

5. Ликвидировать опасения нападения на Север и на Юг, достижения победы над коммунизмом и превращения страны в красную и добиться взаимного доверия и сплоченности.

6. Дорожить демократией, не отвергать друг друга за различные политические убеждения, а вместе идти рука об руку для объединения Родины.

7. Защищать материальные и духовные блага, принадлежащие отдельным личностям и организациям, поощрять использование их в пользу достижения великой национальной консолидации.

8. Добиться взаимного понимания, доверия и сплоченности через контакты, передвижения и диалог.

9. Всем членам нации на Севере и Юге страны, за ее пределами укреплять взаимную солидарность на пути к объединению Родины.

10. Высоко оценить людей, внесших вклад в дело великой национальной консолидации и объединения Родины[8].

Ким Ён Сам в ответ предложил три фазы объединения Кореи: примирение, сотрудничество, преодоление враждебности, создание корейского сообщества и, наконец, единого корейского государства, принятие конституции и проведение выборов.

После этого стороны констатировали близость позиций и договорились о проведении саммита двух президентов в КНДР в 1994 году. Ким Ир Сен не дожил до него считаных недель…

В отношениях КНДР и США в начале 1990-х разразился первый ядерный кризис. Впервые планы использовать ядерную бомбу на полуострове у Вашингтона появились еще во время Корейской войны. Вскоре после ее окончания в Южной Корее было размещено американское ядерное оружие. В КНДР тоже были вынуждены задуматься об этом. Но в условиях дефицита электричества и полезных ископаемых не менее важным было развитие мирного атома. Первый ядерный реактор был создан при содействии СССР в Йонбене неподалеку от Пхеньяна в 1960-е годы. А в 1984 году, во время визита в Москву Киму удалось договориться о строительстве атомной электростанции при советском техническом содействии. Однако из-за перестройки и развала СССР проект так и не был реализован.

В начале 1990-х, на фоне падения мирового социализма и успеха операции «Буря в пустыне» против Ирака, в американском истеблишменте начались дискуссии о возможности создания в КНДР ядерного оружия и свержения режима Ким Ир Сена военным путем. Апогея эти настроения достигли после прихода к власти в 1993 году нового президента Билла Клинтона, который

перенацелил часть ядерного арсенала Штатов с СССР на КНДР, а также заявил, что будет продолжать американо-южнокорейские учения «Тим спирит» (прекращение которых было одним из условий допуска международных инспекторов на корейские ядерные объекты). В этих условиях КНДР объявила, что выходит из договора о нераспространении ядерного оружия, и была объявлена главной угрозой безопасности США.

Так начался кризис. Последовали длительные переговоры с периодическими выпадами США и КНДР друг против друга. Сам Клинтон пишет в своих мемуарах: «Я был полон решимости не позволить Северной Корее создать ядерный арсенал, несмотря на риск начала войны. Чтобы иметь абсолютную уверенность в том, что северокорейцы понимают серьезность наших намерений, Перри (госсекретарь США) в течение следующих трех дней продолжал выступать с жесткими высказываниями и даже заявил, что мы не исключаем возможности нанесения превентивного военного удара»[9]. Пхеньян ответил, что «КНДР готова и к диалогу, и к войне», и в случае последней обещал «превратить Сеул в море огня».

Вскоре, однако, Северная Корея начала снижать напряженность, предложив сперва заменить урановый реактор на американский на легкой воде, а затем и вовсе приостановив работу реактора. А Клинтон получил, по его собственной формулировке, «отрезвляющий анализ огромных военных потерь в случае войны». Потери убитыми и ранеными в течение первых трех месяцев войны оценивались в 52 тысячи американских солдат, 490 тысяч южнокорейских плюс «громадное количество» северокорейцев, как военных, так и гражданских лиц.

Тут весьма кстати оказалось предложение бывшего президента США Джимми Картера посетить Северную Корею и выступить посредником в решении вопроса. В июне 1994 года Картер отправился в Пхеньян, став первым американским официальным лицом такого ранга, приехавшим в КНДР.

Демократ Джимми Картер давно вызывал симпатии у Ким Ир Сена. Еще в 1977 году, когда он объявил о своем намерении вывести американские войска с Юга, Ким назвал его «справедливым человеком». Встреча Картера и Кима, ставшая одной из последних в его жизни, была успешной. Были достигнуты договоренности, благодаря которым кризис был разрешен. КНДР вернулась в договор о нераспространении ядерного оружия и остановила работу реактора в Йонбене. США же пообещали строительство двух легководородных реакторов, а до завершения работ — поставки топлива в Северную Корею. Стороны обязались нормализовать отношения.

Вот что писал о визите Картера журнал «Корея сегодня»: «Джимми Картер, 39-й президент США, встретившийся с президентом Ким Ир Сеном в середине июня 83 (1994) года во время визита в КНДР, выразил свои впечатления так:

— Президент Ким Ир Сен является величайшим из людей, с которым не могут сравниться Джордж Вашингтон, Томас Джефферсон и Авраам Линкольн вместе взятые… Могу с уверенностью сказать, что Ким Ир Сен — бог Солнца и вершитель судеб, превосходящий по величию Гелиоса и всех вместе взятых основателей государств мира.

Старожил политических кругов США, считающийся лидером западного мира, Картер был самолюбив… Но он, не смущаясь, восхвалял президента Ким Ир Сена… Почему?

Ответ на это мы можем найти в том, что он пережил в дни пребывания в КНДР.

17 июня. Президент Ким Ир Сен вместе с Дж. Картером направился на теплоходе на Западноморский гидрокомплекс. На борту он устроил обед в честь гостя. Приглашая гостя к столу, президент сказал, что блюда приготовлены с учетом аллергии того на соевые продукты.

Картер… был глубоко тронут вниманием президента.

Президент Ким Ир Сен непринужденно вел разговор. О продолжительности жизни населения… о видах на урожай, о направлении развития международных отношений, о борьбе корейского народа за претворение в жизнь идей чучхе, о перспективе объединения Кореи, о международном мире и будущем человечества… Темам разговора не было конца.

Картера покорили богатый багаж знаний и эрудиция президента… Вдруг взор Картера… остановился на двух небольших силосных башнях вдали. Он с любопытством спросил:

— Господин президент, можете ли вы сказать мне, что там хранится?

Товарищ Ким Ир Сен ему подробно ответил…

— Просто удивительно! — сказал Картер. — В мире много глав государств, но никто из них не был бы осведомлен так, как вы, знающий даже о содержимом какой-то силосной башни…

Президент подозвал одного из сопровождавших и сказал ему, чтобы убавили скорость судна. Картер с недоумением спросил, в чем дело.

Президент Ким Ир Сен одной рукой указал на берег и сказал:

— Смотрите, там, на берегу, люди удят рыбу. Давайте плыть тише, нельзя мешать им…

Картер был восхищен…»[10]

В отличие от впадавших в маразм в старости советских

руководителей эпохи застоя, Ким Ир Сен оставался в здравом уме, твердой памяти и неплохой для его возраста физической форме до самого конца. Профессор Геннадий Бердышев, приезжавший в Пхеньян лечить восьмидесятилетнего президента КНДР, вспоминал, что жаловался он в первую очередь на… снижение потенции. По рекомендации Бердышева пионеров страны организовали на сбор 20 тысяч целебных трав. Из них были изготовлены лекарства, которые снижали уровень гормона, разрушавшего кору головного мозга. Сперва их протестировали на пациентах геронтоклиники. Когда старики начали проситься домой к своим старушкам, он приказал пролечить ими министра обороны и своего брата, а затем прошел курс сам. Результат более чем удовлетворил его[11].

В последний год состояние Ким Ир Сена ухудшилось: он перенес операцию на глаза, давали о себе знать проблемы с сердцем. Однако он вел свой обычный активный образ жизни — проводил многочисленные совещания, давал интервью, посещал заводы, школы и стройки. В обращении к нации Ким Ир Сен вынужден был говорить о трудностях, переживаемых страной: экономический курс нужно корректировать в связи с неудачей семилетнего плана, уделять главное внимание сельскому хозяйству, легкой промышленности и внешней торговле. Новогодний праздник он, как обычно, встретил вместе с детьми: посмотрел представление в пхеньянском Дворце спорта и сфотографировался с ребятами на память. Только в июне 1994 года он принял 18 иностранных делегаций, несколько раз выезжал в горы для выбора места межкорейского саммита, руководил на месте работой нескольких сельхозкооперативов, а 5 и 6 июля провел совещание ответственных работников в области экономики.

Итог своей долгой жизни он подвел в интервью «Вашингтон таймс»: «Я отдал всю свою жизнь борьбе за суверенитет нашей нации, за дело самостоятельности нашего народа. Своей длительной трудной борьбой мы добились национальной независимости и построили на родной земле самый превосходный социализм — социализм нашего образца, служащий интересам народных масс. Создано подлинно народное общество, социалистический строй, воплощающие в себе идеи чучхе нашей партии, благодаря чему наш народ смог осуществить свое вековое чаяние — освободиться от пут эксплуатации и гнета, жить, как подобает хозяину своей судьбы, высоко держать свое достоинство и честь как самостоятельного народа.

Революционное дело, направленное на осуществление самостоятельности народных масс, не кончается при жизни

одного поколения. Это дело длительного времени, которое продолжается и завершается на протяжении нескольких поколений. Нами уже сделано многое, но предстоит еще многое сделать. Мы должны завершить дело социализма в северной части страны и объединить расчлененную Родину»[12].

Ким Ир Сен скончался в ночь на 8 июля 1994 года от сердечного приступа. Существуют несколько версий того, какими были его последние часы в этом мире. Согласно северокорейским источникам, он умер в своем рабочем кабинете в Кымсусанском дворце. Вот как описан этот день в официальной биографии: «7 июля, в этот последний день своей великой жизни, Ким Ир Сен работает с большим напряжением, не позволяя себе ни минуты передышки. В тот день он с раннего утра начал работу, жертвуя даже временем прогулки, правил слово за слово документ по вопросу объединения Родины, окончательно обрабатывая его, расписался на нем размашистым почерком: "Ким Ир Сен. 7 июля 1994". А в 10 часов утра он вызвал к себе одного ответственного работника и сказал ему, что по прогнозу погоды будет много дождей и следовало бы пойти на место, чтобы узнать уровень воды и состояние плотины. Потом, осведомившись о погоде во вторую половину дня, он советовал принять чрезвычайные меры по предотвращению разлива рек и водохранилищ. Во второй половине дня, в 3 часа 55 минут, Ким Ир Сен, обращаясь к одному руководящему работнику, анализирует поведение Картера после визита в КНДР и положение в Японии, наказывает продуманно вести дипломатическую деятельность. В 4 часа 9 минут, в 5 часов 25 минут и в 5 часов 37 минут он звонит руководящим работникам соответствующих отраслей и дает им ценные указания, связанные с вопросом энергообеспечения и другими вопросами претворения в жизнь революционной экономической стратегии. В 7 часов 30 минут вечера он, поужинав не более чем за пять минут, снова идет в свой рабочий кабинет и до глубокой ночи целиком отдается делу. Рассматривая документ, он то подчеркивает важнейшие места, то исправляет и вставляет отдельные фразы»[13].

По другим данным, которые приводит в своей книге «Две Кореи: современная история» Дон Обердорфер, Ким умер в горах во время инспекции при подготовке межкорейского саммита. Бывший партизанский командир не считал нужным возить с собой врачей и лекарства. Это, как он считал, показало бы его слабость. И когда у него случился сердечный приступ, помощь не успела вовремя.

После вскрытия сейфа в рабочем кабинете там нашли лишь один листок — фотографию Ким Чака. Весь остальной свой архив

Ким отдал в музей, но одно фото оставил себе. А подзорная труба на балконе осталась навсегда наведенной на бюст любимой Ким Чен Сук на кладбище революционеров.

«И Маркс, и Ленин были интеллигентами. Мао Цзэдун тоже интеллигент. Многие из участников революции — интеллигенты… Я, конечно, не рабочий, не крестьянин, не интеллигент. По своему социальному положению я революционер. По-иному определить нельзя», — говорил Ким незадолго до смерти[14]. Эти слова можно считать его кредо.

Днем 9 июля о смерти Ким Ир Сена было объявлено по радио и телевидению. Страна буквально тонула в слезах и задыхалась от горя. На похоронах 19 июля два миллиона пхеньянцев провожали машину с гробом и огромным портретом улыбающегося вождя слезами и цветами, многие бросались на землю, били руками по асфальту в отчаянии. «Дорогой вождь-отец! Не уходите! Как нам быть без вас?» — кричали они. Журналисты и дикторы плакали прямо в эфире. 20 июля в Пхеньяне и во всех городах страны прошли массовые траурные митинги.

Соболезнования в связи с кончиной бессменного северокорейского лидера выразили главы многих государств, включая Билла Клинтона. Тем более вызывающе на этом фоне смотрелось молчание двух президентов — Ким Ён Сама, с которым Ким должен был встречаться в ближайшее время, и Бориса Ельцина, не проявившего даже элементарной вежливости к соседнему государству.

Смерть Ким Ир Сена, по сообщениям из КНДР, сопровождалась необычными природными явлениями. Остров на реке Тэдон напротив Мангёндэ внезапно заполнили сотни журавлей. Птицы жалобно кричали и несколько дней не трогались с места. Солнце стало тусклее светить сквозь дымку, на нем появились пятна. Вскоре начались сильнейшие дожди.

С физической смертью Ким Ир Сена его жизнь не кончилась, а перешла в новое качество. Тело было решено забальзамировать, а его резиденцию превратить в самый большой в мире мавзолей. Эти работы были завершены за год, и 8 июля 1995 года Кымсусанский мемориальный дворец открылся для посетителей. Он стал именоваться «Высшей святыней чучхе».

Посещение мавзолея — целый ритуал, оставляющий сильные ощущения. Чтобы посетители не мокли под дождем и снегом, перед входом во дворец выстроены крытые галереи протяженностью около километра. Перед дверями дворца необходимо пройти своего рода «обряд очищения»: наступить на коврик со специальным раствором, затем пройти через камеру с

ионизированным воздухом. Внутри начинается череда траурных залов с приглушенным освещением. В первом — статуя Кима в любимой позе (руки скрещены за спиной), во втором — барельефы, изображающие скорбящих по вождю людей. «Это зал скорби и слез, — звучит суровый мужской голос. — Великая трагедия постигла наш народ. 8 июля 1994 года умер товарищ Ким Ир Сен. Земля содрогнулась от обрушившегося на нее горя. Казалось, земной шар потерял свою массу от тяжести утраты. Весь корейский народ плакал кровавыми слезами. Слезы всего народа, падая, плавили камень и сами становились камнем, навеки остались здесь, где все прогрессивное человечество, все люди мира прощались с великим вождем». Наконец, главный зал: в полутемном помещении, где навытяжку застыли офицеры КНА, в центре зала стоит усыпальница из пуленепробиваемого стекла с телом вождя. Посетители, обходя гроб, кланяются ему с каждой стороны и выходят в другие залы, где выставлены награды Кима, его автомобили и личный железнодорожный вагон.

Для северокорейцев он остался живым в прямом смысле этого слова. На Новый, 1995 год телевидение показало не обращение Ким Чен Ира, а повторило прошлогоднюю речь Ким Ир Сена. По всей стране начали сооружаться «стелы вечной жизни» с высеченными на них словами: «Великий вождь товарищ Ким Ир Сен вечно находится с нами». И даже обязательный тост за вождя звучит в буквальном переводе так: «За вечную жизнь товарища Ким Ир Сена». Корейцы были объявлены нацией Ким Ир Сена, корейский язык — языком Ким Ир Сена.

Общенациональный траур по вождю продолжался три года. После его окончания в 1997 году в КНДР было введено летоисчисление чучхе, начинающееся с дня рождения Кима. А в 1998 году Верховное народное собрание приняло изменения в Конституцию. В Основном законе появилось введение, где был закреплен его статус «вечного президента»: «КНДР и корейский народ под руководством ТПК, глубоко почитая великого вождя товарища Ким Ир Сена как Вечного Президента Республики, защищая, наследуя и развивая его дела и идеи, будут доводить революционное дело чучхе до победного конца.

Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики является Кимирсеновской Конституцией, юридически зафиксировавшей идеи великого вождя товарища Ким Ир Сена о государственном строительстве, основанные на принципах чучхе, и его достижения в этой области»[16].

Еще при жизни Ким Ир Сена к Ким Чен Иру часто относились пренебрежительно: мол, вырос в тени отца, власть ему передали

из рук в руки, реальной жизни не знает. Публицист Леонид Млечин, к примеру, называл его «изнеженным барчуком».

Между тем Киму-младшему пришлось действовать в куда более тяжелых условиях, чем его отцу. Ким Ир Сен прибыл в освобожденную РККА Корею на пароходе «Пугачев», советские генералы и администраторы отстроили ему «под ключ» властную систему, СССР оказывал огромную помощь во всех отраслях хозяйства, а в годы Корейской войны от надвигающейся катастрофы спас Китай.

Ким Чен Иру надеяться было решительно не на кого. Он пришел к власти в ситуации, близкой к катастрофе: развал экономики, исчезновение социалистических стран с карты мира, отсутствие реальных союзников и источников помощи. В этих условиях он сумел сохранить государство и систему власти. А затем вывел КНДР на новый уровень развития, когда страна стала запускать спутники в космос и смогла создать собственную ядерную бомбу.

Одним из первых заявлений Ким Чен Ира стало: «Не ждите от меня никаких изменений!» 1 января 1995 года, инспектируя одну из частей КНА, он объявил, что отныне в стране будет проводиться «сонгунская» (военно-ориентированная) политика. Армия была объявлена самым передовым классом общества, а защита Родины от внешних посягательств — абсолютным приоритетом в соответствии с принципом: «Можно прожить без конфет, но нельзя без бомб».

Жить, правда, вскоре пришлось не то что без конфет, а даже без риса. Цена сохранения независимости была ужасающей. 1995 и 1996 годы принесли с собой настоящую природную катастрофу: сначала проливные дожди и наводнения, затем — засуха. Неурожаи в течение нескольких лет подряд, наложившиеся на разрыв традиционных экономических связей, привели к массовому голоду. Ситуацию в стране сравнивали с Ленинградом времен блокады. По разным оценкам, от голода и сопутствующих болезней в это время погибло от 250 тысяч человек (это данные самой КНДР) до двух миллионов человек (оценка Госдепартамента США).

Северная Корея пошла традиционным путем преодоления трудностей, с опорой на собственные силы и проведением массовых трудовых кампаний. Было объявлено о начале Трудного похода по образцу антияпонских партизан. В пример всей стране приводились люди провинции Чаган (это самый неблагоприятный по климатическим условиям регион в КНДР): «Рабочие провинции Чаган переживали огромные затруднения с продовольствием. Но они не протянули руки к государству за рисом или валютой. Они

говорили: "Главное у нас — работа. Пусть умрем с голоду, но у станка". Они взялись за строительство многих ГЭС средней и малой мощности, держали в порядке и чистоте предприятия, улицы и места жительства. Высоко оценив их честный труд, Ким Чен Ир говорил, что они своим практическим примером показывают, как поддерживать партию в такой суровый период, как сегодня. "Я уверен, — продолжал он, — в том, что вполне можно будет поднять на ноги экономику страны и повысить уровень жизни народа, если все будут трудиться, как чаганцы". Он назвал их боевой порыв "духом Канге" и призвал всю страну следовать их примеру»[15].

И вскоре ситуация выправилась. Голод закончился. Использование внутренних ресурсов, привычка населения к аскетичному образу жизни, жесткая партийная и общественная структура, направленная на безусловное исполнение приказов руководства ТПК, образовательная и информационно-пропагандистская обработка населения — эти факторы позволили социализму корейского образца выстоять в столь суровых условиях без каких-либо заметных потрясений.

Перед смертью Ким Ир Сен очень переживал по поводу остановки Виналонового объединения имени 8 февраля из-за нехватки энергоносителей. В 2010 году работа модернизированного завода с современным оборудованием была возобновлена. Поприветствовав рабочих и взяв первый образец нового виналона с конвейера, Ким Чен Ир положил его в корзинку и прямо с митинга отправился с ней в Кымсусанский дворец, к саркофагу, где покоится тело его отца.

Вечная жизнь президента Ким Ир Сена продолжается и в новом столетии.

Послесловие
КИМИРСЕНОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XXI ВЕКЕ

К началу XXI века КНДР удалось преодолеть самый глубокий со времен Корейской войны кризис. Хотя положение страны оставалось крайне тяжелым, международная обстановка начала меняться в лучшую сторону. В межкорейских отношениях началась «перестройка», связанная с приходом к власти в Сеуле лидера «Демократической партии нового тысячелетия», патриарха корейской политики Ким Дэ Чжуна.

Ким Дэ Чжун (1925–2009) родился на крайнем юго-западе Кореи, в провинции Южная Чолла, в семье сельского старосты. Его предки происходили из древнего и знатного рода. После освобождения страны от японцев молодой человек занялся предпринимательской деятельностью, и весьма успешно: он стал собственником компании морских перевозок и издательской группы. При этом Ким Дэ Чжун придерживался левых взглядов, активно участвовал в деятельности местных народных комитетов. Во время Корейской войны поступил в университет, однако вскоре бросил учебу, чтобы заняться профессиональной политикой. В1954 году он впервые баллотировался в парламент, с 1961-го регулярно избирался депутатом, а в 1971 году выдвинулся на пост президента от Новой демократической партии и проиграл Пак Чон Хи с незначительным отрывом.

Быть оппозиционным политиком при Пак Чон Хи было опасно, а популярным оппозиционным политиком — смертельно опасно. Ким Дэ Чжун эмигрировал в Японию, откуда в 1973 году его выкрали сеульские спецслужбы, собираясь утопить в море. Однако разразился скандал. Инцидент вызвал резкий протест Севера и стал поводом для прекращения переговоров с Югом. За Ким Дэ Чжуна вступились и США, после чего планы по умерщвлению оппозиционера пришлось скорректировать. Однако за антиправительственную деятельность его посадили в тюрьму на пять лет.

Во время восстания в Кванчжу Ким Дэ Чжун вновь был схвачен сеульскими силовиками, обвинен в организации антигосударственного заговора, подстрекательстве к мятежу, получении денег от Северной Кореи и передаче их повстанцам города и приговорен к смертной казни. И вновь негодование внутри и вне страны заставило власти смягчить приговор и

заменить его пожизненным заключением, а затем — высылкой в США.

В 1987 году он возвращается в Корею и участвует в нескольких президентских выборах. Однако успех улыбается ему только с третьего раза, когда в 1998 году бывший диссидент и политзэк в возрасте 72 лет, наконец, становится лидером страны.

Он правил до 2003 года, так как в Республике Корея президент может занимать свой пост лишь в течение одного срока. Правление Ким Дэ Чжуна его соотечественники оценивают в целом позитивно и связывают с выходом из экономического кризиса, демократизацией страны и началом больших перемен в отношениях с Севером.

Ким Дэ Чжун радикально изменил курс в отношении КНДР и провозгласил политику «солнечного тепла». Он уважительно именовал Ким Чен Ира «прагматиком» и «человеком, умеющим видеть суть вещей» и заявлял, что Юг не собирается идти на конфронтацию с Севером и тем более поглощать его, но настроен на нормализацию отношений и тесное сотрудничество.

Первым проводником новой политики стал Чон Чжу Ён — глава крупнейшей корпорации «Hyundai» («Хёндэ»). Если Ким Дэ Чжуна называют корейским Нельсоном Манделой, то Чон Чжу Ён по праву может носить титул местного Билла Гейтса — столь велика его роль в становлении экономической системы Юга.

Чон Чжу Ён родился в деревне Асан, которая после войны оказалась на территории КНДР. В далеком 1933 году он сбежал из отцовского дома в Сеул учиться, прихватив с собой 70 вон, которые родители выручили от продажи коровы. Через 65 лет бизнесмен решил вернуть долг и отправился со стадом в 500 коров в родную деревню. Он перешел демаркационную линию, перегнал на Север животных и вскоре был удостоен аудиенции Ким Чен Ира. С этого момента «Хёндэ» стала работать в нескольких специально определенных экономических зонах КНДР. Был основан Кэсонский индустриальный комплекс неподалеку от 38-й параллели, где на предприятиях с участием южнокорейского капитала стали работать местные жители. Кроме того, корпорация взяла в аренду курорт в горах Кымган на восточном побережье страны, выстроила там инфраструктуру, где начали принимать туристов с Юга.

Летом 2000 года состоялась первая в истории встреча руководителей корейских государств в Пхеньяне, по итогам которой между двумя Кореями были подписаны Соглашение о перемирии и Совместная декларация. А на годовщину освобождения Кореи от японцев прошла первая массовая встреча родственников из разделенных почти полвека семей с Севера и

Юга. Кроме того, были символически состыкованы железнодорожные ветки КНДР и РК. (Правда, регулярное движение по ним так и не началось.)

Вторую встречу Ким Чен Ир предложил провести в России, однако южнокорейцы на это не пошли. «Когда мы встретились с Ким Чен Иром в 2000 году в Пхеньяне и затронули вопрос об ответном визите, который должен был бы наносить уже лидер КНДР, Ким Чен Ир поддержал предложение России, которая была готова организовать саммит в Иркутске, — вспоминал позже Ким Дэ Чжун. — "Мы можем при этом в России встретиться и с президентом Путиным", — отметил лидер Севера, но я отказался… Такой вариант вряд ли поняла бы и поддержала южнокорейская общественность»[1].

И хотя вторая встреча не состоялась, за первый межкорейский саммит и улучшение отношений с Севером Ким Дэ Чжун вполне заслуженно получил Нобелевскую премию мира. При этом он заявил о том, что хотел бы разделить ее с Ким Чен Иром.

Преемником Ким Дэ Чжуна на посту президента стал его однопартиец Но Му Хен, продолживший политику «солнечного тепла». В 2007 году он проехал с Юга на Север на своем автомобиле, публично переступив через черту на 38-й параллели. «Вы говорили, что надо регулярно встречаться, так? Ну, так давайте же правда видеться почаще», — обратился к нему в Пхеньяне Ким Чен Ир[2].

Атмосфера переговоров была весьма дружелюбной. Но Му Хен, зная любовь Ким Чен Ира к кино, подарил ему домашний кинотеатр и 150 *dvd*-дисков с фильмами и популярными сериалами. А Ким Чен Ир в ответ преподнес гостю четыре тонны грибов рядовка, считающихся деликатесом в обеих Кореях. Их называют лесными бриллиантами, и растут они только на Севере.

Политика «солнечного тепла» была выгодна обеим Кореям. Пхеньян получил экономическую помощь, значительные субсидии и выгодные контракты. (По данным южнокорейской стороны, им приходилось платить северянам за каждую встречу в верхах, что также служило важным источником пополнения казны КНДР.) Сеул же получил снижение напряженности на полуострове и качественно новый уровень безопасности. И хотя инвестиции в экономику Севера не принесли корпорациям Юга доход, на который те рассчитывали, вопрос прибыли здесь вовсе не был главным.

Вслед за прорывом в межкорейских отношениях прошла вторая волна (после 1970-х) признания КНДР странами Запада. В 2000–2001 годах свои дипмиссии в Пхеньяне открыли многие европейские государства, в том числе Германия, Великобритания,

Испания и др.

Начали оживать после провала 1990-х годов и российско-северокорейские отношения. В феврале 2000 года был подписан договор о дружбе, добрососедстве и сотрудничестве между РФ и КНДР взамен утратившего силу договора 1961 года. А в июле в Пхеньян приехал Владимир Путин. До миллиона горожан, выстроившись вдоль улиц, приветствовали российского президента. По этому случаю в КНДР даже был написан и исполнен специальный марш «Путин — Ким Чен Ир». Восстановление традиционных контактов между соседними странами пошло на пользу обеим сторонам.

Ответный визит Кима в Россию в 2001 году протекал по тому же маршруту, что и у его отца в 1984-м. На спецпоезде он проехал от станции Хасан в Приморье до Москвы и Санкт-Петербурга и обратно. Как и Ким Ир Сен, он интересовался повседневной жизнью, посещал фабрики, воинские части и торговые центры, словом, изучал российский опыт. Сопровождавший его полпред президента на Дальнем Востоке Константин Пуликовский был настолько вдохновлен общением с корейским лидером, что написал о поездке книгу «Восточный экспресс: По России с Ким Чен Иром».

Пуликовский отмечает, что Ким хорошо знает русский язык и культуру, а также ценит русскую кухню: «Как-то Ким Чен Ир сказал, что ему нравится сало, упомянул про соленые огурцы, пельмени, черный хлеб. Когда мы ехали по Сибири, я позвонил губернатору Омской области, посоветовал включить все это в меню. В Омске во время приема среди прочего принесли полукопченую корейку. Ким Чен Ир попробовал: "Не то, — говорит, — это же не настоящее сало". Огурцы были маринованные, болгарские. Он снова заметил: мол, настоящие — засоленные в бочке, они аж почернеть должны от соли. А хлеб ему понравился. Омскую водку пригубил, одобрил — хорошая, но пить не стал. Подали пельмени, малюсенькие, размером с копеечную монету, в небольшой сковородке, запеченные с сыром и майонезом. Ким Чен Ир поковырял вилкой и сказал: "Что это за пельмени? Они должны быть большие, отварные, с бульоном"»[3].

Спустя год Ким вновь приехал в Россию, на сей раз ограничившись посещением трех городов Дальнего Востока — Хабаровска, Владивостока и Комсомольска-на-Амуре. На даче Брежнева под Владивостоком прошла встреча Ким Чен Ира и Путина, на которой обсуждался проект соединения Транскорейской железной дороги с российским Транссибом.

В Хабаровске северокорейский лидер зашел в храм святителя Иннокентия Иркутского. «Ким Чен Ир… стал задавать вопросы.

Они носили практический характер, словно руководитель Корейской Народно-Демократической Республики сам готовился к таинству принятия православия. "Где проходит исповедь и причастие? Что такое клирос и алтарь? В чем отличие православия от католицизма? С кого пишутся иконы?"», — вспоминает присутствовавшая при этом журналистка Ольга Мальцева[4].

Вернувшись в Пхеньян, Ким распорядился построить в городе православную церковь. Несколько северокорейских граждан отправились на обучение в Московскую семинарию и стали впоследствии клириками. Через три года храм Святой Троицы был освящен митрополитом Смоленским и Калининградским Кириллом — будущим патриархом всея Руси. Кима же РПЦ наградила орденом Святого Даниила Московского.

Ким Чен Ир нередко делает и другие пророссийские жесты. К примеру, в последние годы в пхеньянских театрах регулярно осуществляются постановки русской классики — опер «Жизнь за царя», «Евгений Онегин» и других, премьеры которых он посещает лично.

Однако все это скорее символические шаги. Влияние России на КНДР несопоставимо с временами СССР и остается крайне слабым. Основным союзником и партнером Северной Кореи — экономическим и политическим — остается Китай, как и в течение многих столетий в истории. Китайский бизнес активно инвестирует в северокорейскую экономику. Ким Чен Ир регулярно бывает в Китае и внедряет у себя некоторые инновации на основе китайского опыта. Именно из Китая попадает в КНДР основная часть бытовой техники, одежды и предметов быта. А приграничные районы Маньчжурии, где проживает множество этнических корейцев (иногда их даже называют «Третьей Кореей»), остаются своеобразным мостом между двумя странами: многие северокорейские граждане тут работают или приезжают за покупками и развлечениями.

Функционируют свободные экономические зоны на границе двух государств — в Синыйчжу и Расоне (на стыке китайской, корейской и российской границ). В конце 2010 года было подписано совместное соглашение, согласно которому Китай планирует вложить 2 миллиарда долларов в развитие территории и в течение двух лет создать здесь крупнейшую промышленную зону Северо-Восточной Азии.

В целом принцип времен войны «Корея, как губы, Китай, как зубы», по сути, остается в силе и сейчас, когда Поднебесная стала одной из двух мировых сверхдержав, а КНДР превратилась в страну-изгоя. Несмотря на некоторые противоречия и временами

раздражающую китайских товарищей неуступчивость и агрессивность корейского руководства, Пекин по-прежнему прикрывает Пхеньян на международной арене, даже несмотря на критическое отношение к северокорейской ядерной проблеме.

КНДР в 2005 году официально заявила об обладании ядерной бомбой, что подверглось осуждению со стороны не только США, Японии и Южной Кореи, но также России и Китая. Против Пхеньяна решением Совета Безопасности ООН были введены санкции. Однако мало кто пытается понять логику Северной Кореи, ее упорство в отстаивании своего права иметь ядерное оружие.

После избрания президентом США Джорджа Буша-младше-го риторика Белого дома в отношении КНДР стала откровенно агрессивной: новая американская администрация причислила ее к «оси зла», наряду с Ираком и Ираном. В 2003 году Буш начал войну в Ираке под предлогом якобы ведущихся там ядерных разработок. И хотя впоследствии выяснилось, что ничего подобного там не было, режим Саддама Хусейна был свергнут, а сам он — повешен. Подобная перспектива отнюдь не радовала Ким Чен Ира сотоварищи. А на фоне проведения в Южной Корее собственной законспирированной ядерной программы, а также наличия в стране мощной американской армейской группировки и американского же ядерного оружия, нацеленного на объекты на Севере, выглядела особенно угрожающей. Кроме того, США так и не выполнили своих обязательств по договору 1994 года, согласно которому они обязались в обмен на замораживание ядерных разработок построить в Северной Корее два легководородных реактора. В силу проблем с энергообеспечением для КНДР это было весьма важное условие.

В Пхеньяне настаивали на прямых переговорах с США, требуя признания суверенитета страны и заключения пакта о ненападении. Однако Вашингтон на это не пошел, предпочтя стратегию «жесткого сдерживания» — оказания политического и экономического давления на КНДР и ограничения любых связей с ней. Фактически предполагалось постепенно душить изолированное государство, ожидая, пока падет существующий режим. Северокорейское руководство в этих условиях сделало вывод: только обладание ядерным оружием может служить гарантией безопасности и независимости страны. Более того, оно необходимо просто для того, чтобы его воспринимали как серьезного собеседника и равного партнера в международных делах. И это — единственный козырь, имеющийся у Ким Чен Ира на руках в игре на выживание его режима.

Пхеньян вышел из договора о нераспространении ядерного

оружия, а 9 октября 2006 года ЦТАК сообщил о его успешных испытаниях, которые «принесли счастье нашим военным и народу». Подземный взрыв был произведен в провинции Северная Хамгён неподалеку от границ с Россией и Китаем. В том же 2006 году Северная Корея осуществила серию запусков ракет, которые упали в море в международных водах.

В 2009 году в космос была отправлена ракета «Ынха-2» со спутником «Кванменсон-2». Согласно официальному сообщению, он был введен на орбиту, с которой транслировал песни о Ким Ир Сене и Ким Чен Ире. В мае того же года прошло второе испытание ядерного оружия с зарядом большей мощности, что вызвало новый виток напряжения. Долгие переговоры по ядерной проблеме в шестистороннем формате (КНДР — РК — КНР — США — Япония — Россия) в итоге так и не принесли ощутимых результатов.

Все это происходило на фоне изменившейся обстановки на Корейском полуострове. В конце 2007 года президентом Республики Корея был избран представитель правоконсервативной партии великой страны Ли Мён Бак.

Ли Мён Бак родился в 1941 году в японском городе Осака. Он был пятым ребенком в семье бедных корейских эмигрантов. Его имя означает — «освещающая горизонт луна» и связано с тем, что во время беременности его матери приснился сон о том, как луна заходит к ней под юбку. В 1945 году его семья вернулась в Корею. Ли брался за самую тяжелую и черную работу, копя деньги на учебу В итоге ему удалось поступить в Сеульский университет. Там он стал председателем студенческого профкома и в 1964 году принимал самое активное участие в демонстрациях за демократизацию и против заключения договора с Японией. Вскоре Ли арестовала полиция, полгода он провел в тюрьме.

Выйдя из застенков, молодой радикал не может никуда устроиться на работу и идет на необычный шаг — пишет письмо самому Пак Чон Хи. По указанию президента Ли Мён Бака берут клерком в компанию «Хёндэ». Тут прослеживается любопытная параллель с судьбой самого Пак Чон Хи, также увлекавшегося демократическими идеями, арестованного, а затем помилованного лично Ли Сын Маном. Правда, у Пака все это подкреплялось не только деятельным раскаянием, но и активным сотрудничеством со следствием — сдачей других активистов и прочей ценной информации. Предавал ли своих товарищей-студентов Ли, неизвестно. Возможно, Пак просто увидел в молодом парне себя и проявил к нему сочувствие.

На новом рабочем месте Ли Мён Бак проявляет чудеса энергии и изобретательности. Как утверждает его официальная

биография, за 30 дней он полностью разобрал бульдозер, выявив причину его частых поломок, за что и получил кличку Бульдозер. Существует аналогичная история о Ким Чен Ире — рассказ «Неутомимый практик» — как в школьные годы он научился собирать и разбирать автомобильные механизмы, устраняя неполадки. Так что не исключено, что южнокорейские биографы Ли Мён Бака списывали апологетику своего лидера с классических чучхейских образцов.

Еще одна показательная история случилась с Ли Мён Баком в Таиланде, куда он был направлен руководством «Хёндэ» прокладывать шоссейную дорогу. Через год строительства произошло выступление возмущенных условиями труда рабочих. Когда они пошли громить офис фирмы, Ли заперся в комнате с сейфом с деньгами и документацией и стоически пережидал погром, рискуя быть покалеченным и убитым. После этого его карьера быстро пошла в гору. Вероятно, с точки зрения корпоративной корейской бизнес-культуры это действительно идеальное поведение. Однако, с другой стороны, возникает вопрос: насколько же жестоко Ли и другим менеджерам «Хёндэ» надо было эксплуатировать несчастных тайцев, чтобы те подняли восстание против своих работодателей? И не был ли в таком случае их гнев вполне справедливым?

Ли Мён Бак окончил свою карьеру в должности председателя совета директоров компании «Хёндэ Контракшн» в 1992 году и решил заняться политикой. «Я увидел, как изменился мир из-за одного человека — Горбачева, и подумал, что и я должен что-то сделать», — заявил он, выдвигая свою кандидатуру в депутаты.

В 2002 году Ли Мён Бак становится мэром Сеула. В этой должности он запомнился двумя деяниями — перестройкой русла реки Чхонгечхон и оптимизацией автомобильного и автобусного движения в городе. А в конце 2007 года он выигрывает президентские выборы (48 процентов голосов) и становится лидером Южной Кореи.

По иронии судьбы, с политикой солнечного тепла покончил «крестный сын» бизнесмена, который ее начал. Именно глава «Хёндэ» Чон Чжу Ен заметил талантливого менеджера Ли Мён Бака и начал продвигать его по служебной лестнице. Оказавшись в президентском кресле, Ли поменял курс по отношению к Северу на 180 градусов.

Новый президент стал выстраивать отношения с Пхеньяном в рамках «прагматичной политики», целью которой было заставить КНДР отказаться от ядерной программы и нарушений прав человека, а затем уже продолжать политическое и экономическое сотрудничество. Прекращалась всякая помощь Северу, кроме

гуманитарной, сворачивалась большая часть совместных проектов. Правда, в случае принятия его условий Ли обещал северокорейцам процветание и доход по 3 тысячи долларов в год на душу населения. Но о том, как это будет обеспечено, он скромно умолчал.

Впрочем, Справедливое солнце (Чен Ир) обещаниям Освещающей горизонт луны (Мён Бак) не поверил. Север отреагировал на прагматичную политику с предсказуемым раздражением. СМИ стали именовать Ли Мён Бака «так называемым президентом», клеймить «фашистом» и главой «предательской клики». В конце 2008 года Пхеньян объявил о раскрытии покушения на Ким Чен Ира, которое готовили спецслужбы Юга. Якобы они завербовали гражданина КНДР по фамилии Ри с заданием отравить северокорейского лидера[5]. А когда, не выдержав обвинений в коррупции, покончил с собой бывший президент Но Му Хен, Север не только выразил его семье официальные соболезнования, но и обвинил Ли в доведении его до самоубийства.

К 65-летию освобождения Кореи Ли Мён Бак выступил со своим планом объединения Кореи из трех пунктов:

1) ядерное разоружение КНДР;

2) экономическая интеграция и развитие сотрудничества для подъема экономики Севера;

3) создание единого государства.

Для приведения плана в действие он предложил ввести специальный налог на объединение страны. Северокорейский комитет по мирному объединению Родины в ответ назвал эти инициативы смехотворными, идею объединительного налога — оскорбительной, а все инициативы Ли Мён Бака — полной чушью.

Напряжение в межкорейских отношениях едва не вылилось в военный конфликт после гибели корвета «Чхонан» и обстрела острова Ёнпхён. Обращает на себя внимание, что оба инцидента происходили в одном и том же районе — части Желтого моря неподалеку от 38-й параллели с островками Пенан и Ёнпхён. Она контролируется РК, при этом КНДР также считает ее своей со времен Корейской войны.

В марте 2010 года в спорном районе затонул корабль ВМФ РК «Чхонан», погибли 46 моряков. Комиссия, созданная сеульскими властями, объявила, что корвет был потоплен северокорейской торпедой, остатки которой были продемонстрированы публике. Пхеньян свою причастность категорически отрицал и назвал инцидент провокацией Юга.

С момента гибели «Чхонана» в Желтом море не прекращались

американо-южнокорейские военные учения. Все это крайне нервировало КНДР, которая не раз заявляла, что нанесет в ответ «сокрушающий удар». 23 ноября 2010 года северокорейская артиллерия обстреляла остров Ёнпхён. Погибли два военнослужащих, было ранено 13 мирных жителей. В ответ РК нанесла удары по территории КНДР. Это была первая артиллерийская дуэль между Севером и Югом со времен Корейской войны. Так администрация Ли Мён Бака за два года отбросила отношения между странами на 60 лет назад.

Правление Ли Мён Бака ознаменовалось волной преследований активистов левых и пропхеньянских организаций, вплоть до любителей северокорейской музыки и посетителей чучхейских сайтов. Они подвергаются репрессиям по «Закону о национальной безопасности РК», согласно которому КНДР определяется не как страна, а как «антигосударственная организация». В соответствии с этим законом пять лет тюрьмы получил пастор Хан Сан Рер. Во время посещения Северной Кореи летом 2010 года он объявил, что «страдающий закоренелой концептуальной болезнью, имя которой — раскол и противоборство, безмозглый "ктитор" Ли Мён Бак, плывя против течения истории, стремится по сатанинскому пути несправедливости и войны». Пастор попытался вернуться домой через Панмунчжон, однако прямо на границе был арестован за несанкционированные контакты с Севером и оскорбления южнокорейского президента. А в январе 2011 года был арестован *twitter*-пользователь по фамилии Чо за отзыв в своем микроблоге: «Да здравствует Ким Ир Сен, могучее солнце человеческой жизни!», «Да здравствует Ким Ир Сен, знаменосец, установивший правильные основы!»

Конечно, Юг в этом отношении не идет ни в какое сравнение с Севером, где вообще невозможно себе представить находящегося в здравом уме человека, публично восхваляющего Ли Мён Бака. КНДР при Ким Чен Ире сохраняет одну из самых жестких репрессивных систем в мире со смертной казнью, лагерями для политзаключенных и сегрегацией в обществе. (Однако за последнее десятилетие повседневный контроль над населением несколько ослаб: уже нет показательных расстрелов, не применяются санкции за самовольное передвижение внутри страны и даже нелегальное пересечение границы с Китаем не считается серьезным преступлением.)

Агрессивная активность Ли Мён Бака кажется совсем не случайной. Дело не только в откровенно проамериканской политике: периметр безопасности вокруг Голубого дома в Сеуле оппозиция называет «Штатом Южная Корея». Вполне вероятно,

что полный амбиций президент-бизнесмен уже видит себя лидером объединенного государства. Отсюда и жесткий прессинг в отношении Севера, и усиление пропагандистской работы против Пхеньяна (заброс листовок через 38-ю параллель на воздушных шарах и т. п.), и попытки введения налога на объединение, и инициатива о возможности главе государства занимать свой пост два срока подряд. Впрочем, вряд ли мечтам Ли суждено сбыться. Не стоит забывать, что северокорейский режим пережил уже множество южнокорейских президентов.

Секрет уникальной выживаемости КНДР в столь трудных условиях состоит в следовании «матрице Ким Ир Сена»: строго дозированные перемены при сохранении идеологических основ, государственной модели и механизмов контроля над обществом.

Что касается идеологии, культ Ким Чен Ира в нулевые годы стал менее заметным, но все ритуалы, связанные с персоной Ким Ир Сена, остаются неизменными. Так, было отменено ношение значков с профилем Кима-младшего, в университете закрылся музей, посвященный его студенческим годам, а на этом месте оборудованы компьютерные классы. Обычно это объясняют скромностью Ким Чен Ира. На самом деле он, во-первых, демонстрирует свой прагматизм, а во-вторых, подчеркивает исключительную роль Вечного Президента.

С этим же связана еще одна любопытная тенденция: удревнение политики приоритета армии (сонгун). Если раньше считалось, что сонгунское руководство начал Ким Чен Ир в 1995 году, то с конца 2000-х было объявлено, что оно имеет свои истоки аж в выступлении Ким Ир Сена на Калунском совещании в 1930 году. Таким образом, выходит, что военно-ориентированная политика проводилась на протяжении всей истории КНДР, и даже до ее начала.

Наиболее успешным пропагандистским продуктом эпохи Ким Чен Ира стал «Ариран». Такое название носит самая популярная и в Северной, и в Южной Корее песня, рассказывающая о судьбе влюбленного юноши, вынужденного покинуть родную страну. С 2002 года в Пхеньяне проходят массовые спортивно-художественные выступления «Арирана», объединяющие в себе элементы парада, цирка, гимнастики и театра по мотивам национального эпоса, истории корейской революции и ее современных достижений.

В шоу, проходящем на стадионе имени Первого мая, задействовано более ста тысяч человек. В 2007 году оно было внесено в Книгу рекордов Гиннесса по этому показателю. Порядка 20 тысяч подростков-школьников располагаются на трибуне со специальными дощечками в руках, с помощью которых по

команде создают сложнейшие живые картины. (Примерно как с олимпийским медведем в Москве-1980, но на гораздо более высоком уровне.) Остальные участники — бесконечные волны людей, сменяющие друг друга на поле стадиона в различных номерах и сценах.

Первая часть «Арирана» состоит из исторических номеров: японская оккупация, восход солнца над горой Пэкту, весна в партизанском отряде, освобождение страны, Корейская война и т. д. Вторая включает в себя картины процветания корейского народа. В одной из них поют и пляшут дети в костюмах коров и поросят. Не обходится без демонстрации приемов тэквондо (раньше в этой сцене солдаты в форме КНА били империалистических марионеток с Юга, а теперь воины Когурё в латах сражаются с иноземными захватчиками), полетов воздушных гимнастов (тела артистов в буквальном смысле слова «выстреливают» высоко в небо над стадионом, а затем они падают в натянутую над ним сетку). Заканчивается все самыми пафосными и многолюдными сценами, изображающими встречу разделенных семей и объединение Кореи.

«Ариран» не имеет аналогов в других странах мира. Даже тоталитарные режимы XX века, вроде советского или германского, исповедовавшие «большую эстетику», не смогли создать ничего подобного.

Другим креативным ходом 2000-х годов стало появление так называемых «десяти видов эпохи сонгун». Согласно корейской традиции, каждый город или местность в стране имеет ряд собственных классических видов. Вот что вошло в топ-десятку сонгунской Кореи:

1. Восход солнца над горой Пэкту.

2. Вид заснеженной заставы в сосновом бору. Эта та самая воинская часть, куда Ким Чен Ир приехал 1 января 1995 года, чтобы произнести речь о «военно-ориентированной политике». Эту картину часто воспроизводят корейские художники: считается, что любимый руководитель питает слабость именно к зимним пейзажам.

3. Море картофельных цветов в Тэхондане. Ким Чен Ир начал пропагандировать потребление картофеля во время голода середины 1990-х годов. Он обозначил курс на прорыв в его производстве, с тем чтобы КНДР стала «королевой картофелеводства в Азии». И хотя традиционной пищей корейцев остается рис, в меню жителей горных районов картошка заняла существенное место. Особенно активно ее стали выращивать в горном уезде Тэхондан провинции Рянган (неподалеку от горы Пэкту). Рянганская картошка несет с собой и глубокую идейно-

патриотическую нагрузку, ведь это любимое блюдо партизан Ким Ир Сена. Символически это отражено на монументе, воздвигнутом на месте Тэхонданского сражения, где с одной стороны изображен бой партизан с японцами, а на обратной — современные счастливые крестьяне с гигантскими клубнями картофеля.

4. Рододендроны на перевале Чхоль. Цветы, которыми Ким Чен Ир любовался на высокогорном перевале, связывающем восточную и западную части страны. Они символизируют его волю подготовить весну сонгунской Кореи.

5. Море огней на реке Чанцза. Эта река протекает в провинции Чаган. Пейзаж посвящен строительству малых и средних гидроэлектростанций жителями провинции своими силами во время Трудного похода 1990-х годов.

6. Феерия в селе Пуман. Рыбопитомники и рисовые плантации, плодоводческие хозяйства в горах показывают, какой будет корейская деревня в будущем.

7. Эхо водопада Уллим. Водопад нашли солдаты в труднодоступной местности в горах. По указанию Ким Чен Ира он был благоустроен и превращен в место отдыха.

8. Горизонт поля Хандре. Этот пейзаж отражает перепланировку сельхозугодий, проводившуюся по указанию Кима-младшего, в ходе которой была преодолена нехватка воды на полях и стала возможна комплексная механизация.

9. Забитые соей армейские склады. Пейзаж появился во исполнение указания любимого руководителя, чтобы военные «стояли в авангарде соеводства». Когда Киму показали склад с мешками готовой продукции, он определил его как особый вид эпохи сонгун.

10. Концерт государственного симфонического оркестра КНДР.

«Сельскохозяйственные феерии», «забитые соей склады», моря картошки и электрических огней, разумеется, мало связаны с реальной экономической ситуацией. Впрочем, не менее далеки от нее и прижившиеся в общественном сознании России и других стран мифы о том, что в КНДР население вымирает от голода, а страна живет исключительно за счет гуманитарной помощи.

Достаточно привести хотя бы тот факт, что в Северной Корее — высокая продолжительность жизни, а численность населения медленно растет. По данным самой КНДР, в 1980-е годы прошлого века продолжительность жизни составляла 71,37 года, в том числе 68,65 года для мужчин и 74,22 года для женщин. После относительно благополучных восьмидесятых пришли суперлихие северокорейские девяностые. Однако и сегодня, как

утверждает А. Ланьков, продолжительность жизни «неожиданно велика. До голода — около 67–68 лет, после голода это существенно сократилось, но все равно — больше 60 лет. Это одна из интересных особенностей. При всех своих недостатках северокорейский режим оказался в состоянии поддерживать очень низкий уровень смертности за счет диспансеризаций, массового медицинского обслуживания и т. д.»[6].

В 2008 году в КНДР под патронатом ООН проводилась перепись, согласно которой численность населения с момента предыдущей переписи 1993 года возросла на 1,5 миллиона человек и составила 24052231 человек. Прирост тоже налицо, несмотря на то, что было в 1996–1998 годах[7].

Массовых голодовок с конца 1990-х годов в КНДР нет, но досыта накормить людей так и не удается. Ким Ир Сен любил вспоминать о вековечной мечте корейского народа — «иметь каждый день на столе чашку белого риса с мясной похлебкой и жить в доме с черепичной крышей». Она до сих пор так и не реализована в буквальном смысле. Годовой сбор зерновых (риса и кукурузы), по данным А. Ланькова, составляет в последнее десятилетие в среднем 4 миллиона тонн в год, а потребности — чуть более 5 миллионов тонн. Северная Корея обеспечивает себя зерновыми на 80 процентов[8]. Остальное добирается за счет закупок и гуманитарной помощи.

При этом стоит напомнить, что Корея — горная страна. Площадь сельскохозяйственных угодий составляет не более 20 процентов всей территории, а пахотные земли — лишь 16 процентов. На одного жителя приходится только 0,12 гектара обрабатываемых земель. (В целом по миру — чуть менее 1 гектара.) Этим же обусловлены трудности в механизации сельского хозяйства: на небольших горных участках зачастую невозможно использовать тракторы, и там по-прежнему пашут на волах, как в Средневековье. Сегодня для расширения сельхозугодий земли отвоевывают у моря, осуществляется программа освоения солончаков (возле острова Тегэ на западном побережье и в других районах страны).

Промышленность КНДР в целом остается на уровне 1970-х годов, хотя есть и современные производства. На фоне других отраслей вполне прилично выглядит ВПК, активно работающий в том числе и на экспорт — на Африку и Ближний Восток. Есть ряд предприятий с участием иностранного капитала: на совместном с концерном «Фиат» («Fiat») заводе в Нампхо с 2006 года выпускается собственный модельный ряд легковых автомобилей.

Самой громкой трудовой победой последних лет был назван выпуск так называемого «чучхе-железа» на Сончжинском

сталелитейном объединении. Корейская металлургическая промышленность наиболее сильно пострадала после развала соцлагеря. Коксующийся уголь для производства стали Северная Корея получала из СССР и Китая, а в последние десятилетия была вынуждена импортировать его. Однако в итоге ученые смогли перейти на отечественное сырье: при производстве чучхе-железа вместо кокса используется антрацит, запасами которого Корея обладает в неограниченном количестве.

Северокорейская экономика создавалась по сталинским лекалам с преобладанием тяжелой промышленности. Попытки поменять ее характер результата не дали, хотя Ким Ир Сен незадолго до смерти и говорил о приоритете внешней торговли и легкой промышленности в новых условиях. Торговать оказалось нечем, создать современную легкую промышленность с нуля и без иностранных инвестиций — нереально. Зато трудности 1990-х годов привели к появлению довольно внушительного теневого сектора. Выросла роль рынков, где стали продавать и покупать все — от зерновых до привезенной из Китая бытовой электроники. (При этом значительная часть населения не имеет в домах ни телевизоров, ни холодильников, ни другой самой элементарной техники, что связано не только с бедностью, но и с постоянными перебоями в энергоснабжении.)

В целом руководство смотрит на подобную самостоятельную экономическую деятельность своих граждан достаточно спокойно. Хотя начиная с 2005 года был предпринят ряд попыток ограничить рыночную торговлю. А в 2009 году была проведена денежная реформа, направленная на изъятие скопившихся у воротил черного бизнеса излишков средств. Реформа сопровождалась стократным увеличением зарплат и привела в итоге к мощному витку инфляции. Так что власти в итоге вынуждены были официально принести населению извинения.

Не обошла стороной КНДР и мода на внедрение инноваций и модернизацию. Здесь она обозначается аббревиатурой CNC — *computer numerically controlled.* На практике это означает введение компьютерных систем управления. Ким Чен Ир высказался по этому поводу так: «В XXI веке существует три типа дураков: те, кто курят; те, кто не любят музыку; и те, кто не умеют работать на компьютерах». Любимый руководитель, который сам является активным интернет-пользователем, дал указание «создать систему на основе ядра "Linux" в нашем стиле». Вскоре его «компьютерные гении» разработали операционную систему «Пульгын Пель» («Красная звезда»), которая используется вместо западных аналогов. Свободного доступа в Интернет в стране нет. Зато существует внутренняя сеть «Кванмен» («Свет»). Число

пользователей точно неизвестно, но в основном это студенты вузов, столичная интеллигенция и партийная верхушка.

Представляется, что стабильно тяжелая экономическая ситуация в КНДР имеет под собой объективные причины:

природные условия, не благоприятствующие автаркии. Северная Корея — небольшое горное государство с ограниченными пахотными площадями, отсутствием нефти и газа. Главным источником сил для развития в этих условиях стал человеческий фактор, который руководство страны и эксплуатирует постоянно с момента ее создания;

энергетический дефицит. Одна из ключевых проблем страны. На снимках из космоса Северная Корея представляет собой темное пятно по сравнению с залитыми светом окружающими регионами. Большую часть энергии страна получает от малых гидроэлектростанций, мощностей которых не хватает. Проблему могло бы решить использование атомной энергии. И именно этот вопрос был одним из ключевых в переговорах вокруг северокорейской ядерной программы, но так и не был решен. Из-за этого периодически происходят отключения электричества в городах, в провинции они являются регулярными. Мощностей не хватает даже для обеспечения бесперебойной работы предприятий. Не менее важен дефицит бензина, сдерживающий развитие автотранспорта, грузо- и пассажиропотоков. Поскольку все топливо закупается за границей на валюту, его мало и распределяется, оно исключительно централизованно;

внешнеполитическая изоляция. Южная Корея, а позже — Китай смогли стать «сборочными цехами» мировой экономики (на базе бытовой техники и дешевых товаров ширпотреба соответственно), поскольку для них были открыты рынки Запада и развивающихся стран. Северная Корея от такого пути оказалась отрезана;

военно-ориентированная экономика. Проведение независимой внешней политики заставляет вкладывать значительную часть средств в оборону, содержание третьей по численности в мире армии, разработку современных вооружений, в том числе ядерных. Считается, что милитаризация экономики в КНДР самая высокая в мире;

нахождение в самом динамично развивающемся регионе мира, в треугольнике Китай — Южная Корея — Япония. Это несет с собой как плюсы (извлекаемые из сотрудничества с этими странами), так и ощутимые имиджевые минусы. Именно из-за географии Северную Корею называют «одной из самых бедных стран мира», хотя это не так. Рядом с большей частью Африки или некоторыми государствами Юго-Восточной Азии (типа

Бирмы, Лаоса или Бангладеш) Северная Корея выглядит вполне благополучной, развитой страной. Строго говоря, ее даже нельзя назвать государством третьего мира: где в развивающихся странах население поголовно получает качественное среднее, а пятая часть — еще и высшее образование?

Публицист Дмитрий Верхотуров отмечает, что «скорее всего, КНДР у нас неправильно воспринимают. Это вовсе не неудачный социалистический эксперимент, обреченный на поражение, как нередко считают. Напротив, это очень удачный социально-экономический эксперимент по формированию общества, живущего в условиях жесткого дефицита всех видов ресурсов… За счет централизованной системы правительство может направлять ресурсы в важнейшие отрасли экономики и создавать сложные технические комплексы, вроде атомной промышленности и ракетостроения. Как видим, несмотря на жесткий дефицит всех видов ресурсов, технический прогресс в КНДР не остановился. Думается, что такой строй в КНДР был создан в результате проб и ошибок, в результате движения на ощупь, но, в общем и целом, он показал, что даже в условиях крайнего дефицита ресурсов функционирование довольно сложно организованного общества вполне возможно»[9].

Перед Ким Чен Иром, как и ранее перед Ким Ир Сеном, остро стоит вопрос об обеспечении преемственности власти. И, похоже, он стал решать его традиционным путем.

28 сентября 2010 года в Пхеньяне прошла третья конференция Трудовой партии Кореи. Событие беспрецедентное, учитывая, что последний, VI съезд ТПК имел место в 1980 году, а конференция — и того раньше, в 1966-м. Экономические трудности последних 20 лет не располагали к проведению масштабных партийно-государственных мероприятий. К тому же сложившаяся система управления могла функционировать и без них. Но собравшаяся наконец конференция приняла ряд важных кадровых решений.

Ким Чен Ир был переизбран на пост генерального секретаря ЦК ТПК. Его сестра Ким Ген Хи получила генеральский титул и вошла в состав политбюро ЦК ТПК. А его младший сын Ким Чен Ын также стал генералом и заместителем председателя Центрального военного комитета ТПК. Таким образом, Ким Чен Ын, внешне удивительно похожий на своего деда, обозначен в качестве фигуры, которую будут готовить к принятию высшего поста в стране. С момента партконференции он постоянно сопровождает отца во время руководства на местах.

В 2012 году будет отмечаться столетие Ким Ир Сена. К этой дате ТПК пообещала «открыть двери в здание могучей и

процветающей державы» и выдвинула следующие лозунги:

— На основе опыта лидирования в технологиях CNC за кратчайший срок перепрыгнуть достигнутый мировой рубеж развития науки и техники и встать в первые ряды в эпоху экономики знаний!

— Бороться и созидать как подобает потомкам великого Ким Ир Сена!

— В 2020 году с достоинством встать на ровном плато с развитыми странами!

«Дело нашей партии, из века в век, из поколения в поколение, прокладывавшей путь к победе, сегодня с возрастающей жизненной энергией и динамикой победоносно шествует, — гласит совместная передовица трех ведущих газет страны. — Да, не было такой поры, как сегодня, когда мы, окидывая мысленным взором путь столетней истории кимирсенской Кореи, всеми фибрами души ощущаем глубокое чувство национального достоинства и когда сердце у каждого из нас так горит пламенем святой веры в будущее»[10].

В преддверии столетия Ким Ир Сена мы становимся свидетелями появления своеобразной моды на Северную Корею. Парадокс — маленькая и бедная КНДР стабильно находится в фокусе внимания мировых СМИ, является одним из ключевых ньюсмейкеров. И одновременно именно об этом государстве имеется меньше всего достоверной информации, недостаток которой обильно восполняется слухами и пропагандой. Общественность с жадностью глотает не только новости об очередном обострении отношений с Югом, витке напряженности вокруг ядерной программы или процесса транзита власти. Потребителей информации интересует все: от посещения Ким Чен Иром сельхозкооператива до проведения военного парада или новой оперной постановки в Пхеньяне.

В чем причина такого интереса к Стране утренней свежести? Только сейчас, когда глобализация в значительной степени стерла различия между государствами и народами, можно в полной мере почувствовать самобытность и уникальность Северной Кореи.

Такой интерес особенно характерен для России. Смена отношения к дальневосточному соседу прослеживается вполне отчетливо. Интеллигенция из поколения шестидесятников, да и многие функционеры КПСС еще в 1980-е годы издевались над журналом «Корея» и казавшимся им диким «заповедником сталинизма» на Дальнем Востоке. В 1986 году советский дипломат Таймураз Степанов с некоторой брезгливостью писал о своих впечатлениях от посещения Пхеньяна: «Едем возлагать

венки на Тэсонсанское кладбище павших революционеров. Похоже на Вучетича. Церемония опереточна и грандиозна. И бронза циклопических памятников не похожа на нормальную бронзу — есть в ней нечто "бесчеловечное". Цвет яркий, никакой патины, главное назначение — ослепить, заставить отшатнуться, пасть на колени…»[11]

В 1990-е это снисходительное отношение уступило место откровенной враждебности, издевательству в СМИ и фактическому разрыву контактов между двумя странами. Не было недостатка в предсказаниях скорого краха режима. Вышло немало работ под названиями типа «Естественная смерть северокорейского сталинизма», «Эпоха Ким Чен Ира на закате» и т. п.

В новом столетии ситуация поменялась кардинально. Выставки северокорейского искусства, еще недавно считавшегося примитивным и неинтересным, сегодня с успехом идут в самых модных галереях. «Представлено искусство национальное по форме и социалистическое по содержанию — героические будни непобежденного народа: воины, крестьяне, рабочие, живущие трудно, но счастливо, — пишет известный российский художник Алексей Беляев-Гинтовт об экспозиции художников КНДР в Москве. — Ритмическое великолепие парадов, люди в пейзаже. Картины иного мира, где означаемое и означающее не разошлись навсегда, есть воинский подвиг и вдохновенный труд, где утверждаются коллективизм и духовная мобилизация личности… "И подо льдом течёт вода" — невероятно глубокое и тонкое представление художниками группы "Мансудэ" своей и только своей таинственной страны, чьи границы священны, а реализация мечты неотменима»[12].

Но уникальная эстетика КНДР — не главное. Люди, родившиеся в Советском Союзе, анализируют и будут анализировать причины того, почему великой страны, в которой мы произошли на свет, больше нет. И при любых разговорах о том, что «СССР был обречен», перед глазами возникает пример Северной Кореи. «Даже на маленьком скалистом клочке земли всего с 20 миллионами человек можно создать развитую цивилизацию, почти полностью альтернативную существующей мировой, — пишет А. Волынец. — Именно за это любой способный мыслить и знающий предмет человек не может не уважать Северную Корею, как бы он ни относился к конкретной политической системе. Вспоминая ресурсы СССР, понятно, что мы имели все шансы создать свою цивилизацию в планетарном масштабе…»[13]

Создатель северокорейской цивилизации прожил долгую и

интересную жизнь. Он делал революцию, сидел в тюрьме, воевал в партизанском отряде, носил форму капитана Советской армии, возглавлял удивительную и прекрасную страну в течение долгих лет. Можно только позавидовать такой судьбе. И вслед за корейцами в его день рождения поднять традиционный тост: «За вечную жизнь президента Ким Ир Сена! Мансэ!»

ПРИМЕЧАНИЯ

Глава первая
СОСНА НА ГОРЕ НАМ

[1] *Ким Ир Сен.* В водовороте века: Мемуары: В 8 кн. Пхеньян, 1994–1998. Кн. 1.С. 7.

[2] Там же. С. 5.

[3] *Ким Чан Хван, Кан Сок Хи.* Очерк корейской истории: В 3 кн. Пхеньян, 1992,1995, 1996. Кн. 2. С. 87.

[4] *Dae-Sook Suh.* Kim И Sung: The North Korean Leader. New York, 1988. P. 5.

[5] Непоколебимый антияпонский боец-революционер Ким Хён Чжик. Пхеньян, 1972. С. 89.

[6] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 1. С. 45.

Глава вторая
«К ВОДАМ СИНЕЙ РЕЧКИ АМНОККАН»

[1] *Ким Ир Сен.* В водовороте века. Кн. 1. С. 70–71.

[2] *Ким Г.* История иммиграции корейцев: Кн. 1: Вторая половина XIX века — 1945 год. Алматы, 1999. С. 21.

[3] *Усова Л. А.* Корейское коммунистическое движение: 1918–1945 годы: Американская историография и документы Коминтерна. М., 1997. С. 17.

[4] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 1. С. 366.

[5] ВКП(б), Коминтерн и Корея: 1918–1941 [Сборник документов]. М., 2007. С. 41–42.

[6] *Усова Л. А.* Корейское коммунистическое движение… С. 35–36.

[7] *Савченко В.* Атаманы казачьего войска. М., 2006. С. 388–389.

[8] ВКП(б), Коминтерн и Корея… С. 15.

[9] *Чве Ин Су.* Ким Чен Ир — народный руководитель: В 2 кн. Пхеньян, 1991. Кн. 1. С. 301.

[10] *Усова Л. А.* Корейское коммунистическое движение… С. 65–67.

[11] *Ким Чан Хван, Кан СокХи.* Очерк корейской истории. Кн. 2. С. 72.

[12] *ПанцовА.* Мао Цзэдун. М., 2007. С. 103.

[13] *Прохоров Д.* Литерное дело маршала Чжан Цзолиня // Независимое военное обозрение. 2003. 27 июня.

[14] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 1. С. 378.

[15] *ЖебинА. З.* Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., 2006. С. 25.

[16] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 1. С. 420.

Глава третья
НА СОПКАХ МАНЬЧЖУРИИ

[1] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 2. С. 266.

[2] *Dae-Sook Suh.* Kim Il Sung… P. 11–14.

[3] *Усова Л. А.* Корейское коммунистическое движение… С. 91.

[4] *Ким Ир Сен.* Женщины Севера и Юга должны сомкнуть свои ряды и ускорить процесс объединения родины // *Ким Ир Сен.* Сочинения: В 44 т. Пхеньян, 1980–1999. Т. 43. С. 492.

[5] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 3. С. 246.

[6] Там же. Кн. 4. С. 25.

[7] Там же. С. 411.

[8] Там же. Кн. 8. С. 197.

[9] ВКП(б), Коминтерн и Корея… С. 34.

[10] *Пак М. Н.* История и историография Кореи: Избранные труды. М, 2003. С. 84.

[11] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце: В 4 кн. Пхеньян, 1980. Кн. 1.С. 376.

[12] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 7. С. 407–408.

[13] *Новиков К* Неуместное население // Коммерсантъ: Власть. 2007. № 32 (736).

[14] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 7. С. 435.

[15] Там же. С. 450–451.

[16] ВКП(б), Коминтерн и Корея… С. 754.

[17] Море крови: Революционная опера: Либретто. Пхеньян, 1972.

Глава четвертая
«НЕ МОГУ ЗАБЫТЬ АМУР»

[1] *Иванов В. И.* В тылах Квантунской армии: Правда о 88-й китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта. М., 2009. С. 239.

[2] ВКП(б), Коминтерн и Корея… С. 739–743.

[3] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 8. С. 130.

[4] Там же. С. 186.

[5] *Иванов В. И.* В тылах Квантунской армии… С. 243.

[6] *Dae-Sook Suh.* Kim Il Sung… P. 49–50.

[7] Ким Чен Сук: Биография. Пхеньян, 2002. С. 224–225.

[8] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 8. С. 349.

[9] Там же. С. 527–529.

[10] *ТоркуновА. В., Денисов В. И, Ли Вл. Ф.* Корейский полуостров: Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008. С. 50.

[11] *Иванов В. И.* В тылах Квантунской армии… С. 295.

[12] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 8. С. 543.

Глава пятая
ВОСХОД СОЛНЦА НАЦИИ

[1] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 8. С. 554.

[2] *Ким ЧанХван, Кан СокХи.* Очерк корейской истории. Кн. 3. С. 2–3.

[3] *Ланьков А. Н.* КНДР вчера и сегодня: Неформальная история Северной Кореи. М., 2005. С. 415–416.

[4] *Dae-Sook Suh.* Kim И Sung… P. 63.

[5] *ЛаньковА. Н.* КНДР вчера и сегодня… С. 72.

[6] *Ким Ир Сен.* Ветераны антияпонской борьбы — славные зачинатели нашей революции // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 43. С. 411.

[7] *Почтарев А.* Тайный советник солнца нации: Интервью с Г. Меклером // Независимое военное обозрение. 2005. 14 января.

[8] *Торкунов А.* Ä, *Денисов В. И., Ли Вл. Ф.* Корейский полуостров… С. 106.

[9] *Чистяков И. М.* Служим Отчизне, http://militera.lib.ru/memo/russian/chistyakov_im/l 9.html

[10] *Симотомаи И.* Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи холодной войны (1945–1961). М., 2010. С. 36.

[11] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце. Кн. 2. С. 32.

[12] *Чистяков И. М.* Служим Отчизне, http://militera.lib.ru/memo/russian/chistyakov_im/19.html

[13] *Dae-Sook Suh.* Ют II Sung… С. 66–67.

[14] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. М., 2005. С. 512.

[15] Ким Ир Сен: Биографический очерк. Пхеньян, 2001. С. 181.

[16] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце. Кн. 2. С. 130.

[17] *Ким Ир Сен.* Что нам делать и как работать в этом году? // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 4. С. 36–37.

[18] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце. Кн. 2. С. 34.

[19] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. С. 508.

[20]*ЛаньковА. И.* КНДР вчера и сегодня… С. 124–125.

[21] *Ким Ир Сен.* Все силы на борьбу за укрепление демократической базы // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 4. С. 254—55.

[22] *Ким Ир Сен.* В водовороте века… Кн. 8. С. 207–208.

[23] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. С. 18.

[24] *Ким Ир Сен.* О работе всех звеньев партийной организации

КПСК // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 1. С. 49.

Глава шестая
ДОРОГОЙ ПОЛКОВОДЕЦ

[1] *Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф.* Корейский полуостров… С.125.

[2] *Стьюк У.* Корейская война. М., 2002. С. 61.

[3] *Окороков А.* Сверхсекретные войны Советского Союза. М., 2010. С. 487.

[4] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. С. 73.

[5] *Асмолов К.* О причинах изменения курса Москвы. http://makkawity.livejournal.com/1436126.html

[6] *Хрущев Н. С.* Время, люди, власть: Воспоминания: В 4 кн. М., 1999. Кн. 2. Ч. 3. С. 83.

[7] *Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н.* Харперская энциклопедия военной истории: Всемирная история войн: Кн. 4: 1925–1997 годы. СПб.; М, 1998. С. 541.

[8] *Торкунов А. В., Денисов В. Н., Ли Вл. Ф.* Корейский полуостров… С. 134–135.

[9] *Ким Ир Сен.* Обращение по радио ко всему корейскому народу // *Ким Ир Сен.* Справедливая Отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1955. С. 9.

[10] *Симотомаи Н.* Ким Ир Сен и Кремль… С. 120.

[11] История революционной деятельности великого вождя товарища Ким Ир Сена. Пхеньян, 1982. С. 336–338.

[12] *Ким ЧанХван, Кан СокХи.* Очерк корейской истории. Кн. 3. С. 105.

[13] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. С. 109.

[14] *Стьюк У.* Корейская война. С. 91.

[15] *Ким Ир Сен.* Обращение по радио ко всему корейскому народу // *Ким Ир Сен.* Справедливая Отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость. С. 20–28.

[16] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. С. 119.

[17] Там же. С. 83–84.

[18] Там же. С. 95.

[19] Там же. С. 157.

[20] *Панцов. А.* Мао Цзэдун. С. 548.

[21] *Симотомаи Н.* Ким Ир Сен и Кремль… С. 127.

[22] 58.10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Март 1953–1991: Аннотированный каталог. М., 1999. С. 115.

[23] *Тарасов В. А.* Советская дипломатия в период Корейской войны (1950–1953 годы). http://www.asia-times.ru/countries/koreas/soviet_diplomat.htm

[24] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. С. 222.

[25] *Ким Ир Сен.* Современное положение и основные задачи: Доклад на III пленуме ЦК ТПК // *Ким Ир Сен.* Справедливая Отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость. С. 82.

[26] *Толстиков В.* Капитан Красной армии Ким был хороший мужик // Коммерсантъ: Власть. 2002. № 37 (490).

[27] *Симотомаи Н.* Ким Ир Сен и Кремль… С. 131.

[28] *Асмолов К* Глава четырнадцатая, в которой Сеул занимают южане, линия фронта окончательно замирает, Трумэн увольняет Макартура, а мы кратко разбираем, кто был круче, «МиГ» или «Сейбр». http://makkawity.livejournal.com/1452348.html

[29] *Торкунов А. В.* Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000. С. 162–267.

[30] *Ким Ир Сен.* Шестая годовщина освобождения Кореи // *Ким Ир Сен.* Справедливая Отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость. С. 144–147.

[31] Ким Ир Сен: Биографический очерк. С. 200.

[32] *Асмолов К.* Проблема репатриации пленных, http://makkawity.live-journal.com/1456656.html

[33] *Стьюк У.* Корейская война. С. 434.

[34] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. С. 476–477.

[35] *Виниченко М.* Подземная война // Независимое военное обозрение. 2002. 9 июня.

[36] *Астахов Г.* Хван Чжан Ёп: трагедия «главного перебежчика». http://www.all-korea.ru/socialnyj-kod-idej-cuche/hvan-czan-eep-tragedia-glavnogo-perebezcika

[37] *Панцов А.* Большая игра кремлевского «отца народов» // Независимое военное обозрение. 2008. 18 июля.

[38] *Ким Ир Сен.* Современное военное положение и некоторые проблемы укрепления партии // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 7. С. 432–433.

[39] *Ким Ир Сен.* Доклад на IV пленуме ЦК ТПК: О некоторых недостатках в организационной работе парторганизаций // *Ким Ир Сен.* О строительстве Трудовой партии Кореи: В 3 кн. Пхеньян, 1977–1980. Кн. 1.С. 467–493.

[40] *Ланьков А. Н.* КНДР вчера и сегодня… С. 219–220.

[41] *Ким Ир Сен.* Современное военное положение и некоторые проблемы укрепления партии, органов власти и народной армии // *Ким Ир Сен.* О строительстве Трудовой партии Кореи. Кн. 1. С. 590–591.

[42] История революционной деятельности великого вождя товарища Ким Ир Сена. С. 379.

[43] *Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н.* Корея в огне войны. С. 499–503.

[44] Там же. С. 393.

[45] *Ким Ир Сен.* Обращение маршала Ким Ир Сена ко всему корейскому народу в связи с подписанием соглашения о перемирии // *Ким Ир Сен.* Справедливая Отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость. С. 269.

Глава седьмая
«НЕ ЗАВИДУЕМ НИКОМУ НА СВЕТЕ»

[1] История революционной деятельности великого вождя товарища Ким Ир Сена. С. 337.

[2] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце. Кн. 2. С. 340.

[3] *Ланьков А.* Август, 1956 год: Кризис в Северной Корее. М., 2009. С. 124–125.

[4] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце. Кн. 2. С. 397.

[5] Ким Ир Сен: Биографический очерк. С. 226–227.

[6] *Ходжа Э.* Хрущевцы: Воспоминания. Тирана, 1980. С. 253–254.

[7] *Симотомаи И.* Ким Ир Сен и Кремль… С. 245–259.

[8] *Толстиков В.* Капитан Красной армии Ким был хороший мужик // Коммерсантъ: Власть. 2002. № 37 (490).

[9] *Симотомаи Н.* Ким Ир Сен и Кремль… С. 270.

[10] *Ланьков А.* Август, 1956 год… С. 287.

[11] *Ким Ир Сен.* Исторический опыт строительства Трудовой партии Кореи // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 40. С. 36.

[12] *Ким Ир Сен.* Беседа с делегацией Левой демократической партии Эквадора // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 43. С. 71–72.

[13] *Степанов Т.* Отрывки из дневника // Известия. 2003.4 марта.

[14] *Гурченко С.* Рандеву без протокола // Труд. 2001. 19 января.

[15] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце. Кн. 3. С. 85–86.

[16] *Ким Ир Сен.* О развитии корёсской традиционной медицины // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 34. С. 137.

[17] *Александров В.* Трудные годы советской биологии: Записки современника. http://vivovoco.rsl.m/W/PAPERS/BIO/VLADALEX/YEARS.HTM

[18] *Асмолов К.* Генерал Пак Чжон Хи: Очерк политической биографии // Сеульский вестник. 2003. № 77–80.

[19] *Курбанов С.* Курс лекций по истории Кореи: С древности до конца XX века. СПб, 2002. С. 508.

[20] *Толстиков В.* Капитан Красной армии Ким был хороший мужик. Коммерсантъ: Власть. 2002. № 37 (490).

[21] *Ким Ир Сен.* По случаю нового 1969 года // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 23. С. 228.

[22] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце. Кн. 3. С. 156.

Глава восьмая
ЗОЛОТОЙ ВЕК ЧУЧХЕ

[1] Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 2010. С. 13.

[2] *Ким Ир Сен.* Улучшить работу Административного совета и обязательно выполнить пять задач в области экономики // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 41. С. 19.

[3] *Курбанов С.* Идеи чучхе: конфуцианская традиция // Восточная коллекция. 2001. № 4 (7). С. 58–65.

[4] *Ким Ир Сен.* О развитии корёсской традиционной медицины // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 34. С. 144–145.

[5] *Ким Ир Сен.* Ответы на вопросы газеты «Асахи симбун» // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 43. С. 343.

[6] *Антонов М.* От лжекапитализма к тоталитаризму: Мир в XXI веке и судьбы России. http://zhurnal.lib.rU/a/antonow_m_f/from_to.shtml

[7] *Ким Ир Сен.* Беседа с председателем Рабочей партии — коммунисты Швеции // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 43. С. 429.

[8] *ЛанъковА. Н.* КНДР вчера и сегодня… С. 225.

[9] *Чве Ин Су.* Ким Чен Ир — народный руководитель. Кн. 1. С. 73–75.

[10] *Ким Ир Сен.* Беседа с президентом демократической Камбоджи // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 41. С. 156–157.

[11] *Ким Ир Сен.* Отчетный доклад V съезду ТПК // *Ким Ир Сен.* О строительстве Трудовой партии Кореи. Кн. 3. С. 594.

[12] *О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю.* Щедрое солнце. Кн. 4. С. 212–213.

[13] *Ким Ир Сен.* О дальнейшем улучшении жизни населения Пхеньяна // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 34. С. 167.

[14] *Крючков В.* Личность и власть: Отрывки из воспоминаний // Красная звезда. 2004. 1 июля.

[15] *Постников* С. *И.* В далеких гарнизонах. М., 2004. С. 377.

[16] *МлечинЛ.* Мои друзья-диктаторы. М., 2007. С, 503.

[17] *Степанов Т.* Отрывки из дневника // Известия. 2003.4 марта.

[18] *Ким Ир Сен.* О дальнейшем развитии химической промышленности и воспитании у работников революционной решимости жить по-нашему // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 40. С. 334–337.

Глава девятая
ВЕЧНЫЙ ПРЕЗИДЕНТ

[1] *Ким Ир Сен.* Беседа с председателем Рабочей партии — коммунисты Швеции // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 43. С. 423–424.

[2]*Горбачев М.* Отката к авторитаризму не будет // Новые известия. 2006. 2 марта.

[3] *Ким Ир Сен.* Об активизации движения за воссоединение Родины среди бывших соотечественников // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 44. С. 201.

[4] *Ким Ир Сен.* Беседа с делегацией левой демократической партии Эквадора // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 43. С. 71–72.

[5] *Ким Ир Сен.* О направлении реставрации могилы Тангуна // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 44. С. 290.

[6] *Ким Ир Сен.* О надлежащей реставрации гробницы короля Тонмена // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 4L С. 418–19.

[7] *Ким Ир Сен.* Каждый, принадлежащий к корейской нации, должен все подчинять делу воссоединения Родины // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 44. С. 459.

[8] *Ким Ир Сен.* Программа по великой консолидации всей нации для объединения Родины из десяти пунктов // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 44. С. 176–179.

[9] *Клинтон Б.* Моя жизнь. М., 2005. С. 661.

[10] Корея сегодня. № 682. Июль 94 (2005) года.

[11] *Бердышев Г.* Вода вождей когда-то продлила жизнь Брежневу // Аргументы и факты. 2009. 8 апреля.

[12] *Ким Ир Сен.* Ответы на вопросы корреспондентов американской газеты «Вашингтон тайме» // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 44. С. 418.

[13] Ким Ир Сен: Биографический очерк. С. 366.

[14] *Ким Ир Сен.* Беседа с делегацией «Движение 26 мая» Уругвая // *Ким Ир Сен.* Сочинения. Т. 44. С. 92.

[15] Ким Чен Ир: Биографический очерк. М., 2002. С. 229–230.

[16] Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. С. 2.

Послесловие
КИМИРСЕНОВСКОЕ ГОСУДАРСТВО В XXI ВЕКЕ

[1] *Кирьянов О.* Ким Дэ Чжун предложил пакетное решение всех проблем КНДР // Российская газета. 2009.15 января.

[2] *Кирьянов О.* Дружба по-корейски // Российская газета. 2007.5 октября.

3 *Пуликовский К.* Восточный экспресс: По России с Ким Чен Иром. http://www.all-korea.ru/knigi-o-korei/konstantin-pulikovskij/vostocnyj-ekspress-po-rossii-s-kim-cen-irom

4 *Мальцева О.* Вальс с Ким Чен Иром. http://www.all-korea.ru/knigi-o-korei/olga-malceva/vals-s-kim-cen-irom

5 *Кирьянов О.* Власти КНДР заявили о предотвращении покушения на Ким Чен Ира // Российская газета. 2008. 18 декабря.

6 *Ланьков А.* Естественная смерть корейского сталинизма. http://www. polit.ru/lectures/2007/02/22/larikov_print.html

7 DPR Korea: 2008 Population Census: National Report http://unstats. un.org/unsd/demographic/sources/census/2010_PHC/North_Korea/Fi-nal%20national%20census%20report.pdf

8 *Ланьков А.* За фасадом северокорейского сталинизма. http://www. irdiberty.ru/library/study/374/

9 *Верхотуров Д.* Чтоб вы жили при коммунизме! http://schriftsteller. livejoumal.com/592672.html?view=7278624

10 Совместная передовая статья газет «Нодон синмун», «Чосон инмингун» и «Чхоннён чонви». 01.01.2011 http://175.45.176.14/ru/news/news_ view.php?0+28423

11 *Степанов Т.* Отрывки из дневника // Известия. 2003.4 апреля.

[12] *Беляев-Гинтовт Л.* Союз меча и хризантемы // Завтра. 2010. 29 декабря.

[13] *Волынец А.* Парад в Пхеньяне, http://alter-vij.livejoumal.com/149142/ html#cutidl

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИМ ИР СЕНА

1912, 15 апреля — в деревне Мангёндэ неподалеку от Пхеньяна в семье Ким Хён Чжика и Кан Бан Сок родился первенец Ким Сон Чжу, впоследствии Ким Ир Сен.

1919, осень — переезд семьи Ким Хён Чжика из Кореи в Маньчжурию под давлением японских властей. Ким Сон Чжу поступает в начальную школу в городе Бадаогоу, изучает китайский язык.

1923, 16–29 марта — «путь в тысячу ли»: для обучения в корейской школе отец отправляет Ким Сон Чжу домой, в Мангёндэ.

1926, 5 июня — смерть Ким Хён Чжика от болезни. Сыну в наследство оставлены два пистолета и идея «чивон» («имей великий замысел»).

1926–1927 — возвращение Ким Сон Чжу в Маньчжурию и поступление в военное училище «Хвасоньисук» в городе Хуадянь. По северокорейской версии, в возрасте 14 лет создает первую революционную организацию — Союз свержения империализма.

1927–1929 — учеба в Юйвэйской средней школе в Гирине.

1929, осень — арест за участие в подпольном кружке любителей марксистской литературы. Полугодовое заключение в тюрьме.

1930, июнь — по северокорейской версии, Ким создает первую партийную организацию — «Союз товарищей Консор» и Корейскую революционную армию (в 1932 году, 25 апреля, она преобразуется в Антияпонскую партизанскую народную армию, а в 1934-м — в Корейскую народно-революционную).

1932 — по данным иностранных биографов, Ким вступает в Коммунистическую партию Китая, создает партизанский отряд корейцев в рамках Объединенной антияпонской партизанской армии, руководимой китайскими командирами, и получает псевдоним Ким Ир Сен (Восходящее Солнце).

Февраль — создание под патронатом маньчжурских властей лиги «Минсэндан» — прояпонской организации корейцев. Многие корейцы, участвующие в партизанском движении, попадают под подозрение в сотрудничестве с «Минсэнданом». Ким Ир Сен выступает против «охоты на ведьм».

Март — создание марионеточного государства Маньчжоу-Го после оккупации Маньчжурии японской армией.

1933, 31 июля — смерть матери, Кан Бан Сок.

1934–1935, зима — поход отряда Кима в Северную Маньчжурию при морозах до минус 50 градусов.

1936 — знакомство с партизанкой, швеей и поварихой Ким Чен Сук, будущей женой.

10 июня — создает Лигу возрождения Родины, объединившую патриотические силы корейцев (по северокорейской версии, он возглавил ее).

1937, 4 июня — рейд отряда Ким Ир Сена в пограничный корейский городок Почхонбо. Уничтожение японской администрации и преследовавшего партизан отряда полиции под руководством Окавы. *Июль* — начало Японо-китайской войны.

1939, зима — отряд Ким Ир Сена попадает в окружение, с боями прорывается из него и совершает Трудный поход с выходом к реке Амнок.

1940 — убийство японцами командующего Северо-восточной антияпонской объединенной армии Ян Цзиньюя. Разгром партизанского движения в Маньчжурии.

Декабрь — Ким Ир Сен выводит свой отряд к советской границе и переходит на территорию СССР.

1941 — пребывание в СССР (до 1945 года) с периодическими партизанскими рейдами в Маньчжурию.

1942 — присвоение звания капитана РККА.

16 февраля — у Ким Ир Сена и Ким Чен Сук рождается первенец — Ким Чен Ир. По северокорейской версии, родился в тайном партизанском лагере близ горы Пэкту на территории Кореи. По версии иностранных биографов, появился на свет в СССР.

30 июля — создание 88-й стрелковой бригады из числа китайских и корейских бойцов. Ким возглавляет батальон, укомплектованный корейцами. Проходит курс обучения военной стратегии и тактики, получает подготовку по общественно-политическим наукам. *1945, 9 августа* — СССР начинает войну с Японией.

15 августа — советские войска освобождают территорию Кореи севернее 38-й параллели (по договоренности с США). По северокорейской версии, освободительные бои велись силами КНРА во взаимодействии с советскими войсками.

19 сентября — прибытие Ким Ир Сена в порт Вонсан на пароходе «Емельян Пугачев».

10 октября — создание Северокорейского бюро Коммунистической партии Кореи (в КНДР отмечается как День создания правящей Трудовой партии Кореи). Ким Ир Сен занимает пост секретаря бюро.

14 октября — выступление на многотысячном митинге в

Пхеньяне по случаю освобождения Кореи.

1946у 8 февраля — становится главой неформального правительства — Северокорейских народных комитетов.

1 марта — покушение на Ким Ир Сена во время митинга в честь годовщины Первомартовского восстания. В сторону трибуны кидают гранату, Кима спасает накрывший ее своим телом советский лейтенант Яков Новиченко.

28–30 августа — учредительный съезд Трудовой партии Северной Кореи. Ким Ир Сен — вице-председатель партии.

1948, 8 февраля — дата официального создания регулярной Корейской народной армии.

9 сентября — провозглашение Корейской Народно-Демократической Республики.

1949, 30 июня — слияние Трудовых партий Севера и Юга в единую Трудовую партию Кореи. Ким Ир Сен становится ее председателем. *Сентябрь* — смерть от болезни супруги Ким Чен Сук.

1950, 25 июня — начало Корейской войны (ее первый этап длился до

15 сентября). Наступление северокорейской армии.

26 июня — Ким Ир Сен становится председателем Государственного комитета обороны, радиообращение к нации.

27 июня — вступление в войну сил ООН на стороне Южной Кореи.

28 июня — северокорейские войска входят в Сеул.

Конец августа — армия КНДР контролирует 90 процентов территории Южной Кореи.

15 сентября — десант войск ООН в Инчхоне. Начало второго этапа Корейской войны (продолжался до 25 октября). Наступление войск ООН и южнокорейской армии.

11 октября — взятие Пхеньяна войсками ООН. Правительство КНДР эвакуируется к китайской границе.

25 октября — вступление в войну китайских народных добровольцев. Начало третьего этапа Корейской войны (продолжался до апреля 1951 года). Наступление войск китайско-северокорейской коалиции.

Ноябрь — речь Ким Ир Сена на III пленуме ЦК ТПК в Канге с разоблачением виновных в военных неудачах.

1951, апрель — стабилизация фронта в районе 38-й параллели, позиционные бои (до июля 1953 года).

10 июля — начало мирных переговоров.

Ноябрь — IV пленум ЦК ТПК. Борьба с левацкими перегибами.

Снятие Хо Га И с постов генерального секретаря ТПК и главы

Контрольной комиссии.

1952, ноябрь — V пленум ЦК ТПК. Начало кампании против группы Пак Хон Ёна — Ли Сын Ёпа.

1953, 27 июля — подписание соглашения о перемирии. Окончание войны.

1955, 28 декабря — Ким Ир Сен произносит программную речь «Об изжитии догматизма и формализма и установлении чучхе в идеологической работе». Начало преобразования корейского общества по чучхейскому образцу.

1956, август — выступление партийной оппозиции на пленуме ЦК ТПК и ее разгром.

Сентябрь — визит в Пхеньян Анастаса Микояна и Пэн Дэхуая. Безуспешная попытка заставить Ким Ир Сена реабилитировать оппозицию. *Декабрь* — на Кансонском сталелитейном заводе дает старт движению «Чхоллима»: «Мы должны делать десять шагов, когда другие — один шаг, а когда те пробегают десять шагов, мы — сто».

1960, февраль — руководит на месте работой совхоза «Чхонсан» и придумывает метод «Чхонсанри».

1961 — отстранение Ли Сын Мана от власти в Южной Корее. Приход к власти генерала Пак Чон Хи.

Май — визиты Ким Ир Сена в Москву и Пекин, подписание договоров «О дружбе, сотрудничестве и взаимопомощи» с СССР и КНР. Курс на равноудаленность в «великой советско-китайской полемике».

1962, ноябрь — создает и начинает внедрять на практике Тэанскую систему работы.

1963 — по данным иностранных биографов, женится во второй раз на работнице партийного аппарата ТПК Ким Сон Э.

1966, май — тайный саммит Ким Ир Сена и Леонида Брежнева во Владивостоке на борту ракетного крейсера «Варяг».

1968, январь — штурм правительственной резиденции в Сеуле партизанами (по северокорейской версии) или спецназом КНДР (по южнокорейской версии). Северокорейские моряки захватывают американское разведывательное судно «Пуэбло».

1970 — V съезд ТПК. Ким Ир Сен выдвигает курс на сотрудничество с развивающимися странами.

1972, апрель — Ким Ир Сену 60 лет. Открытие монумента вождю на холме Мансу.

25–28 декабря — принятие новой Конституции. Ким Ир Сен становится президентом КНДР.

1974 — Ким Чен Ир избран членом политического комитета ЦК ТПК и стал официальным преемником Ким Ир Сена.

1979, октябрь — убийство Пак Чон Хи.

1980 — приход к власти в Южной Корее Чон Ду Хвана. Бойня в Кванчжу.

Октябрь — VI съезд ТПК.

1984 — турне Ким Ир Сена на поезде по СССР и Восточной Европе.

1989— XIII фестиваль молодежи и студентов в Пхеньяне. Последнее общее мероприятие социалистического блока.

1991, декабрь — распад СССР.

1992 — Ким Ир Сену 80 лет. Начинает писать мемуары «В водовороте века».

1994 — первый ядерный кризис вокруг КНДР. Обострение отношений с США.

Июнь — визит экс-президента США Джимми Картера в КНДР. Встреча с Ким Ир Сеном и урегулирование ядерного кризиса. *8 шюля* — смерть Ким Ир Сена от сердечного приступа.

1995, шюль — открытие Кымсусанского мемориального дворца.

1998 — принятие новой редакции Конституции КНДР. Ким Ир Сен становится Вечным Президентом КНДР.

ЛИТЕРАТУРА

Armstrong C. K. The North Korean Revolution, 1945–1950. Cornell University Press, 2002.

Cummings B. North Korea: Another Country. New York, 2004.

DPR Korea: 2008 Population Census: National Report http://unstats.un.org/unsd/demographic/sources/census/2010_PHC/North_Korea/ Final%20national%20census%20report.pdf

Oberdörfer D. The two Koreas: A Contemporary History. New York, 2002.

Dae-Sook Suh. Kim II Sung: The North Korean Leader. New York, 1988.

Szalontai B. Kim II Sung in the Khrushchev Era: Soviet- DPRK Relations and the Roots of North Korean Despotism, 1953–1964. Stanford, 2006.

58.10. Надзорные производства прокуратуры СССР по делам об антисоветской агитации и пропаганде: Март 1953–1958: Аннотированный каталог. М., 1999.

Александров В. Трудные годы советской биологии: Записки современника. СПб., 1992.

Амелько Н. Н. В интересах флота и государства: Воспоминания адмирала. М., 2003.

Анпилов В. И. Наша борьба. М., 2002.

Антонов М. От лжекапитализма к тоталитаризму: Мир в XXI веке и судьбы России. М., 2008.

Асмолов К. Генерал Пак Чжон Хи: Очерк политической биографии // Сеульский вестник. 2003. № 77–80.

Асмолов К. Корейская политическая культура: Традиции и трансформация. М., 2009.

Асмолов К. От Тэвонгуна до сонгуна (Очерки социально-политической истории Кореи в Новое и Новейшее время) http://makkawitylivejournal.com/

Астахов Г. Хван Чжан Ёп: трагедия «главного перебежчика», http://www.all-korea.ru/socialnyj-kod-idej-cuche/hvan-czan-eep-tragedia-glavno-go-perebezcika

Беляев-Гинтовт А. Союз меча и хризантемы // Завтра. 2010. 29 декабря.

Бердышев Г. Вода вождей когда-то продлила жизнь Брежневу // Аргументы и факты. 2009. 8 апреля.

Великий человек мира: В 6 кн. Пхеньян, 1987–1989.

Верхотуров Д. Чтоб вы жили при коммунизме! http://schriftstelier. livejournal.com/592672.html?view=7278624

Виниченко М. Подземная война // Независимое военное обозрение. 2002. 9 июня.

ВКП(б), Коминтерн и Корея: 1918–1941 [Сборник документов]. М., 2007.

Вознесенский М. Б. На грани мировой войны: Инцидент «Пуэбло». М., 2007.

Волынец А. Парад в Пхеньяне, http://alter-vij.livejournal.com/149142. tml#cutidl

Горбачев М. Отката к авторитаризму не будет // Новые известия. 2006. 2 марта.

Дюпюи Р. Э., Дюпюи Т. Н. Харперская энциклопедия военной истории: Всемирная история войн: Кн. 4: 1925–1997 годы. М., 1998.

Жебин А. З. Эволюция политической системы КНДР в условиях глобальных перемен. М., 2006.

Жирное Е. В партии распространено мнение, что без культа личности обойтись нельзя // Коммерсантъ: Власть. 2003. № 29 (532).

Иванов В. И. В тылах Квантунской армии: Правда о 88-й китайско-корейской бригаде Дальневосточного фронта. М., 2009.

История революционной деятельности великого вождя товарища Ким Ир Сена. Пхеньян, 1983.

Ким Г. История иммиграции корейцев: Кн. 1: Вторая половина XIX века — 1945 год. Алматы, 1999.

Ким Г. Язык — оружие идеологии. http://world.lib.ru/k/kim_o_i/ dfgs3rtf.shtml

Ким Ир Сен. В водовороте века: Мемуары: В 8 кн. Пхеньян, 1994–1998.

Ким Ир Сен. О строительстве Трудовой партии Кореи: В 3 кн. Пхеньян, 1977–1980.

Ким Ир Сен. Сочинения: В 44 т. Пхеньян, 1980–1999.

Ким Ир Сен. Справедливая Отечественная освободительная война корейского народа за свободу и независимость. Пхеньян, 1955.

Ким Ир Сен: Биографический очерк. Пхеньян, 2001.

Ким Ок Сун. Ким Чен Сук — героиня антияпонской войны. Пхеньян, 1997.

Ким Чан Хван, Кан Сок Хи. Очерк корейской истории: В 3 кн. Пхеньян, 1992,1995,1996.

Ким Чен Ир. Об идеях чучхе. Пхеньян, 1982.

Ким Чен Ир: Биографический очерк. М., 2002.

Ким Чен Сук: Биография. Пхеньян, 2002.

Кирьянов О. Власти КНДР заявили о предотвращении покушения на Ким Чен Ира // Российская газета. 2008. 18

декабря.

Кирьянов О. Дружба по-корейски // Российская газета. 2007. 5 октября.

Кирьянов О. Ким Дэ Чжун предложил пакетное решение всех проблем КНДР // Российская газета. 2009.15 января.

Клинтон Б. Моя жизнь. М., 2005.

Крючков В. А. Личность и власть. М., 2004.

Курбанов С. Курс лекций по истории Кореи: С древности до конца XX века. СПб., 2002.

Курбанов С. Идеи чучхе: конфуцианская традиция // Восточная коллекция. 2001. № 4 (7).

Курбанов С. Основные положения северокорейских «идей приоритета армии» — сонгун // Восточная коллекция. 2001. JSfe 4 (7).

Ланьков А. Н. КНДР вчера и сегодня: Неформальная история Северной Кореи. М., 2005.

Ланьков А. За фасадом северокорейского социализма. http:// www. inliberty.ru/library/study/374/

Ланьков А. Н. Август, 1956 год: Кризис в Северной Корее. М., 2009.

Ланьков А. Естественная смерть корейского сталинизма. http://www. polit.ru/lectures/2007/02/22/lankovˆ_print. html

Ланьков А. Корейские рыболовы с гранатометами // Русский фокус. 2002. № 33 (70).

Ли Чен Вон. Очерки новой истории Кореи. М., 1952.

Линин А. Советский герой Корейской Республики, http:// zhumal.lib. ru/l/linin_a_i/alekslin57.shtml

Мальцева О. Вальс с Ким Чен Иром. http://www. all-korea. ruAnigi-o-korei/olga-malceva/vals-s-kim-cen-irom

МлечинЛ. Мои друзья-диктаторы. М., 2007.

Море крови: Революционная опера: Либретто. Пхеньян, 1972.

Непоколебимый антияпонский борец-революционер Ким Хен Чжик. Пхеньян, 1972.

Николаева Н. И. Корейская война и антиамериканская пропаганда в СССР. http://www.sgu.rU/fues/nodes/10082/31.pdf

Новиков К. Неуместное население // Коммерсантъ: Власть. 2007. № 32 (736).

О Тхэ Сок, Пэк Бон, Ли Сан Гю. Щедрое солнце: В 4 кн. Пхеньян, 1980.

Окороков А. Сверхсекретные войны Советского Союза. М., 2010.

Орлов А. С, Гаврилов В. А. Тайны Корейской войны. М., 2003.

Павловский Б. Политическая кухня от Павла Белевца // Вечерний Брест. 2011. 15 июня.

Пак М. Н. История и историография Кореи: Избранные труды. М., 2003.

Панин А., Альтов В. Северная Корея: Эпоха Ким Чен Ира на закате. М., 2004.

Панцов А. Большая игра кремлевского «отца народов» // Независимое военное обозрение. 2008. 18 июля.

Панцов А. Мао Цзэдун. М., 2007.

Пепеляев Е. «Миги» против «Сейбров». М., 2005.

Петров Л. А. Воссоздание героического прошлого: чучхе в современной корейской историографии // Вопросы истории Кореи: 2004: Сборник статей. СПб., 2004.

Попов И. М., Лавренов С. Я., Богданов В. Н. Корея в огне войны. М., 2005.

Постников С. *И.* В далеких гарнизонах. М., 2004.

Потоцкий С. С Война в Корее: 1950–1953. М., 2001.

Почтарев А. Тайный советник Солнца нации: Интервью с Г. Меклером // Независимое военное обозрение. 2005. 14 января.

Прохоров Д. Литерное дело маршала Чжан Цзолиня // Независимое военное обозрение. 2003. 27 июня.

Пуликовский К. Восточный экспресс: По России с Ким Чен Иром. М., 2002.

Савченко В. Атаманы казачьего войска. М., 2006.

Симотомаи Н Ким Ир Сен и Кремль: Северная Корея эпохи холодной войны (1945–1961). М., 2010.

Социалистическая Конституция Корейской Народно-Демократической Республики. Пхеньян, 2010.

Степанов Т. Отрывки из дневника // Известия. 2003.4 марта; 4 апреля.

Стьюк У. Корейская война. М., 2002.

Тарасов В. А. Советская дипломатия в период Корейской войны (1950–1953 годы) http://www. asia-times. ru/countries/ koreas/soviet_diplomat. htm

Ткаченко В. Уроки корейского кризиса 1968 года // Проблемы Дальнего Востока. 2008. № 1.

Толстиков В. Капитан Красной армии Ким был хороший мужик // Коммерсантъ: Власть. 2002. № 37 (490).

Толстокулаков И. Культура Кореи во второй половине XX века, http://www. all-korea. ш/knigi-o-korei/igor-tolstokulakov/ kultura-korei-vo-vtoroj-polovine-xx-v

Торкунов А. В., Денисов В. И., Ли Вл. Ф. Корейский полуостров: Метаморфозы послевоенной истории. М., 2008.

ТоркуновА. В. Загадочная война: корейский конфликт 1950–1953 годов. М., 2000.

Турченко С. Рандеву без протокола // Труд. 2001. 19 января.

Усов В. Последний император Китая Пу И. М., 2003.

Усова Л. А. Корейское коммунистическое движение: 1918–1945 годы: Американская историография и документы Коминтерна. М., 1997.

Ходжа Э. Хрущевцы: Воспоминания. Тирана, 1980.

Хрущев Н. С. Время, люди, власть: Воспоминания: В 4 кн. М, 1999.

Чве Ин Су. Ким Чен Ир — народный руководитель: В 2 кн. Пхеньян, 1991.

Чистяков И. М. Служим Отчизне. М, 1985.

Иллюстрации

Отец Ким Ир Сена — Ким Хён Чжик и мать Кап Баи Сок.

Мать Ким Ир Сена — Кап Баи Сок.

Дом в Мангёндэ. вблизи Пхеньяна, где родился Ким Ир Сен.

Ким Сон Чжу (в будущем — Ким Ир Сен) во время учебы в училище «Хвасоньисук». *1926 г.*

Дед Ким Ир Сена Ким Бо Хён.

Наследие отца — два пистолета.

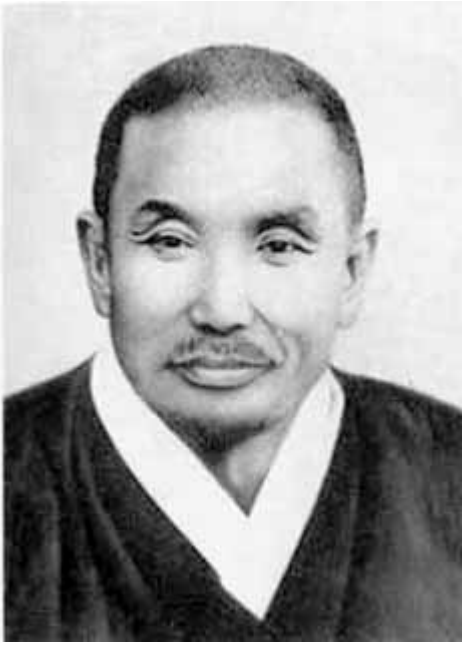
Ким Ир Сен *(в центре)* с товарищами по партизанскому отряду. *1930-е гг.*

Девушки-партизанки. Справа — Ким Чен Сук, будущая жена Ким Ир Сена. *1930-е гг.*

«Грудью защищая Полководца…»

«Встречая весну на чужбине…» Ким Ир Сен и Ким Чен Сук в советском военном лагере. *1 марта 1941 г.*

Ким Ир Сен с супругой, маленьким Ким Чен Иром. китайским партизанским командиром Чжоу Баочжуном *(справа)*, его женой и дочерью в СССР. *1940-е гг.*



Чо Ман Сик. глава Южнопхеньянского комитета по подготовке воссоздания государства Северная Корея. *1940-е гг.*

Т. Ф. Штыков — первый посол СССР в КНДР, «крестный отец» северокорейского режима. *1940-е гг.*

Ким Ир Сен на митинге по случаю освобождения Кореи. *Позади* — советские генералы. *14 октября 1945 г.*

После возвращения Ким Ир Сена на родину корейцы удивлялись молодости прославленного партизанского командира. *1945 г.*

Проверка хода выполнения земельной реформы на местах. *1947 г.*

Приветствие избирателям на митинге в честь первых выборов. *16 октября 1947 г.*

Счастливая семья в Пхеньяне. *1947 г.*

Митинг в Пхеньяне по случаю образования Единого демократического отечественного фронта. *1948 г.*

С женой и сыном. Одна из последних совместных фотографий. *1949 г.*

Ким Ир Сен в личном рабочем кабинете. *Конец 1940-х гг.*

Памятник советским воинам-освободителям Кореи в Пхеньяне.

ВЕЧНАЯ СЛАВА ВЕЛИКОЙ СОВЕТСКОЙ АРМИИ. ОСВОБОДИВШЕЙ КОРЕЙСКИЙ НАРОД ОТ ИГА ЯПОНСКИХ ИМПЕРИАЛИСТОВ И ОТКРЫВШЕЙ ЕМУ ПУТЬ К СВОБОДЕ И НЕЗАВИСИМОСТИ!
15 августа 1945г.

Памятник советским воинам-освободителям Кореи в Пхеньяне.

«Дорогие братья и сестры!» Выступление по радио в связи с началом Корейской войны 1950–1953 годов. *26 июня 1950 г.*

Встреча в ставке с бойцами. *1950 г.*

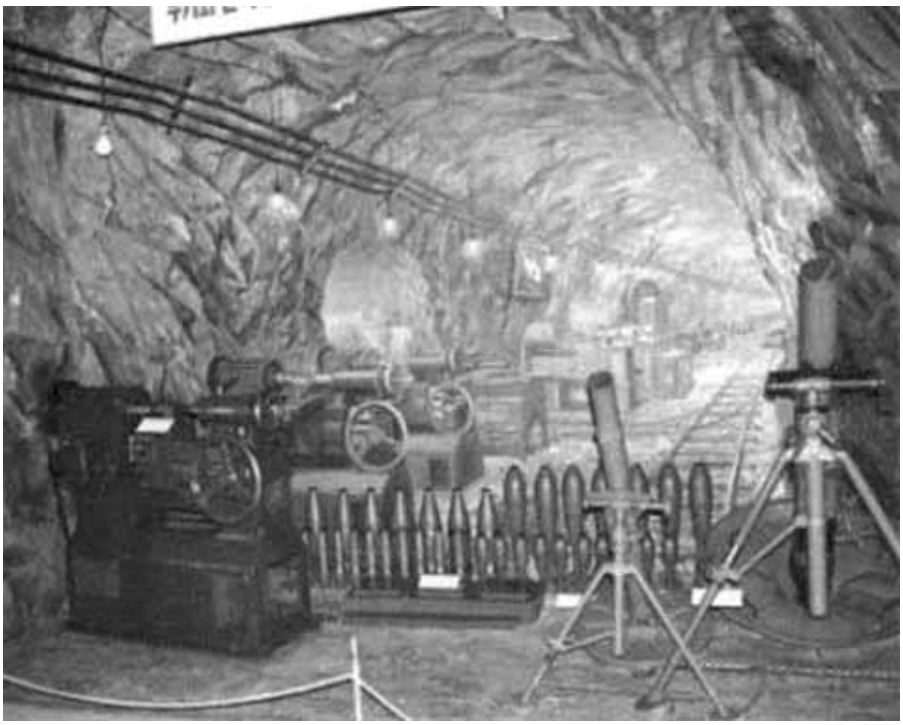
Собрание партактива одной из частей КНА во время войны.

Ким Ир Сен на фронте.

Ким Ир Сен и министр иностранных дел КНДР Пак Хон Ён (в очках) на отдыхе с соратниками. Вскоре Пак Хон Ён будет арестован по обвинению в заговоре. *Конец 1940-х гг.*

«Существующие внутри партии сектанты и либералы неприятны. как блохи…» Речь на V пленуме ЦК ТПК. *1952 г.*

Окружая народноармеймев теплом и заботой.



Во время войны в Северной Корее заводы и фабрики переместили под землю.

Маршал Ким Ир Сем принимает военный парад после окончания войны. *Июль 1953 г.*

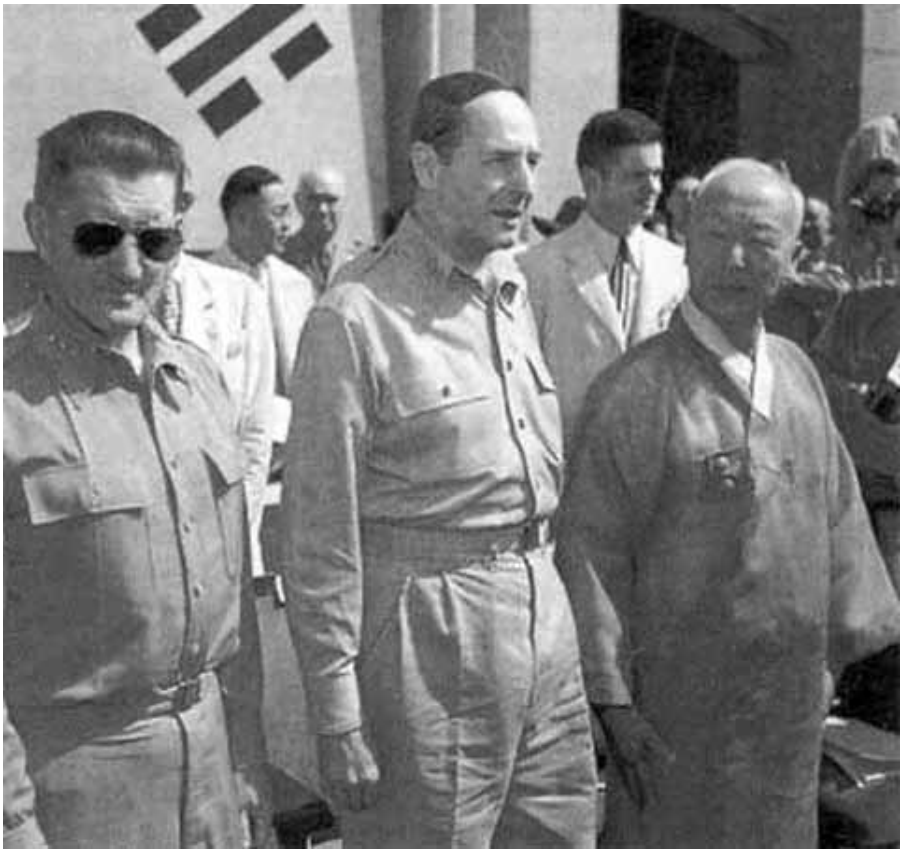
Маршал Ким Ир Сем принимает военный парад после окончания войны. *Июль 1953 г.*

«Дети в стране — короли!» — учил вождь. *1960-е гг.*

Послевоенный Пхеньян отстроили ударными темпами. *Середина 1950-х гг.*

Руководство восстановлением промышленности. *Середина 1950-х гг.*

Генерал Пак Чон Хи — президент Республики Корея в 1960-1970-е годы.



Южная Корея под опекой американцев: генералы Джон Ходж (слева) и Дуглас Макартур (в центре) с президентом Ли Сын Маном (справа) на церемонии провозглашения Республики Корея. *1948 г.*

«Великий вождь, пришлите нам фракционеров — мы бросим их в печь…» Совещание на Кансонском сталелитейном вводе. *1956 г.*

Вождь на Кансонском сталелитейном заводе, где было провозглашено движение «Чхоллима». *Октябрь 1960 г.*

Коробка виналоновой ваты, которую Ким Чем Ир привез в мавзолей Ким Ир Сена.

Вождь-отец в рабочей столовой. *1961 г.*

Ким Ир Сен на птицефабрике. *1967 г.*

Богатым урожай на полях совхоза «Мигок». *1960-е гг.*

Вся армия — когорта охранников вождя…

…и флот тоже. *1960-е гг.*

Отец начал с молодых лет готовить Ким Чен Ира к руководству страной. *1960-е гг.*

Отец начал с молодых лет готовить Ким Чен Ира к руководству страной. *1960-е гг.*

С ветеранами антияпонской революции *Справа* — маршал О Дин У. один из главных проводников выдвижения Ким Чен Ира в качестве преемника.

Бурные аплодисменты женщин «отцу нации».

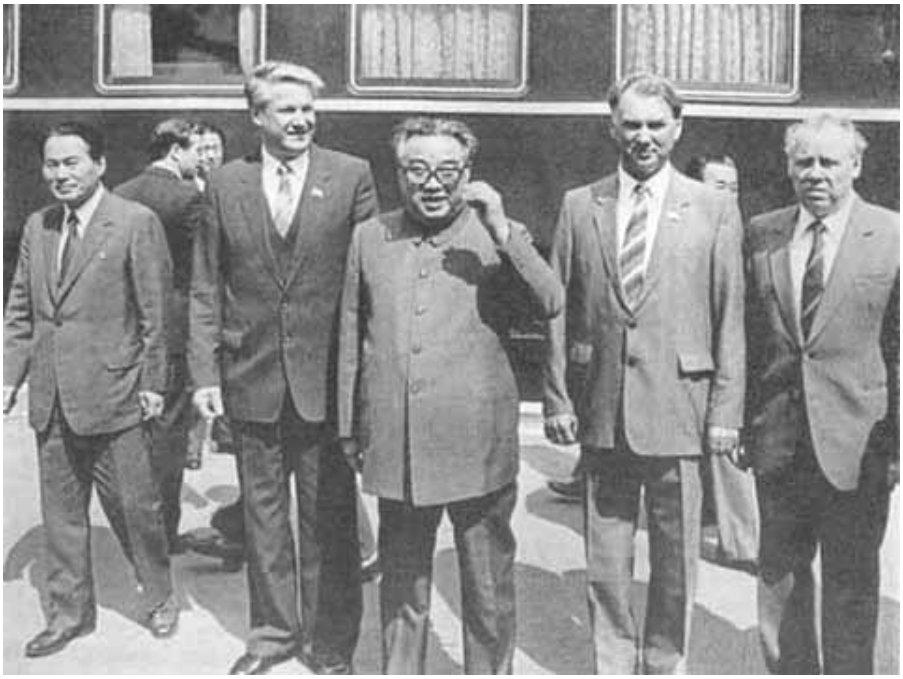
«Корея. как губы. Китай, как зубы» — встречи с Мао Цзэдуном (1958 год)…

…и Дэн Сяопином (1982 год).

«Чтобы облегчить участь народов Африки…»

Бухарест встречает президента Ким Ир Сена.

Леонид Брежнев и Ким Ир Сен. Встреча на похоронах Иосипа Броз Тито в Белграде. *1980 г.*



После прихода к власти Борис Ельцин ничего не хотел знать О Ким Ир Сене. А в 1984 году встречал его на вокзале Свердловска.

Встреча через 40 лет: Ким Ир Сен со своим спасителем Яковом Новиченко (*слева*). *1986 г.*

Вождь всегда любил русскую песню. С Людмилой Зыкиной. *1990-е гг.*

Монумент идей чучхе.

Великий вождь и Любимый руководитель у монумента идей чучхе. *1980-е гг.*

Ким Ир Сен и Ким Чен Ир с юными спортсменами. *1992 г.*

«Давайте плыть тише, там сидят рыбаки…» С Джимми Картером за месяц до смерти. *1994 г.*

Вечное приветствие своему народу.

Кымсусанский мемориальный дворец — высшая святыня чучхе.

notes

Примечания

1

Амнок — корейское название реки Ялуцзян в Восточной Азии. Словарное название — Амноккан. Окончание — кан (-ган) в названиях рек означает «река», поэтому далее, кроме некоторых цитат, названия рек приводятся без этого окончания.